
ФАНТАСТИКА \ ФЭНТЕЗИ \ КОМИКСЫ 1(04) 2001
ФАНТОМ
WWW.FANTOM.RU
ПОХИЩЕНИЕ ПРИШЕЛЬЦА
Д. Л. КАМБИАС
ДЕНЬ ПОСЛЕ КОНЦА СВЕТА
Г. ГАРРИСОН
ВОЛЬТ ДЛЯ ФЕНИКС
А. ШВЕДОВ
ВЕЛИКОЛЕПНОЕ РЕШЕНИЕ
ЯДЕРНЫЙ ВИЙ
ИСТОЧНИК СНОВИДЕНИЙ
МАКС ФРАЙ
ОБЗОРЫ
НОВОСТИ
4 600000 060040

Редакция
главный редактор
Хихус Х. Хихус
(xixyc@fantom.ru)
литературный редактор
Наталья Монастырева
(qqma@fantom.ru)

Art
Арт-директор
Казя Х
(art@fantom.ru)

дизайн верстка
Таня Отакуева
(dsyako@xaker.ru)

обложка
Константин Комардин

Реклама
руководитель отдела
Игорь Пискунов
(igor@gameland.ru)
менеджеры отдела
Алексей Анисимов
(anisimov@gameland.ru)
Ольга Басова
(olga@gameland.ru)
Виктория Крымова
(vika@gameland.ru)
тел.: (095) 229.43.67
(095) 229.28.32
факс: (095) 924.96.94

Оптовая продажа
руководитель отдела
Владимир Смирнов
(vladimir@gameland.ru)
менеджеры отдела
Андрей Степанов
(andrey@gameland.ru)
Самвел Анташян
(samvel@gameland.ru)
тел.: (095) 292.39.08
(095) 292.54.63
факс: (095) 924.96.94

Publishing
учредитель и издатель
ЗАО "Гейм Лэнд"
директор
Дмитрий Агарунов
(dmitri@gameland.ru)
финансовый директор
Борис Скворцов
(boris@gameland.ru)
Издатель
Сергей Лянге
(serge@gameland.ru)

Для писем
101000, Москва,
Главпочтамт,
а/я 652, Фантом

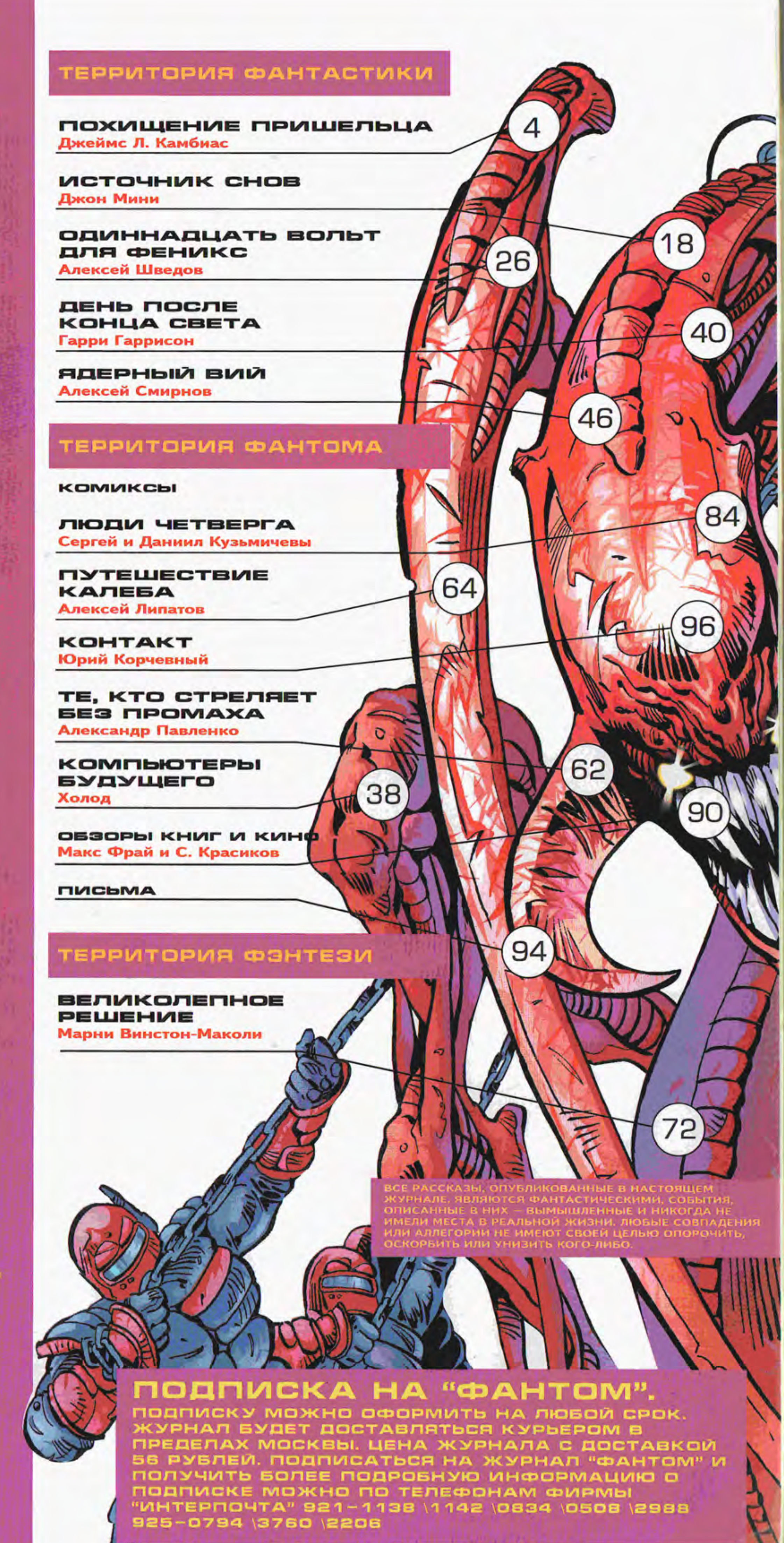
Web-Site http://www.fantom.ru
E-mail fantom@fantom.ru

www-редакторы
Григорий Батанов
sartory@fantom.ru
Владимир Обручев
bigboss@fantom.ru

Большое спасибо всем, кто помогал нам!
А. Корженевскому, В. Баканову,
Л. Хмельницкому, Марте, Н. Ярмолович,
К. Серегиной.

Отпечатано в типографии
«ScanWeb», Финляндия
Зарегистрировано в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещанию
и средствам массовых коммуникаций
ПИ № 77-3895 от 30 июня 2000 г.

Тираж **9 000** экземпляров.
Цена договорная.

Дорогой мой!

Если ты читаешь эти строки, то ты уже в новом тысячелетии. Поздравляю. Теперь уже можно ностальгически сказать: О, читатель, мы познакомились так давно, еще в двадцатом веке...

И это приятно.

Признаюсь честно, мне действительно нравится время, в котором мы живем. Все так эпохально, эра Водолея сменила эру Рыб, канули в лету государства и идеологии, почти все идеи фантастов моего детства уже реализованы, и т. д. и т. п. Нет, вы послушайте новости – Тони Блэр поддержал петицию о легализации клонирования человека, ученые придумали, как измерить массу нашей галактики, Япония полностью перешла на цифровое интерактивное телевидение... Дух захватывает!

А даты? Каждый раз, заполняя официальные бумажки, я с удовольствием пишу в графе год 00, (теперь уже 01) и каждый раз мне кажется, что мир совсем новенький, свежий такой, как будто его только что ... ну, если не сделали, то принесли из магазина и распаковали.

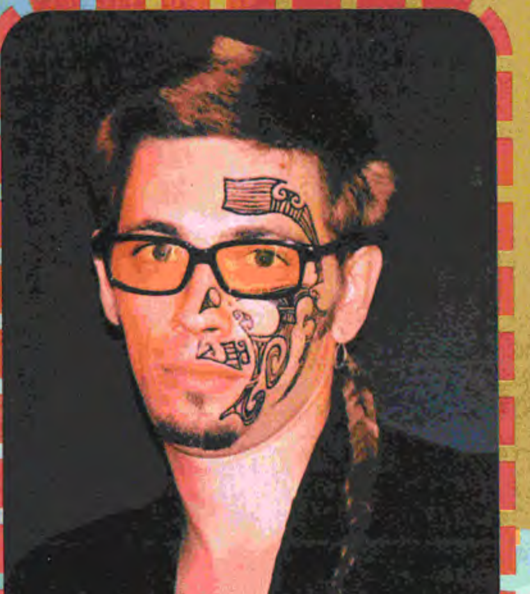
Кстати, мне тут очень популярно объяснили, почему новый век начался только в 2001-м году. Потому что новый ящик пива начинается с 21-й бутылки, а 20-я – это еще старый ящик. Помоему – понятнее некуда.

Ладно, хватит эпохалки. Расскажу немного о новостях редакции. У нас все путем. Наш литредактор, Наташа, нашла малолетнего пришельца, (см. фото), который явно потерялся и не может вспомнить с какой он, собственно, планеты и как сюда попал... Редакция единогласно решила разрешить ему пожить пока у нас. Если вы вдруг встретите инопланетян, ищущих своего... х-мм... сына? Дочь? Короче, инопланетенка, то сообщите им, что все в порядке. Малыш чувствует себя хорошо, уже выучил два слова – Земля и Фантом. Единственная проблема – он все время пытается разобрать наши компьютеры и построить из них неведомое устройство. Системный администратор этим очень недоволен. Целый день ворчит и требует объяснить, зачем ему (пришельцу) это надо. Как будто мы знаем!

Таня, которая верстает журнал, взяла на себя обязательство за время новогодних праздников отрастить себе дополнительную пару рук и тем самым удвоить скорость верстки. В принципе, идея хорошая, однако шмотки для нее придется заказывать из Индии, поскольку только тамошние портные имеют опыт по пошиву одежды для многоруких существ.

А я отправляюсь на Новый Год в Африку. Причины этому три – во-первых, там тепло. Во-вторых, необходимо проверить теорию, гласящую, что человечество произошло именно оттуда. Способ я придумал простой, но безотказный – если почувствую себя там, как дома, значит правда. Кроме того, в горах Марокко, в местечке Кваазат, у любимого озера Джимми Хендрикса собираются самые продвинутые контактеры для четырехдневной групповой трансмедитации. Цель медитации – вступить в контакт с Мировым Разумом и задать ему Главный Вопрос. По возвращении сразу доложу вам о результатах.

В настоящий момент специально приглашенный из Полинезии Мастер Тату наносит мне на лицо приличествующую моменту татуировку. Всем вроде нравится, только охрана требует, что бы я перефотографировался на пропуск.

Ну, что ж, мне не трудно, заодно покажу вам, как я теперь выгляжу.

Ну, вот, пожалуй, и все. Я рад, что мы вместе.

Хихус

ДЫМ ПОДНИМАЕТСЯ ВВЕРХ
ВДУМЧИВО ТРУБКУ КУРЮ Я
ОСЕНЬ. ЛЕТЯТ КРАКОЗЯБРЫ.

ДЖЕЙМС Л. КАМБИАС

ПОХИЩЕНИЕ ПРИШЕЛЬЦА

Джеймс Камбиас дебютировал в фантастике год назад с провокативным рассказом "Диаграмма экстаза". Он писал сценарии к приключенческим ролевым играм и работал в газете города Итака (штат Нью-Йорк). Вот, пожалуй и все, что мы о нем знаем. Что касается этого рассказа, то американский издатель предварил его выражением Франклина Д. Рузвельта: "Радикал - это человек, который твердо стоит на воздухе". Очень метко. Остается только добавить, что те самые "преданные члены", о которых пойдет речь, к сожалению, намека не поймут...

ФАНТОМ

ИЛЛЮСТРАЦИИ: К. КОМАРДИН

Это была роскошная зверюга, автоматическая снайперская винтовка русского производства...

Утром перед операцией я сидел в краденом мини-вэне на перекрестке Гейм-Фарм-Роуд и Эллис-Холлоу-Роуд и слушал лекцию профессионального киллера о компосте. Киллера звали Эд, и был он костлявым волосатым старикашкой, заросшим огромной бородой.

По слухам, он отрастил бороду после того, как замочил не меньше одиннадцати человек — лесорубов и рабочих на лесопилке из Орегона и Северной Каролины. Он и правда здорово сек в органических удобрениях.

— Самое лучшее — это кукурузные кочерыжки. Сами по себе разлагаются. Оставляешь кочерыжки в яме года на два, на три — и ничего делать не надо, они сами делаются удобрением.

— Мой дядя перекладывает их древесными опилками, — сказал я.

— Опилками! То же, что пол-литра бензина — чтобы переработать, ну может, бушель кочерыжек? Забей на это, — сказал киллер. — Ты выпускаешь в атмосферу что-то около двух литров CO^2 ради небольшого удобства. Нет, никогда ты не размышлял отстраненно о кочерыжках. Обратись к истории. Что люди делали с кочерыжками до того, как появились опилки?

— Не знаю.

— Зады ими подтирали! Не рубили деревья, не отбеливали древесину, не изготовляли ароматизированную мягкую туалетную бумагу — они пользовались кочерыжками. А использовав, они выбрасывали их в отхожее место. Назад в землю! Полная самодостаточность!

Меня передернуло — к счастью, Эд лежал на заднем сиденье и меня не видел. Зазвенел будильник на приборной доске.

— Десять. Неплохо бы тебе занять позицию.

Эд сел и потянулся.

— Ага. Помоги мне вытащить велик.

Мы вдвоем еле выволокли велосипед Эда из багажного отсека. Пока мы вместе пристраивали велосипед у Эда на спине, я волновался и оглядывался. Это был огромный велик, ей-богу — хай-тек, устойчивая туристская машина, штук сорок прибамбасов. Но мы приехали не на Тур округа Томпкинс, мы выполняли Миссию.

Казалось, прошла вечность, прежде чем Эда наконец удовлетворило состояние велика, и он перенес внимание на ружье. С тех пор как Эд присоединился к нашей маленькой компании, я каждый раз радовался этому зрелищу. Все-таки оружие что-то делает с людьми. Даже твердокаменные пацифисты, которые лепили на машины стикеры "Запретить военные игрушки!", были бы очарованы очень дорогой, хорошо изготовленной машинкой, приспособленной убивать людей.

Это была роскошная зверюга, автоматическая снайперская винтовка русского производства, у которой было столько же общего со старой охотничьей винтовкой моего дядюшки, сколько у навороченного гелиевого суперкомпьютера — с арифмометром. Она стреляла не пороховыми патронами, а реактивными, в шесть раз быстрее скорости звука поражала слизняка размером с палец, а выпущенная из нее пуля набирала кинетической энергии столько же, сколько шар для боулинга, брошенный с телебашни. Грубая мощь русского оружия была укомплектована японскими и американскими смертельными примочками — хай-тек стабилизаторами и амортизаторами и компьютеризированным прицелом, таким, что на него можно посадить Саппоро.

Как такой потрепанный старый гном из Темного леса, как Эд, заполучил в свои скрюченные ручонки этот триумф технологической убойной силы, было для всех загадкой. Тем не менее, этот старик, без конца болтающий о компосте, отлично держал рот на замке относительно любых вещей, которые могли бы заинтересовать ФБР или Федеральное бюро по контролю за алкоголем, табаком и огнестрельным оружием, — например, свое настоящее имя.

Запищал мой телефон. Я включил его.

— Ити звонит домой, — сказал голос в телефоне. Что-то щелкнуло, и наступила тишина.

— Бразильцы в аэропорту, — сказал я Эду. — Давай двигай.

— Приятно было познакомиться, — ответил Эд, без лишних слов повернулся и направился к высокому клену, который рос в десяти ярдах от дороги. Из-за скалолазных шипов на ботинках он шел немножко вперевалку. Эд перекинул винтовку через плечо и залез на дерево.

Я бросился к мини-вэну и двинул по Гейм-Фарм-Роуд к рощице примерно в ста ярдах от пересечения с 336-й дорогой. Съехав в канаву, я вынул свою новую фирменную бензопилу и занял позицию среди деревьев.

Через десять минут опять запищал телефон.

— Салюдо, амиго, — сказал голос Пита Сазерленда. — Теперь я бразилец, и это здорово!

Щелк.

На секунду меня аж затошнило от страха. До сих пор

Все зависело от того, удастся ли Питу, Инге и Дольфу убедить пузатого охранника средних лет, что на самом деле они — бразильские дипломаты...

мы просто валяли дурака. До этого мы еще могли пойти на попятный, ведь на нас не висело ничего серьезнее кражи автомобиля. Теперь же отступать было некуда. Звонок означал, что Пит, Джерри и близнецы Хофберг только что разоружили и связали трех бразильских дипломатов из ООН. Это было официальное тяжелое преступление. Я завел пилу.

Через пять минут мимо меня проехал фургон службы проката "Кайюга". За рулем сидел Джерри, темные очки делали его неузнаваемым. Фургон затормозил и повернул к въезду в Институт ксенологии имени Карла Сагана. Когда фургон остановился у КПП перед воротами, у меня перехватило дыхание.

Все зависело от того, удастся ли Питу, Инге и Дольфу убедить пузатого охранника средних лет, что на самом деле они — бразильские дипломаты из ООН, чьи имена написаны на карточках для посетителей. Эд наблюдал за ними через оптический прицел на случай, если дело примет опасный оборот: ему полагалось обеспечивать огневое прикрытие наших псевдобразильцев.

Фургон стоял между мной и будкой: мне показалось, что они сидят там слишком долго. Но тут тяжелая цепь на воротах поднялась, машина степенно поехала к зданию, и я смог выдохнуть.

Я вытащил телефон и позвонил Айре.

— Они внутри! — закричал я, пытаясь перекрыть шум

пилы, работавшей вхолостую.

Айра осуществил диверсию. Чтобы занять охрану Корнелла и полицейских Итаки, Айра скормил пять долларов телефону перед Музеем Джонсона и вызывал панику сообщениями о бомбах, заложенных в нескольких местных школах, в больнице, в аэропорту и на корнельском заводе кондиционеров. Позвонив, он прогулялся до середины подвесного моста через ущелье Фолл-Крик, вынул из кармана пальто маленький радиопередатчик и взорвал бомбу, которую заложил предыдущей ночью в подвале Братства Фуджи.

Пила шумела так громко, что я не слышал взрыва в двух милях от себя, но моя вера в Айру была абсолютной. На этой стадии плана моя задача заключалась в том, чтобы спилить кедр так, чтобы он упал на Гейм-Фарм-Роуд и перекрыл движение с севера. Потом поехать на юг до перекрестка с Эллис-Холлоу-Роуд и поставить там два белых знака "Проезд запрещен", которые я стащил несколько недель назад с места дорожных работ.

По дороге на юг я посмотрел на большой клен, где сидел вооруженный Эд и внимательно целился из своей гигантской винтовки в аварийный генератор института в четверти мили от него. Эд выпустил пять очередей в генератор, потом перекинул винтовку и навел ее на трансформаторную подстанцию в полумиле вверх по шоссе. Трех очередей хватило, чтобы она загорелась. Его миссия была выполнена. Старик слез с дерева, завернул винтовку в кусок брезента, сунул ее под велосипед и отбыл в направлении Орегона.

Я соорудил баррикаду, а потом поехал по грязному проселку, отходившему от Терки-Хилл-Роуд, к точке рандеву. Пока что все шло по плану. Машина Пита и грузовик с мясом стояли там, где я припарковал их перед рассветом. Я вытащил все свои шмотки из мини-вэна и кинул их в машину Пита, потом завел мини-вэн за деревья, туда, где его не было видно с дороги. В конце концов я обрызгал внутренности машины четырьмя баллончиками средства для чистки духовки, чтобы уничтожить все остатки ДНК, которые могли оставить мы с Эдом.

Небо мне понравилось. Все еще было пасмурно (над Итакой всегда собиралось много туч с сентября по апрель), и это значило, что мы можем не бояться слежки со спутника. Над головой у меня не было никаких самолетов-разведчиков. Земля замечательно подходила для наших целей: не заснеженная (стоял сухой ноябрь), но уже подмерзшая настолько, чтобы не оставлять следов. Я начинал думать, что мы сможем все-таки добиться своего.

Когда я кончил заметать следы, подтянулся фургон. Не было ни дыр от пуль на панелях, ни погони в виде эскадрона полицейских машин. Джерри пролез между грузовиком с мясом и автомобилем Пита и отсалютовал мне поднятыми большими пальцами. Пит выпрыгнул, чтобы открыть заднюю дверцу грузовика, Инга и Дольф выбрались из фургона сзади — и я впервые увидел пришельца.

Практически все видели пришельца Суши на видео и интерактивах, но, поверьте на слово, это совсем не то же самое, что встретиться с ним во плоти. Он на миг глянул на меня своими странными глазами-звездочками — и не стыжусь признаться, я немного испугался. Над его клювом нечего было насмехаться — он совсем не походил на симпатичный попугайский клювик, с каким его изображали в мультиках. Очевидно, что опасно зазубренный клюв Суши был ни что иное, как оружие. В холодном воздухе от его ноздрей вдоль длинной шеи клубился пар.

Джерри хорошенько пнул его в зад, и Суши вышел из фургона. Он был большой — его ноги были шириной с плечи Дольфа, а когда он встал на землю, стало видно, что его безрукий вытянутый торс был выше любого человеческого туловища. Позади волочился двухметровый хвост. Одна из когтистых лап была кривой и усохшей; когда Суши выходил из фургона, он хромал.

Пит положил несколько досок в виде грубого трапа к грузовику, но пришелец презрел их и легко, одним движением залез на задний бампер.

Пит и Дольф деловито перетаскивали какие-то компьютеры и диски в багажник Питовой машины. Что-то я не помнил, чтобы в план входил грабеж.

— Это еще что такое? — спросил я.

— Программы-переводчики. Они нам нужны для общения, — ответил Пит. — Не жди нас, поезжай!

Инга поехала сзади вместе с пришельцем, Джерри сел за руль, а я занял пассажирское сиденье. Джерри снял грузовик с тормозов, и машина выехала на дорогу. Копов не было видно.

План, выработанный Питом и его безымянными друзьями, которые все это финансировали, состоял в том, чтобы двигаться на юг проселочными дорогами до границы штата в Эльмире. Потом мы длинным кружным

путем через Пенсильванию попадем в Мэриленд. Наши покровители сняли надежный дом в округе, в котором традиционно сочувствовали прямым действиям. Там мы могли войти в контакт с вашингтонскими журналистами и рассказать эту историю всему миру. Мы хотели собрать большую пресс-конференцию и открыть всю правду: как астронавты похитили Суши, как ученые держали его взаперти как пленника, как с ним плохо обращались при захвате. Мировое сообщество потребует от НАСА отправить пришельца обратно на 36 Опиучи II и закроет программу межзвездных перелетов.

Вот такой был план. Когда Пит вышел на меня по цепочке знакомых и спросил, не хочу ли я принять участие в крутом спектакле на политической сцене, я, естественно, согласился. Как местному, мне поручили продумать маршрут, по которому мы могли бы смыться из округа Томпкинс быстро и незаметно. Самый простой путь лежал на юго-восток по 79-му шоссе до пересечения с шоссе Ай-81 у Уитни-Пойнт. Конечно, полиция штата и федералы могли посмотреть на карту и увидеть то же самое, поэтому я разработал маршрут по объездным дорогам через Бруктондейл и Денби до округа Чеманг, а

— Джерри, дом в Лэнсинге принадлежит подруге моей бабушки! Если кто-нибудь узнает, что мы там, получится большая неоновая стрелка — прямо на меня.

— Только я думаю, ты сделаешь так, что нас там никто не найдет, а?

— О, господи.

Когда Пит попросил меня подыскать запасное убежище возле Итаки, я не особенно над этим задумывался. В конце концов, у нас был План. Дом миссис Венетукки казался вполне подходящим для резерва. Сама миссис Венетукки жила в доме престарелых во Флориде, а ее сын служил на флоте. Единственным человеком, который летом приходил на участок, был мой дядя Рэй, который раз в месяц подрезал кусты вдоль дороги и косил траву.

— Я думал, мы все спланировали, и никому не причиним вреда.

— Не волнуйся, это всего лишь небольшое осложнение. Когда люди узнают правду, она станет оправданием убийства этих вивисекторов.

Мы прогрохотали через Варну с совершенно законной скоростью в сорок миль в час и пересекли 13-е шоссе. Я все время следил в зеркало заднего вида, нет ли по-

Практически все видели пришельца Суши на видео и интерактивах, но поверьте на слово, это совсем не то же самое, что встретиться с ним во плоти.

там — по хайвэю в Эльмиру. Мы с Джерри столько раз прошли маршрут, что я думал, он может проехать его с закрытыми глазами. Но вместо того, чтобы повернуть на юг, на Терки-Хилл-Роуд, Джерри свернул на север.

— Мэриленд накрылся, — объяснил он. — Мы с Питом приняли решение перейти к Плану Б.

— Что стряслось?

— Да у нас в институте случилась незадача.

— Какая незадача?

— Когда мы с Питом вели пришельца в фургон, Инга и Дольф решили, ну это, за собой все зачистить. Мы заперли вивисекторов наверху в сортире, а эти двое вернулись и разрядили обойму Дольфова "узи" в дверь.

— Господи Иисусе! Сколько их там было?

— В сортире? Восемь. Не знаю, скольких уложило.

— Какого черта они это сделали? Это же не по плану! Все должно было быть чисто!

— Когда мы туда вломились, пришелец был весь обмотан проводами с электродами и они заставляли его раз за разом повторять одно и то же. Инга от такого дела прямо взбесилась.

— Боже правый. Теперь они назовут нас шайкой грязных убийц.

Джерри обошел толстого мальчишку на велике.

— Питу кажется, что наши друзья в Мэриленде не сильно этому обрадуются. Поэтому мы заляжем на дно в Лэнсинге, пока не сможем представить историю журналистам.

лиции, и отчаянно пытался припомнить, мог ли я сболтнуть кому-нибудь из знакомых, во что вляпался. Все остальные нажимали на "конспирацию", но пока мы просто освобождали пришельца, мне казалось, это не имело особого значения. Конечно, мои друзья с факультета этики из Корнелла никогда не донесут на меня за участие в самом потрясном налете на лабораторию, но убийство может заставить их разговориться.

Внезапно мне в голову пришла ужасная мысль:

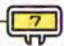
— Вы ведь ничего не сделали бразильцам?

— Мы их только раздели, связали и заперли в гараже. Я уверен, с ними все будет в порядке.

Я быстро глянул на него, пытаясь определить, сказал ли он правду.

Участок Венетукки, окруженный фермами, которые ждали превращения в пригород, стоял в двух милях к северо-востоку от аэропорта. По бокам грузовика захлестали ветки, и Джерри замедлил гонку. Дом был маленький, квадратный, не очень-то привлекательный, но крыша крепкая, и газа для отопления полно. Я отпер парадную дверь, а Джерри открыл задний борт грузовика. Инга пела пришельцу какую-то кельтскую колыбельную. Вовремя подоспевшие Пит и Дольф вывели его из грузовика и завели в дом.

Когда эти чужие люди, тайные и вероломные, проникли в учебное убежище, я уделил им мало внима-

ния. На меня приходит посмотреть множество чужаков, любопытных и невежественных, чтобы задать мне вопросы и поговорить. Я вынужденно вежлив, и игнорирую их, когда могу.

Отец-ученый Скотт, мудрый и быстрый в движениях, вместе со своими последователями проводил очередной опыт. Они попросили меня бежать по двигающемуся полу, чтобы определить, на что способен мой организм. Не многие мужчины согласились бы на то, чтобы бегать на месте, когда в ноздри вставлены трубки, а на ноги и шею налеплены провода. Но я стар и я калека, и я научился прятать гордость со времен девственности. Поэтому когда Скотт и Отец-ученый Али, маленький и далеко путешествовавший, вежливо испросили моего согласия и помощи, я согласился.

Задача была трудная. Хромота удерживала меня от бега на любые расстояния, я предпочитал охотиться из засады — а еще лучше сидеть и рассказывать сказки, чтобы другие приносили мясо. Поэтому когда я бежал и пыхтел в трубки, я думал о своих детях и пытался не обращать внимания на боль в ноге. Я только заметил, что дверь открылась и вместе с тремя гостями молча и осторожно зашла Девственница-студентка Елена, любознательная и длинноволосая.

Потом случилась неприятность. Погасли лампы, и полоса пола остановилась. Я споткнулся и упал. Чужаки принялись стрелять и махать какими-то предметами. У меня не было ящика для перевода, поэтому я мало мог понять из того, что они говорили. Но я видел, что Скотт и Елена, и все остальные испуганы.

Я тоже испугался и с готовностью это принял: только молодые Отцы пытаются произвести впечатление друг на друга, делая вид, что это не так. Однако мой страх не был страхом воина перед битвой или страхом охотника перед опасной дичью. Это трудно объяснить. Среди людей я был как новорожденный, что только учится ходить с материнской помощью. С мгновения, когда я согласился сопровождать Мать-первопроходца Марину, стройную и вежливую, в летающем убежище в путешествии сквозь небо, я во всем зависел от людей. Все, что я узнал за время пребывания на Земле, служило наглядным доказательством того, как много я не понимал. Я не знал, что делать, поэтому не делал ничего.

Трое чужаков заставили Скотта, Елену и остальных выйти в холл и загнали их в комнату, маленькую и тесную. Один захватчик, похожий на матерей-людей, поспешил в мою сторону и сорвал все провода и трубки. Она жестами позвала меня с собой. Я повиновался.

Для людей они действовали стремительно. Обычно для путешествия требовалось четыре или пять автомобилей и свита переводчиков, ученых, охранников и кого-то еще, мне неизвестного. Похоже на отход стада на зимние пастбища. У моих похитителей был всего один автомобиль, двое помогли мне, а еще двое задержались в убежище. В машине было тесно, там не было обивки, но я смог туда забраться. Как только все люди сели в автомобиль, он помчался с огромной скоростью.

Во время путешествия я мало что видел. Они накрыли меня дурно пахнущей кожей и пригнули мне голову. Мы ехали так совсем недолго. Потом мы пересели в автомобиль побольше, закрытый. Внутри него очень интересно пахло: кровью и мясом. Мать ехала со мной: она поглаживала меня и издавала мелодичные звуки. Несмотря на шум, я немного расслабился. Было очевидно, что эти люди проявили ко мне милосердие, раз до сих пор ничего со мной не сделали. Очевидно, они хотели сохранить мне жизнь. Это было хорошим знаком. Но какую цель они преследовали?

Вряд ли они собирались применять насилие. Может, они молоды и бедны и своим храбрым поступком пытаются повысить свой статус и найти жен?

Наконец автомобиль остановился, люди помогли мне выйти и отвели меня в маленькое убежище. Они показали мне комнату и вращали своими верхними конечностями, пока я не сообразил, что они пытаются предложить мне отдохнуть. Мать на время осталась со мной: она гладила меня и пела до тех пор, пока я не захотел тишины. Она ушла и вскоре вернулась вместе с двумя отцами. Один из них держал ящик для перевода.

— Здравствуй. — Это они включили переводчик. — Мы твои друзья. Мы не причиним тебе вреда.

Это обнадеживало.

— Я рад. Я тоже не причиню вам вреда.

— Теперь ты свободен. Ты в безопасности. Мы тебе поможем.

— Это хорошо. Что мы здесь собираемся делать?

Люди посовещались.

— Это безопасное место. Здесь тебя никто не найдет. Мы подождем, когда отсюда можно будет спокойно уйти. Это может случиться через много дней.

Я решил, что ящик для перевода сломался. Люди в учительском убежище допускали, что их творение иногда работало не лучшим образом. Похоже, эти люди защищали меня от Отца-ученого Скотта и всех остальных.

— Здесь есть еда?

За день до похищения я ел, но если они собираются

держать меня много дней, будет мудро наполнить желудок.

Они проконсультировались друг с другом.

— Мы можем достать тебе пищу. Что ты хочешь?

— Говядины или баранины, если они у вас имеются.

— Мы принесем тебе пищу.

Не очень обнадеживающе. Возможно, это будет тунец. Я бы все же предпочел говядину, даже несмотря на то, что Мать-ученый Чау, добродушная и длинноволосая, уверяла меня, что тунец гораздо больше похож на пищу, к которой я привык. Мы с ней не однажды спорили об этом. Я настаивал, что говядина на вид, на запах и на вкус похожа на мясо бродильщиков, и даже получается из созданий, которые едят растения. В то же время, тунец во всех отношениях отличается от него, более того — является мясом плавающего животного. Чау говорила о каких-то оккультных свойствах, из-за которых тунец похож на бродильщика гораздо больше говядины, но я ей не поверил. По ее дыханию я мог сказать, что Чау часто ест мясо и, подобно большинству хозяев, гостям она предлагала не самое лучшее.

— Не надо ли тебе еще чего-нибудь?

колькими фунтами сырого тунца для нашего гостя. Если угодно, суши для Суши (за эту фразу я, наверное, должен гонорар "Посту").

— Городишко бурлит, — сказал Джерри. — На 13-й дороге я прошел мимо конвоя Национальной гвардии, повсюду летают вертолеты.

— С тобой ничего не случилось?

— В общем, нет. На шоссе стоит патруль, проверяет все машины, выезжающие из города. Коп сказал, что с восьми в городе вводится комендантский час.

— Ты связался с Айрой?

— Ага. Он собирается попозже сюда приехать. В машине я слушал радио: кто-то нашел письмо, которое оставил Пит. По крайней мере, теперь они знают, зачем мы это сделали.

— И что? Как СМИ это восприняли?

— А-а, типичные корпоративные СМИ стараются быть объективными. Один из друзей Пита из Мэриленда пробился в эфир, но его выступление погребено под кучей пропаганды из НАСА и Корнелла о том, что Суши прилетел сюда добровольно — ну, и остальная чушь собачья. Как поживает наш гость?

Я понимал, что это значит. Они спрашивали, не хочу ли я испражниться. В вопросах выделения люди до смешного деликатны, они никогда не делают это на глазах у других.

— Не сейчас. После еды. Вы захотите это сохранить?

Эти непонятные люди без конца совещались друг с другом. Наконец два человека ушли, а оставшиеся трое сели на пол перед ящиком.

— Мы хотим задать тебе несколько вопросов.

Если бы каждый раз, когда мне это говорили на Земле, я получал кусок мяса, я бы мог устроить пир для целого племени. Но теперь я был пленником.

— Спрашивайте.

Раз уж мы устроились в доме миссис Венетукки, Пит, Дольф и Инга сняли костюмы бразильских дипломатов и отправились беседовать с пришельцем. Мое дело было привести помещения в обитаемый вид. "Каза Венетукки" не особенно блистала, даже когда в ней жили, годы запустения тоже не пошли ей на пользу. Электричество и отопление наличествовали, однако чтобы получить хоть какую-нибудь воду, мне пришлось разобрать и собрать насос. Я замерз, промок, перемазался грязью и маслом, но чувство сопричастности общему делу придавало работе важность и привлекательность.

Джерри вышел за продуктами и вернулся с пакетом индийской еды для человеческого контингента и нес-

— Не знаю. Я был занят по дому.

Запах чечевичного карри наконец-то выманил "посвященных" из комнаты Суши.

Они явились с испуганными и радостными лицами — как подростки, посмотревшие самый крутой фильм лета.

— Ну, как дела? — спросил я, стараясь не показаться чьим-то младшим братом, затесавшимся среди старшеклассников.

— Они промыли ей мозги, — сказал Пит. — Набили ей башку всеми разновидностями пропаганды. Попытались превратить ее в добропорядочного западного потребителя. Это снова имперский цикл.

— И все это время они использовали ее, ставили над ней эксперименты: вторгались в тело, насильно брали анализы, мучили металлическими инструментами, — добавила Инга. — Нужно было разрушить весь институт.

— А что-нибудь посущественнее? Что подошло бы для заголовков?

— Разве мало того, что ее насиловали с помощью проводов?!

Инга аж затряслась от ярости.

Я заткнулся. В глубине души я был разочарован. Вообще-то, я не сомневался, что, вытащив Суши из лаборатории, мы сделали доброе дело, но близнецы Хофберги укокошили кучу ученых, и теперь, чтобы оправдать их раздражительность, нам нужно было выс-

тавить исследователей фашистами. Ректальный анализ — это не пытка: каждый человек старше сорока ощущал докторский палец у себя в заднице раз в году, но вы же не встречаете поддержку отстрела проктологов со стороны экологистов.

Пит был вынужден привлечь мое внимание.

— Не бери в голову, — сказал он. Мы только начали. Я уверен, что когда мы составим полный рассказ, там будет полно деталей для прессы. Во всяком случае, все под контролем.

— Важно, что мы заговорили, — сказал Дольф. — Наш голос услышан. Все действия должны быть направлены на общение.

В шесть мы посмотрели новости. Новости были плохие. Четверых ученых Инга и Дольф уложили на месте, еще один находился в критическом состоянии. Все говорящие головы обзывали нас "террористами". В поисках нашей группы федералы обыскивали все магазины и закусочные для вегетарианцев в центральном Нью-Йорке. К репортажам прилагались оригинальная музыкальная тема и симпатичный рисованный Суши на заднем плане. Дольф получал от всего этого явное наслаждение.

— Брайан? — приглушенно (из-за шапки) вопросил Джордж. — Это ты?

Пит бросил на меня злой взгляд.

— Возьми его и свяжи, — сказал он.

— Связать? Это же мой брат, черт возьми!

— А что он тут забыл? Может, он сложил два и два, и теперь собирается сдать нас федералам, как семья сдала Теда Качински? Пока мы не узнаем больше, он будет оставаться здесь, и если он что-нибудь сделает — он покойник, понял?

Я помог Айре привести Джорджа в кухню, а там мы привязали его к стулу бельевым шнуром, который нашелся в шкафу. Айра сел на стойку сзади, вне зоны видимости, и я стащил с Джорджа шапку.

Выглядел он неважно. Конечно, Джордж никогда не отличался блестящим видом, но в дополнение к обычным всклокоченным волосам и постоянной трехдневной щетине он еще был бледен и трясся.

— Брайан, что за херня? Кто это парни?

— Э-э, мои знакомые. Они, правда, ничего с тобой не сделают. Все будет в порядке.

Его это не убедило — честно говоря, меня тоже.

К репортажам прилагались оригинальная музыкальная тема и симпатичный рисованный Суши на заднем плане.

Когда комментаторы стали повторяться, я попытался поговорить с Питом с глазу на глаз.

— Сколько мы будем здесь сидеть? — спросил я его.

— Я точно не знаю. Не меньше нескольких дней. Тебе нужно разработать маршрут, чтобы мы смогли выбраться отсюда, не проезжая через полицейские кордоны.

— Это можно. Но мне бы больше понравилось, если бы мы установили время отбытия.

И сразу после этого кто-то забарабанил в дверь.

Дольф и Пит отправились за оружием. Инга вырубила свет, а Джерри пошел следить через окно. Я заставил себя подойти к двери: в ушах у меня стучало, а во рту пересохло.

— Ребята, вы откроете уже? Это я!

Никогда в жизни я так не чувствовал такого облегчения, как после того, как услышал через дверь глухой голос Айры.

Ухмыляясь до ушей, я открыл дверь. Однако когда я увидел, что он не один, моя улыбка тут же исчезла. За шиворот Айра держал мужчину, приставив к его черепу пушку. Лицо мужчины было закрыто лыжной шапкой, но я узнал эту старую грязную защитно-оранжевую парку и ярко-зеленую шапочку с доктор-сьюзовской рыбкой. Это был мой брат Джордж.

— Джордж!

— Ты его знаешь? — спросил Пит.

— Если на то пошло, что ты тут делаешь? — спросил его я.

— Я думал забрать мой большой бинокль и поехать на велике посмотреть, как "Марко Поло" состыкуется со станцией.

— О господи! Почему ты не сказал мне?

— А что тут говорить? Я иногда сюда приезжаю в хорошую ясную погоду. Это проще, чем карабкаться на велике на гору Плезант. А кроме того, там деревья загораживают обзор.

— Господи! — снова сказал я.

Джордж со своими чертовыми хобби. Он на пять лет старше меня, но так и не закончил колледж, потому что вместо занятий состоял в куче клубов. Он был полностью поглощен всеми видами активизма: единственное, что спасало Джорджа от того, чтобы стать винтиком в машине потребления, была его монументальная лень. За последние семь лет, которые он прожил в бабушкином подвале, Джордж прошел через серию испытательных сроков на разных работах, а все свободное время посвящал распеванию мантр, посещению корнельских кинотеатров, наблюдению за звездами, катанию на велосипеде, сооружению моделей космических кораблей и игре в компьютерные игры. Примерно раз в год он набирался смелости заговорить с женщиной и проводил несколько жарких месяцев, которые обрывались, как только женщина понимала, что

он не собирается переставать быть уродом только потому, что так положено.

Теперь его дурацкое хобби грозило сорвать всю операцию.

— Кто-нибудь знает, что ты здесь? Хоть одна душа?

— Не думаю. Утром было так пасмурно, что я вообще не собирался никуда идти. Мы с Ларри хотели посмотреть в Корнелле "День, когда Земля остановилась", но закрыли кампус, поэтому кино отменилось. — Он остановился, поморгал и посмотрел на меня вытаращенными глазами: — Брайан, скажи мне, что все это не связано с пришельцем. Пожалуйста, скажи, что твои друзья всего лишь выращивают наркотики, или что они педофилы, или еще что-нибудь такое.

— Все нормально, правда. Мы только освободили его из лаборатории, где его пытали.

Айра замер, но промолчал.

Джордж попытался освободиться, но веревки его остановили.

— Боже мой, Брайан! И вламываться-то в ветеринарную школу, чтобы освободить кроликов — глупо, но то, что вы сделали — это уже полная шиза!

Новости были плохие. Четверых ученых Инга и Дольф уложили на месте, еще один находился в критическом состоянии.

— Остынь. Все в порядке. Если ты утихнешь, все будет хорошо.

Он немножко поборолся, потом сел и стал сверлить меня взглядом.

— Ну хорошо, а что твои друзья собираются делать со мной?

— Я узнаю. Но ты должен сидеть тихо, понял?

Я оставил его скучать в кухне и присоединился к Питу, Инге и Джерри, которые совещались в гостиной.

— Что с ним будем делать? — спросил я.

Перед тем, как ответить, Инга и Джерри устроили представление на тему того, как мы все профукали и как я в этом виноват. Пит дал им на это несколько минут, потом заткнул.

— Ладно, народ. Думаю, Брайан понимает. Его брат представляет для нас огромную опасность. Мы не можем его отпустить.

— Наше дело слишком важно, чтобы рисковать, — вставила Инга.

Пит смерил ее взглядом и повернулся ко мне.

— Думаю, мы сможем прийти к компромиссному решению. Будем удерживать твоего брата, пока не уедем; после этого он будет освобожден.

— Он ничего не скажет копам, обещаю, ничего.

— До конца ли ты в этом уверен? — спросил Пит. — Под угрозой слишком многое, все зависит от его доброй воли. Мы его отпустим — и обещания не будут иметь значения.

Меня это неприятно задело: вообще-то, единственным, кого Джордж мог опознать, был я. Если мы его отпустим, все, чего он сможет добиться своей болтовней — отправить меня в тюрьму. Я не верил, что Джордж станет это делать. В конце концов, может, это сработает.

— Я поговорю с ним, — сказал я. — Я уверен, что после того, как я все ему объясню, он все поймет.

— Тем не менее, он должен оставаться связанным. Мы не можем позволить ему бродить по дому. Чем меньше он знает, тем лучше для него.

— Не волнуйся, уверяю, что он ничего не увидит.

После мелкого эпизода в институте с участием Инги и Дольфа я не хотел давать им никакого повода делать что-либо с Джорджем... особенно потому, что они потом могут устранить и меня, просто для уверенности.

Джорджу это не понравилось, но когда я объяснил, что в противном случае Инга застрелит нас обоих, он с неохотой согласился. Поэтому связанный Джордж жил в хозяйской спальне, а я кормил его с ложечки и помогал пользоваться туалетом. Опускаю детали. Телевизор миссис Венетукки все еще работал, плата за кабель автоматически вычиталась из ее пенсии, и Джордж мог смотреть примерно сотню каналов. Конечно, не отпуск на Бали — но все же лучше, чем быть похороненным в подвале с пулей в сердце.

В то же время "посвященные" проводили массу времени с пришельцем Суши, а нас с Джерри оставляли работать по дому и сторожить федералов. На третий день Пит вышел из комнаты Суши в видом победителя.

— Мы их накрыли, — сказал он, — этих ублюдков.

— Что это? — спросил Джерри.

— Руки. Эти чокнутые франкенштейны хотят сделать ему руки.

В убежище чужих людей я питался пять раз. Они настояли на том, чтобы есть вместе со мной, но я использовал человеческий способ питания и мне было все равно. Мясо было освежевано и нарезано на куски, и когда они в первый раз принесли его мне на плоском камне, я не смог его схватить. Наконец один из людей положил мясо в камень, похожий на пустой череп, и я сумел поесть с большим комфортом.

Когда я вылил на еду желчь, они, кажется, встревожились и спросили, не заболел ли я.

— Нет, у моего народа так принято, — сказал я, прихлебывая через питательную трубку разжиженное мясо. — Не нужно волноваться.

Их беспокойство меня приободрило: было очевидно,

что они собирались сохранить мне жизнь и здоровье. Возможно, они хотят впоследствии использовать меня как заложника.

Первые два раза они кормили меня тунцом, а потом дали мне что-то под названием "карп", бледное и безвкусное. Когда я попросил баранину, теплую и кровавую, они сказали, что это невозможно. Сами они каждый раз ели растения. Вскоре я понял, что, должно быть, тунец и карп — все мясо, которое они могли найти. С их стороны было очень щедрым отдать все мне. Я был тронут, но сохранял осторожность: тот, кто беден и голоден, часто совершает отчаянные поступки.

Каждый день они задавали мне вопросы. Много-много вопросов. Смешно, но они не спрашивали о моем мире и его обитателях, о моем народе и его истории, даже не спрашивали о моем теле. Казалось, их гораздо больше интересует, что делали другие люди в учительском убежище. Почему вместо того, чтобы похищать меня, они просто не спросили их об этом, я так и не понял.

Это было непросто. Большинство экспериментов Отца-ученого Скотта и Отца-ученого Али были для меня

— Ты же не можешь этому верить? — спросил отец-вожак. — Они заботились только о том, чтобы получить гранты. Ты только источник данных. Они вовсе не собирались тебе помогать.

— Возможно, вы слышали неправду, — сказал я.

— А возможно, они врали тебе. Ты когда-нибудь об этом думал?

Мгновение я поразмыслил, потом отверг это.

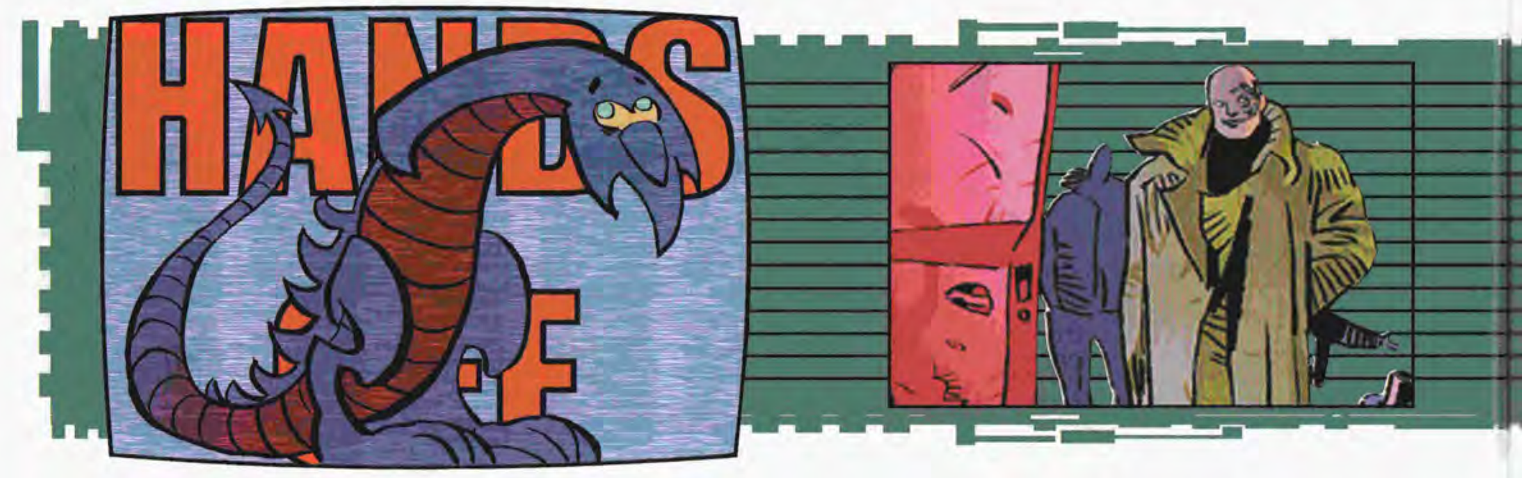
— Нет. Если бы они не хотели помочь мне, они бы не делали мне руки.

— Какие руки?! — хором воскликнули они.

— Как-то раз я сказал Отцу-ученому Али, маленькому и далеко путешествовавшему, что хотел бы иметь руки, как у вас, людей. Он засмеялся и ответил, что это невозможно. Но Девственник-студент Сатоси, пухлый и полезный, услышал меня и предположил, что, вероятно, сможет сделать мне руки, чтобы их носить. Итак, он делает мне руку, и когда я вернусь на Сейшаеф, весь мой народ сможет иметь такие же.

— О каких это руках мы тут толкуем? — спросил вожак.

— Они собираются что-то к тебе прикрепить? — добавила мать.

загадкой, и поэтому мне было очень трудно объяснить их смысл другим. Но я же Певец, ученый и сладкоголосый, поэтому я делал все, чтобы просветить и развлечь их.

— В нескольких случаях они просили меня дать образцы желчи — и так они смогли понять, как я питаюсь. Однажды они даже засунули длинную тонкую палку мне в глотку, чтобы выяснить, как работает мой кишечник.

— Они заставляли тебя делать это? — спросила мать. Она задавала мне этот вопрос всякий раз, когда я описывал эксперимент.

— Нет. Это было неудобно, но я глава семейства, и потому не мог жаловаться.

Отец, который, как мне показалось, был вожаком, покачал головой из стороны в сторону.

— Что с тобой делали самое болезненное?

— Немного больно было, когда меня кололи иглами, чтобы взять мою кровь. Однажды, когда они хотели узнать, как я дышу, они брали у меня кровь несколько раз за день. Я сказал Отцу-ученому Скотту, что они ждут моей смерти, чтобы потом сожрать.

Они не засмеялись. Ящик плохо переводил юмор.

— Но почему ты им это позволял? — громко сказала мать. — Они тебя просто использовали!

— Я был гостем в их убежище. Они пытались помочь мне и моему народу.

— Сатоси говорил, он думал об этом, но потом решил смастерить что-нибудь простое, такое, чтобы мой народ смог сделать остальные сам. Она будет держаться на моей шее на ремне, толстом и плотно прилегающем, а к хвосту будет привязана веревка, чтобы открывать и закрывать руку. Я сразу устал, но Сатоси должен попробовать изменить способ крепления веревки к хвосту.

— Но зачем? — спросил отец. — Разве ты не счастлив тем, что такой, какой есть?

Я поднял мою ногу, кривую и высохшую.

— Я был проклят в утробе матери. Я никогда не был счастлив такой, какой я есть.

— Ну ладно, но разве твой народ не счастлив?

— Полагаю, что большинство счастливо. Они охотятся, рожают детей, растят потомство, стареют и умирают. Но люди могут гораздо больше! Вы живете в мире чудес! Мясо, свежее и вкусное, когда угодно. Убежища, светлые и ярко освещенные, и вода, холодная и изобильная! Вы можете делать то, что боги, сияющие и безымянные, даже не могут выполнить. Я хочу, чтобы у моего народа были вещи, как у людей, и когда я принесу им такие дары, они будут чтить меня превыше вождей и пророков.

Люди проявляют свои чувства, двигая частями своих лиц. Я еще только учусь понимать, что значат все эти движения, но мне показалось, что эти люди не были рады.

Когда Пит и Инга вышли из комнаты Суши, я сидел на полу, разложив вокруг себя спутниковые карты (забудьте о туристских картах: на них показаны только те дороги, по которым разрешено ездить), и пытался разработать маршрут, чтобы грузовик, полный вегетарианцами и одним опиучианином, мог миновать полицейские кордоны. Джерри помогал мне: звонил знакомым в округе и выяснял, какие дороги открыты. Это была утомительная и раздражающая работа, поэтому, когда Пит стал болтать об ученых — шайке франкенштейнов — и обо всем прочем, я сразу же завелся.

— Да в чем дело-то, а? У народа Суши нет рук — черт, у них даже нет челюстей! Может, это не такая уж плохая мысль.

Пит горестно и жалостливо посмотрел на меня и сокрушенно покачал головой:

— Брайан, ты все еще мыслишь как человек второго тысячелетия. Менять мир вместо того, чтобы приспосабливаться к нему.

От этого я озверел. Он не убил целый день на то, чтобы заставить работать водяной насос.

— Ты же сам сказал: Суши хочет иметь руки. Почему

— Ты и в самом деле уверен, что это убедит людей?

— Абсолютно! Мы сейчас говорим о глубинных архетипах. Рай. Невинность. Благородный дикарь Руссо. Теперь НАСА может все это испортить. Это должен быть уровень, на котором мы сможем зарубить всю западную парадигму.

На это мне нечего было возразить. Поскольку я заметил, что в спор собирается вступить Инга, я быстро поднялся и вышел из комнаты.

— Лучше проведаю Джорджа, — бросил я через плечо.

Когда я зашел в комнату, Джордж смотрел полицейский канал. Канадская конная полиция предотвращала пиратскую операцию с софтом; как всегда, плохие парни не носили рубашек. Это утишало: пока атмосфера в доме не накалилась, мы в безопасности.

— Я только что слышал крик. Все в порядке?

— Наверное, да. Пит разошелся из-за того, что если дать народу Суши руки, они уделают свою планету так же, как мы. Не бойся, пока все в порядке.

Джордж тихо посидел минуту, глядя, как полицейские преследуют хакеров на окраине Калгари. Потом он понизил голос.

Я хочу, чтобы у моего народа были вещи, как у людей, и когда я принесу им такие дары, они будут чтить меня превыше вождей и пророков.

бы не дать ему то, что он хочет?

— Ей, — встряла Инга. Она всякий раз лезла с этим, с самого начала, когда мы еще только планировали операцию. — Она носит жизнь в своем чреве, и мы обязаны это уважать.

— Ага, и у нее есть член размером с цуккини, может, ты не заметила, вот его я и буду уважать.

Наша небольшая перепалка дала возможность Питу собраться с мыслями, и он начал дискуссию в полную силу.

— Подумай о том, с чем мы боремся, Брайан. Вырубка лесов. Загрязнение. Эксплуатация животных. Технологии. Люди сотворили все это собственными руками. Сушийцы и их мир избавлены от этого. Они живут в совершенно естественном балансе с окружающей средой. Как в раю, Брайан. Совершенно никаких технологий. И теперь эти ублюдки из Института ксенологии хотят дать им руки, чтобы они могли разрушать и загрязнять свой мир так же, как мы сделали это с Геей. Они продемонстрировали ему свои занятые технологические игрушки и ослепили материальными достижениями, но они не показали, как технологии разрушают нашу планету и разрушают наши души. Мы должны остановить это безумие перед тем, как оно заразит другой мир. Мы докажем Суши, почему это плохая мысль, а потом предъявим публике. Это будем великолепно.

— Ты знаешь, кто эти люди? Они *преданные члены.*

На секунду я подумал, что он говорит о парнях в телевизоре.

— Чего?

— Преданные члены. Они есть в каждом клубе и в каждой организации. У них нет посторонних интересов, нет друзей, никого, с кем они спят — у них нет жизни. Они посещают каждый идиотский митинг, даже если лежит снег в четыре фута, просто потому, что им больше нечего делать. Если в организации есть один-два таких, их можно бросить на поиски финансирования, или на веб-сайт или еще на что-нибудь, но если их много — пиши пропало. Они начинают доказывать друг другу, насколько они преданы делу, нормальные люди в конечном счете уходят, а группа остается под контролем фанатиков. Так случилось с Любителями моделей железных дорог, когда я состоял в их клубе.

— Джордж, какого дьявола ты об этом болтаешь?

— Преданные члены опасны, Брайан! Все подлинное зло в мире создано преданными членами. Гитлер был преданным членом нацистской партии и пришел к власти. Сталин был преданным коммунистом. Муссолини начинал как преданный фашист, но потом увлекся хорошенькими женщинами и спортивными машинами. Вместо того, чтобы совершать злодейства, большинство нормальных людей предпочтет посмотреть телевизор или заняться сексом, или еще чем-нибудь,

но преданные с удовольствием начнут рубить направо и налево мачете или построят биологическое оружие, потому что им нечем жить. Эти люди, которых ты называешь своими друзьями, преданные, и если ты предан не так сильно, как они, они тебя убьют.

Он говорил с отчаянной искренностью, почти просительно.

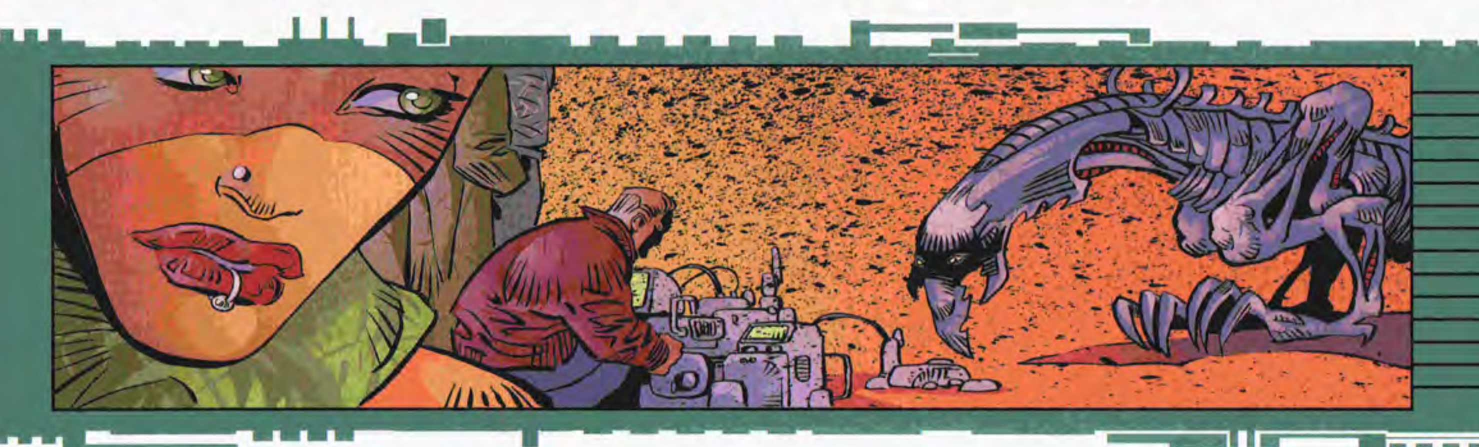
— Даже если это и правда, все равно — мы делаем доброе дело.

— Запереть пришельца в спальне миссис Венетукки и убить кучу ученых — это доброе дело? Что же такое, по-твоему, злое дело?

— Злое дело — это грабить планету! Злое дело — это уничтожать все виды животных! Злое дело — загрязнять, перенаселять и эксплуатировать окружающую среду!

— И ты собираешься покончить с чем-то из этого? Будь реалистом. Никто не прислушается к кучке вооруженных придурков.

— У Пита есть план. Мы собираемся выйти на публику и открыть всю правду о том, как НАСА похитила Суши, и что они с ним делали.

— Брайан, если бы ты читал "Сайентифик американ" вместо того, чтобы узнавать все новости из своих газет на папиросной бумаге, ты бы, может, знал, что пришелец прибыл сюда добровольно, а ученые сделали все, что в их силах, чтобы обеспечить за ним хороший уход.

— Это просто пропаганда.

Джордж молча глянул на меня, оборвал свою речь и вздохнул.

— Не обращай внимания, Брайан. Забудь, что я говорил. Выключи телевизор, ладно? Я хочу спать.

Следующий день был утомительным. Трое отцов и мать пришли ко мне, как только рассвело, и принялись со мной спорить. Они не желали, чтобы у меня были руки, и пытались уговорить и переспорить меня, с тем чтобы я изменил свое мнение.

Сперва это было занимательно. Много времени прошло с того дня, когда я и другой Певец, хитрый и премудрый в песнях, встретились лицом к лицу в поединке умов. Даже без слушателей было бы хорошо дебатировать с помощью логики и поэзии.

Однако очень быстро спор стал скучным. Эти люди не могли оценить остроумие логических ловушек или изящно сформулированную фразу. Когда они не могли доказать свою точку зрения, они просто ее повторяли. Это напомнило мне практику дискуссий с моими детьми, когда те еще были девственниками.

После полуденной пищи, когда спор возобновился, я обнаружил, что мое терпение на исходе.

— Мы хотим спасти тебя и твой мир от того, что люди сделали с этой планетой, — сказал отец-вожак, громкоголосый и неизменный, начиная очередной раунд перепалки.

— Почему? Ваш мир — очень приятное место. Вырубленные леса возвращаются, повсюду растет корм для зверей, а реки и потоки текут в изобилии. У вас широкие дороги и огромные города. Я бы хотел, чтобы Сейшаеф был похож на Землю.

— Разве ты не видишь? Вся дикая природа исчезла! Вся окружающая среда теперь — антропогенная! У нас совершенно нарушен экосферный баланс. Мы вырубаем леса, осушаем реки и вылавливаем всю рыбу в море. Разумеется, ты этого не хочешь. Твой народ по-прежнему живет в гармонии с миром. Нарушать ее — чудовищная ошибка.

— Перед тем, как Мать-первопроходец Марина, стройная и вежливая, пригласила меня посетить ваш мир, я жил в долине Файашус, обильной водой и пышно цветущей. Это хорошее место, так как дно долины богато травами. У моего племени имеется шесть тысяч бродильщиков, тучных и послушных, а у тех, с кем мы совершаем сделки, имеется половина от этого числа. Но земли ниже долины сухи и открыты для ветра, растительность там скудна и множество оврагов пусто. Я видел там дюны из песка, перегоняемого ветром. Там, на равнине, много старых речных русел, мусорных куч, оставшихся от старых поселений. Старинные предания говорят, что когда-то эта земля была домом миллиона бродильщиков. Но туда, где слишком долго паслись бродильщики, пришли пески. Нам не понадобились руки, чтобы превратить луга в пустыни.

Они пошептались при выключенном переводчике, потом отец вновь повернулся ко мне:

— Точно! Вам уже удалось испортить окружающую среду неумеренным пастбищным животноводством. Могу себе представить, что бы вы понаделали, если бы вас было больше и вы имели орудия труда.

— Не будет ли для нас лучше самим выяснить, испортит ли обладание руками наш мир или поможет ему?

— Вы же никогда не сможете это прекратить. Вы будете вовлечены в цикл потребления. Вы будете неспособны остановиться. Ты и твой народ будете слишком привязаны к потреблению и роскоши, чтобы от них отказаться, даже если в результате ваш мир бу-

дет отравлен.

— То есть вы говорите, что вы не желаете нашему народу самостоятельного выбора, потому что боитесь, что мы не сделаем тот выбор, который вы желаете для нас.

Наступила долгая пауза. Остальные люди посмотрели на вожака. Он повернулся ко мне и перед тем, как заговорить, сделал несколько вдохов.

— Мы хотим, чтобы вы сделал правильный выбор, вот и все.

— Я понял, — сказал я. И через мгновение добавил: — Я скажу Сатоси, что я больше не желаю руки.

Пит и остальные вошли на кухню, где я доедал остатки сейтана.

— Он врет, — сказал Пит, как только закрылась дверь.

— Кто? — спросил я.

Пит даже не удостоил меня взглядом, но Джерри ответил:

— Сушиец. Когда мы к нему вернулись, он сказал, что хочет полностью отвергнуть проект рук.

— Я тоже, — добавил я.

Дело все больше и больше пахло керосином.

— Мы несем ответственность, — сказал Пит. — Опиучане разрушат свой мир, если мы сейчас не положим этому конец.

— Я сказал, что думаю. — Джерри покосился на Пита и ушел.

— Э-э, я, похоже, разработал маршрут, чтобы миновать все посты, — сказал я. — Часть пути придется на бездорожье, но земля отлично подсохла и, я думаю, грузовик проедет.

— Пит! Ты слышал? — вопросила Инга.

— Хорошо. Значит, отправимся завтра. Я собираюсь хорошенько выспаться, а утром попробую кое-что растолковать Суши.

Я отпихнул к нему коробку с сейтаном и отправился проведать Джорджа. Он дремал на стуле перед включенными новостями. Один из подстреленных Ингой исследователей пришел в себя, и сделал заявление, в котором умолял нас не причинять Суши вреда. Я вырубил ящик и разбудил Джорджа.

— Хорошие новости: завтра сваливаем. Я проверю,

То есть вы говорите, что вы не желаете нашему народу самостоятельного выбора, потому что боитесь, что мы не сделаем тот выбор, который вы желаете для нас.

— Откуда вы знаете, что он врет?

— Оттуда! — рявкнул Пит. — Мы это уже проходили. Слишком поздно. Он хочет руки, как у нас, и теперь остаток его расы сможет рубить деревья, осушать реки и резать животных. Он нам лжет.

— Возможно, если бы мы поговорили с ней еще раз, — сказала Инга, — мы бы ее убедили.

— Попробуем завтра утром. Но если он не изменит своего мнения, мы вынуждены будем попробовать что-нибудь еще.

Джерри при этих словах поднял брови:

— Что?

— Нам — одному из нас — придется его застрелить.

Обычно Пит смотрел на собеседника в упор, но на этот раз он уставился в пустоту, как будто говорил сам с собой, а нас не было.

Мы были слишком ошеломлены, чтобы что-нибудь сказать, а Пит тихо, почти задумчиво продолжил:

— Это единственный путь. Со смертью пришельца потеряет смысл весь замысел. Пройдут годы, прежде чем НАСА привезет другого опиучанина. Может быть, тогда достаточно людей мобилизуются и остановят эту затею.

— Пит, мы вытащили Суши из лаборатории не для того, чтобы убивать, — сказал Джерри. — Это действительно очень плохая мысль и я не хочу никак в этом участвовать, понимаешь?

чтобы тебя освободили прямо перед отбытием.

Я отвязал его от стула и помог дохромать до ванной. Там Джордж включил воду и плотно закрыл дверь.

— Останься, Джордж, — прошептал он. — Твоих дружков прикончат снайперы после девятичасовой осады в каком-нибудь дешевом мотеле. Мы можем заявить, что они взяли нас обоих в заложники.

— Им нужна моя помощь, чтобы проехать посты.

— Забей на посты! Нарисуй им эту чертову карту. Но не езди с ними. Пожалуйста. Я не хочу закончить жизнь, рассказывая репортерам, каким ты был хорошим мальчиком и как никогда не попадал в беду.

— Кое в чем ты привираешь.

Первый раз за все дни Джордж улыбнулся, но он по-прежнему просительно смотрел на меня.

— Это правда. Ну, так ты останешься?

— Наверное, да. Хотя это надо обставить хитро. Я не подам вида до тех пор, пока все не будет готово к отъезду.

— Хорошая мысль. До завтра.

Я снова привязал его к стулу и выключил свет.

Поздней ночью я решил бежать. Люди вели себя, как группа матерей, готовых свергнуть старого отца и украсть его жен.

Уйти оказалось просто. Дверь в комнате была неп-

рочная и легко сломалась после единственного удара моей здоровой ноги.

В холле снаружи находился большой отец, светловолосый и молчаливый. Он потянулся за оружием, но, как и все люди, двигался медленно. Сделав смертельный выпад, я погрузил клюв в его грудь, туда, где у людей находится сердце. В два шага я пересек большое помещение, где мать нацелила на меня свое оружие и закричала. Я нанес ей удар хвостом, отбросив через комнату.

Всего двумя ударами я открыл входную дверь. Теперь я был свободен — и поскакал сквозь тьму под защиту деревьев.

ФБР нас нашло. Это было первое, что пришло мне в голову, когда я услышал грохот и крики. Я даже почувствовал что-то вроде облегчения. Но не было ни выстрелов, ни криков "Стоять!", поэтому я пнул спальник и выскочил из комнаты.

Дольф лежал в холле на полу, а прямо в центре его груди виднелась большая треугольная дыра. Все было забрызгано кровью. Дверь в комнату Суши разлетелась в щепки.

Сделав смертельный выпад, я погрузил клюв в его грудь, туда, где у людей находится сердце.

Пит, Инга и Джерри были в гостиной. Пит лихорадочно натягивал ботинки.

— Брайан, ты останешься здесь и избавишься от всех следов, по которым они могут нас преследовать. Нам придется сжечь дом. Налей повсюду бензин, но не поджигай, пока мы не вернемся.

— Что вы делаете?

— Нам придется убить сушийца, — сказал он.

— Я сматываюсь, — сказал Джерри. — Мы просрали все дело. Сейчас нам надо отсюда убираться.

В ответ Пит ткнул пластиковое дуло своего ружья в лоб Джерри.

— Я не намерен спорить. Или ты идешь со мной, или я вышибу к черту твои мозги.

— Ладно, ладно. Успокойся. Ты победил.

— Хорошо. Двигаем.

Они поспешили в ночь.

Как только они ушли, я побежал к Джорджу.

— Что происходит? — сонно спросил он.

— Суши сбежал и убил Дольфа. Пит с остальными отправился за пришельцем. Мы должны быть готовы поджечь дом.

— Черти что! Звони копам, сейчас же!

Снаружи я услышал выстрел, потом еще два. На секунду мне захотелось стащить ружье Дольфа и отправиться следом за ними, ловить в лесу барабашку. Однако звук следующего выстрела избавил меня от этой краткой мечты, я вытащил телефон и нажал красную кнопку 911.

— Пожалуйста, определите ваше местонахождение и характер происшествия, — успокаивающе произнес компьютерный голос.

Я сглотнул и громко сказал:

— Пришелец находится во владении Венетукки на Бон-Плейн-Роуд в Лэнсинге. Торопитесь: они хотят его убить.

Снаружи было холодно, зато для меня достаточно светло. Небо на Земле ночью слабо светится, к тому же на нем всходит ярко-белый диск, как бледное солнце, который в некоторые ночи сияет. Я спрятался в тени деревьев и замер, чтобы переждать опасность. У них были ружья, но даже люди не могут убивать, когда ничего не видят, а ночью они почти слепы. Проклятие хромоты сделало меня мастером охоты из засады.

Вышли трое: отец-вожак, мать и отец, который вел автомобиль. Вожак с минуту оглядывался, а потом пошел прямо ко мне. Видно, он был премудр в воинском искусстве или просто удачлив, поскольку на твердой земле не оставалось отпечатков, а люди не могут брать след по запаху.

Во время движения они рассеялись: лидер и мать двигались по обе стороны от водителя. Мать шла почти на меня. Я напряг шею и ноги, прикинул расстояние и стал ждать. Когда она была в двух шагах от меня, я нанес удар, но ей удалось увернуться в сторону, поэтому вместо того, чтобы расколоть ее грудь, мой клюв только рассек ей руку до кости. Она закричала и выронила оружие. Я прикончил ее коротким ударом в шею.

Вожак дважды выстрелил, но не причинил мне вреда. Другой отец повернулся и побежал. Вожак выстрелил в него, но тот убежал и спрятался в кустах.

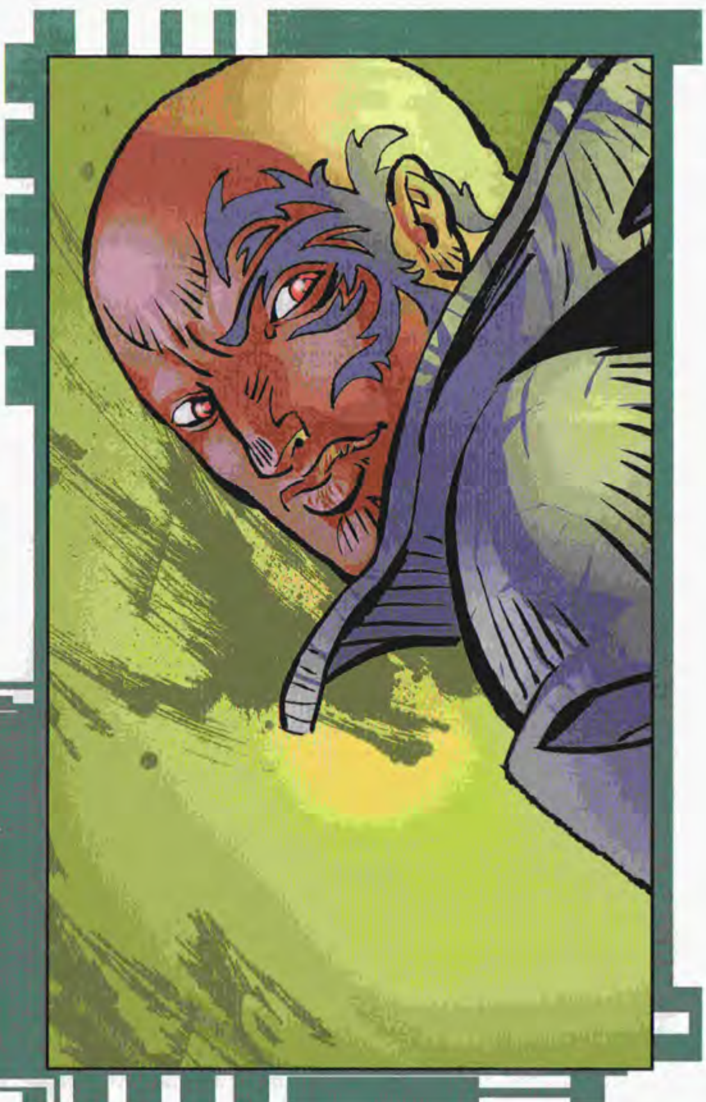
Я оставил мать истекать кровью и вернулся в тень. Вожак осторожно приближался, держа оружие наготове. Я спрятался за дерево и вытянул ноги на земле. Он стрельнул во что-то справа от меня.

Вожак остановился возле тела матери, пнул ногой, но она уже была мертва. Он что-то крикнул в сторону дома. Когда же он не получил ответа, он снова повернулся, поднял ружье, и, прислушиваясь, замер. С его стороны было мудро стоять на открытом месте, откуда его оружие могло дать ему возможность убить меня, если я атакую. В определенном смысле мы попали

в безвыходное положение: он не смел приблизиться к деревьям, где я мог ударить его из засады, а я не собирался покидать укрытие, чтобы попасть под огонь.

Так мы могли бы провести всю ночь, но вскоре я услышал звук, похожий на далекий гром, только вместо того, чтобы растаять, он становился все громче, пока не превратился в ритмично бьющий шум с неба, сопровождаемый ветром и завываниями. Яркий, как день, столб света осветил человека; и когда оглушительный голос заговорил с ним с небес, он положил оружие и в страхе воздел руки.

Я отделался очень легко. Единственное преступление, которое они смогли мне пришить, было пособничество в похищении, потому что мой адвокат успешно доказал, что как только я узнал об убийствах в Институте ксенологии, я имел серьезные основания опасаться за собственную безопасность. Так или иначе, федералам интереснее было прижать Пита и его дружков в Мэриленде. Я признал себя виновным в заговоре и перед тем, как выйти на поруки, провел два года в тюрьме общего режима вместе с

Наверное, способность убить человека одним ударом клюва — неплохой способ завоевать уважение.

мошенниками, контрабандистами и хулиганами.

По старому закону о “сыне Сэма” я не мог извлекать выгоду из рассказов о своих приключениях, но Джордж превратился в медиа-монстра. Он был повсюду: в ток-шоу, в чатах, в журналах и в сборниках. Он написал о произошедшем книгу, что отняло у него много времени, поскольку он не нанял литературного негра. Затея с фильмом провалилась: Джордж решил, что он Энди Уорхолл, и захотел быть и сценаристом, и режиссером, и актером, и, может быть, исполнителем песни.

Семья Пита наняла звездную команду защитников, но Пит настоял на том, что сам будет защищаться, и всех их прогнал. Он продолжал утверждать, что человечество губит Вселенную, а мы шестеро были правы, похитив Суши, чтобы защитить его народ. В одном пункте Пит пытался убедить судей, что если он виновен, то это доказывает правоту его дела, и он должен быть отпущен. Судьи на это не купились.

Поскольку я был поглощен собственными проблемами — судом, и так далее, я не следил за новостями о Суши. Было интересно наблюдать, как менялся его образ в прессе. Перед операцией он был комическим персонажем — большой, мягкий и безобидный, вроде борца сумо. Во время заключения в доме миссис Венетукки он был жертвой. Но потом тон репортажей стал более уважительным. Даже таблоиды перестали называть его “Суши”. Наверное, способность убить человека одним ударом клюва — неплохой способ завоевать уважение. Развернулась даже маленькая публичная дискуссия о необходимости рук, которая закончилась заявлением Суши в том смысле, что это не наше собачье дело.

Сегодня я полностью закончил самостоятельно делать руку, используя как образец ту, что дал мне Сатоси. Задача была непростая, и отняла много дней. Ремень и веревки изготовлены из шкур животных, а хватать — из дерева и кости. Рука не так хороша, как та, что сделал Сатоси, но она работает. Когда я вернусь на Сейшаеф, я смогу делать такие же руки и покажу это остальным.

Когда я испытывал новую руку, Отец-ученый Али задал мне вопрос:

— Что вы будете делать теперь, когда у вас есть руки?

— Не знаю, — ответил я ему. — Возможно, что-то прекрасное, возможно, что-то дурное, возможно, ничего. Посмотрим.

Перевод: В. Ахметьева

ИСТОЧНИК СНОВИДЕНИЙ

Интересно, как думают на других планетах? Как разговаривают? Телепатически? Запахами? Двоичным кодом? Экспериментальный текст известного английского фантаста Джона Мини - это попытка представить себе ход мыслей цивилизации, представители которой общаются с помощью цветовых пятнен на коже. Кроме того, рассказ дает неплохое представление о том, чем английская интеллектуальная фантастика отличается от американской.

ФАНТОМ

ИЛЛЮСТРАЦИИ: А. КЛЕНИН

Почему такой родилась она, а не я?

“Виток один виток один виток два, — непрестанный ритм потока, — виток три виток пять виток восемь”.

Хаadридж, стоявший в дверном проеме, покачал головой. Печальные зеленые пятна пробежали по его блестящей перламутровой коже.

Как она может это выдерживать?

Их было восемь: все дети, мысли монотонные, раскачивающиеся вперед-назад, в то время как по эллипсоидной камере рябью пробегали дифракционные изумрудные и розовые отблески — реакция на усиленную передачу.

"... пятьдесят пять виток восемьдесят девять виток сто сорок четыре..."

Илара с серебристой кожей, одетая в простую коричневатую приютскую тунику, раскачивалась, подобно метроному, одновременно с остальными, не замечая присутствия Хариджа.

Почему такой родилась она, а не я?

В том месте, где Харидж почти касался плечом стены из слежавшегося песка, его кожа начинала неметь из-за абсорбции. Пора уходить.

Кожа у детей неестественно ярко мерцала.

"Илара", — тихо передал он, не ожидая ответа.

Пульсирование у детей потока, похожего на распев, продолжалось, и они не обращали внимания ни на что, кроме собственного резонанса.

Обнаженной руки Хариджа коснулась изящная ладонь с длинными пальцами, и он подскочил.

"Мир, юный Харидж. — Поток госпожи Зеры был контролируемым и ровным; кожа ее была кремовой, испещренной бледно-голубыми пятнами. — Пожалуй, для одной ночи достаточно" — "Знаю". Кожа Хариджа уныло потемнела. — "Скоро ужин".

Харидж знал, что это значит. Любая заминка, любое отступление от приютского распорядка — и Илара в итоге будет колотиться головой о стену, снова и снова, пока какая-то внутренняя петля потока в ее разуме не распутается сама собой.

И остальные обитатели приюта ничем не лучше.

"Мне надо идти", — передал он. — "Но завтра ночью придешь? В полночь?" "Да, мэм", — ответил Харидж. — "Хорошо". [Не похож на своих родителей].

Хотела ли она, чтобы он уловил эту последнюю мысль?

Два помощника — нахмуренных из-за концентрации, защищающей их от детского потока — втащили салазки с пищей. Харидж еще раз посмотрел на Илару, покачал головой, коснулся пальцем лба в знак приветствия госпоже Зере и повернулся, чтобы уходить.

"Хорошо поспи днем, — передала она ему вслед. — Ты выглядишь усталым". — "Посплю".

Но он не стал этого делать.

Потому что сон может принести сновидения.

Негромкий ритм, ореол: пульсация под высоким сводом — сейчас затухающая, поскольку жители городка укладываются спать. Снаружи, за пределами пещеры, где гнездились купола-ракушки, день, должно быть, уже почти закончился.

Склон представлял собой серую каменистую осыпь.

Он вел к стене пещеры, к извилистому туннелю, что выходил наружу.

Я выполнил свое задание, подумал Харидж. Лучший кристалл из всех, что я разлагал.

Делать больше нечего, остается лишь пойти домой и попытаться заснуть.

Харидж медленно, неуклюже шел по извилистой тропинке, оставив позади три купола приюта. Ему действительно надо было возвращаться домой, но он знал, что его там ждет: мать, похрапывающая в своем гамаке после нескольких кубков тройного вина; а отца нет, поскольку он добывает последнюю порцию жидких синтооболочек из сталактитов фактокамеры.

Никто не станет скучать по Хариджу, если он уйдет.

Твердый, неровный камень под его сандалиями.

Завихрение, затягивающее...

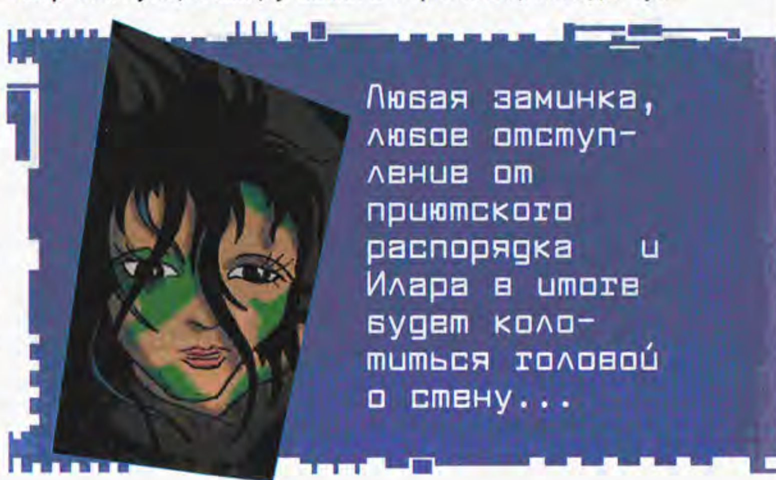
Но поток был заключен глубоко в камне, и он протиснулся мимо, по узкому извилистому туннелю, где его обоняния достигли резкие запахи пустыни, и сухой воздух манил его.

Наружу.

Чистый воздух, до головокружения открытое место. Стоя на пыльном выступе, прислонившись спиной к камню (он уже ощущал тепло сквозь грубую ткань туники), Харидж смотрел через каньон.

Серо-пурпурная столовая гора, а дальше — ровный горизонт.

Высоко над головой нависает серебристо-черный шар Магнуса; ниже, у самого горизонта, звезды тускнеют на небе, раскрашенном предрассветными оттенками зеленого и синего.

Оказавшись вне поселковой пещеры, он вдруг почувствовал, что ему не хватает фоновых ощущений, которые обычно не замечались: цианового запаха спорового сада и нитяного пруда, потрескивания индуктивных пылинок, рассеянных в воздухе.

Здешние пылинки парили беззвучно.

Ниже выступа каньон был пурпурным, темным. Над его бездной устремилась вниз стая троекрылов — уворачиваясь от хрупкой, плывущей шестигранной массы — в то время как слюдяные ползуны натягивали золотые нити по поверхности отвесной скалы.

Харидж осторожно присел на выступ.

Скрестив ноги в позе лотоса, поудобнее расправив тунику, он расслабился и сделал медленный выдох...

Вон там.

Движение.

На какое-то мгновение, сощурившись от усиливающегося света, он подумал, что это, возможно, иллюзия. Но... Нет, вот оно, снова. На отдаленной столовой горе крошечная движущаяся фигурка... человека.

На открытом месте, когда вот-вот наступит пылающий день?

Или безумец, или...

Искатель.

Возможно ли это?
Но фигурка уже исчезла.

Хариджж наблюдал, пока не начал ощущать кожей неуютное покалывание, а половина звезд растаяла на небе — лишь величественная окружность Магнуса оставалась вверху, но признаков человека больше не было. Может, это лишь привиделось Хариджу?

Была одна старинная история — [Я Искал] — и она всегда захватывала его. Это был его самый читаемый кристалл.

Но какой-нибудь энерго-гамильтонец крученого стекла, подумал Харидж, совершенно аналогичен аллело-соответственной матрице ландшафтной пригодности, где мутированные гены эпистатически взаимозависимы в соответствии с ясно очерченным...

О чем он думает?

В его мозгу мерцало уравнение, проясняющее модель. Но потом оно стало расползаться на части, как только его необычность стала доходить до Хариджа.

Идея!

...статистически моделировать как случайную флуктуацию...

Так должно быть. Он не знал ничего про непривычную для него биоматематику.

Пытаясь удержать мысль, зная, что Идея не должна ускользнуть, Харидж неуклюже поднялся на ноги.

Каньон оставался затененной бездной.

Теряется...

"НЕТ!"

Но она ускользала за пределы его восприятия.

"Нет, пожалуйста..."

Он ощущал, что Идея уплывает выше отвесного склона, но ничего не мог сделать.

"Пожалуйста, вернись".

Безучастная, лениво покачиваясь согласно его внутренней динамике, Идея поднималась над бездной, удаляясь все дальше и дальше, ее поток с расстоянием ослабевал, пока не исчез полностью.

Следующий вечер, еще не поздно: в школьном четырехугольном дворе, перед первым уроком.

"Смотрите, что они делают!"

Над головами мелькнул девятикрылый силуэт.

"Какой ты противный, Линтрадж".

Но все дети смотрели, как спаривающаяся тройка взмыла к своду пещеры, а потом исчезла из виду.

"Эй, мальчики. — Это была госпожа Ан, стоявшая у колоннады среди девочек. — Чем вы там занимаетесь?" Кожа Хариджа покрылась пурпурными пятнами смущения, но некоторые из мальчиков хихикали. "Троекрыл, — передал Линтрадж. — Они спариваются, госпожа!" "Ты вообще думаешь о чем-нибудь, кроме секса, Линтрадж?"— Кожа госпожи Ан источала кремово-серебристое свечение.

Большинство детей затаило дыхание. Из всех учителей лишь госпожа Ан могла сделать такое замечание.

Линтрадж: "А вы, госпожа?"

На мгновение все испытали потрясение: пробегавшая по коже Линтраджа рябь белого беспокойства говорила о том, что даже ему самому кажется, что он зашел слишком далеко. Но потом по ним прошел веселый импульс госпожи Ан, и все расслабились.

[Вас никогда не интересовало], госпожа Ан полу-думала, полу-передавала, когда они гуськом заходили внутрь, [почему у нас всего два пола? Вам это никогда не казалось странным?]

Входя в класс, Харидж заметил высокую прямую фигуру в конце коридора. Это была мать Зиль-Гранрия, самая старшая среди наставниц, и смотрела она на госпожу Ан с презрительным неодобрением.

Вилтрил, классный зубрила, вел составление образов: тема [Моя семья], представленная в виде карты родственных отношений, окрашенной теплым, любящим влиянием его родителей.

Не то, что мои. Харидж оставил свою мысль при себе.

Сидя со скрещенными ногами на подушке, как и остальные, он закрыл глаза.

При помощи всего класса, всех двадцати человек, Вилтрил довел образное поле до полной резкости, пока его отчетливость не стала почти болезненной, и госпожа Ан осторожно провела их через фазу затухания, в которой их концентрированный поток медленно рассеивался, безопасно резонировал и пропадал.

"Наверное, — в передаче госпожи Ан ощущались необычные резонансы. — Я была бы неплохой Певицей, верно?"

Но учителем она была великолепным. Все так считали...

Харидж подумал, не ждать ли госпоже Ан неприятностей со стороны матери Зиль-Гранрии; они явно не очень-то ладили.

"А вот ты, Вилтрил, — госпожа Ан сфокусировала внимание на мальчике. — Кем хочешь стать, когда подрастешь?"

Пауза, потом — образное поле низкой интенсивности, отображающее карьеру: координатно-технический ученик, модификатор индукции, смотритель импульсного зала.

"Во всяком случае, спланировано вдумчиво. — Уж не разочарование ли примешалось к ее потоку? — А ты, Хаидж?"

Сила ее взгляда, исходившего из глаз с серебристой поволокой на совершенном кремово-голубом лице, мгновенно ошеломили его, и многоцветные пятна смущения пробежали по его коже.

"Э-э-э... Искателем, госпожа".

Нет!

Но было уже поздно: он произнес это.

И в общий фоновый поток вокруг него выплеснулось веселье, перекрываемое плохо скрытым презрением.

[Недомерок вроде тебя?]

[...кем он себя считает? Бедняжка...]

[Он? И снаружи?]

[Искатель!]

[...его сестра... она не может даже собственный разум отыскать!]

Хариджж, дрожа, поднялся.

"Нет, Харидж".

Но он отступил от госпожи Ан.

"Не иначе, собрался Искать, госпожа". — Это Линтрадж, как всегда, наглый.

Когда госпожа Ан обрушила гнев на Линтраджа, Харидж развернулся и побежал.

Поток группы за его спиной растворился в хаотическом гаме.

Наказания не последовало. Вскоре после того, как он выбежал во внутренний двор, один из старост размотал дворовые кольца, передавая импульс конца урока, и все высыпали в коридоры на перемену.

Никто ничего не передавал напрямую Хариджу до самого конца занятий в школе.

К исходу вечера, навестив Илару в приюте, он присел на выступе высоко на стене пещеры. Поселение внизу выглядело аккуратным органическим узором из куполов-раковин, выложенных пересекающимися спиралями на обширной поверхности.

Он закрыл глаза, вспоминая сказания Искателей из [Я Искал], странные легенды, составленные из уловленных полу-Идей, переделанных в повествовательные структуры поразительной живости.

Я могу отыскать это для нее.

Никто не был столь же восприимчив к этим сказаниям, не обладал способностью теряться в поле потока так, как умел Харидж. Он мог ощущать их реальность...

Я смогу это сделать.

Он начал тщательно разрабатывать план.

Планирование заняло девять ночей, но в конце концов он закончил.

Ни один дневной стражник не охранял небольшой туннель, что вел на наружный выступ — его выступ — а что касается приюта... В это время лишь несколько работников дневной смены находились там и присматривали за тридцатью обитателями, взрослыми и детьми.

А запорные створки дверей заведения можно было размагнитить снаружи: они были предназначены лишь для того, чтобы удержать людей внутри.

Далеко внизу — он взглянул на крошечные купола-ракушки, потом отвернулся, видение растаяло — мать и отец были дома и спали в отдельных комнатах.

Я иду, Илара.

Створки раздвинулись, когда он подходил.

Никакого волнения.

Илара покорно пошла за ним, держа его за руку и опустив голову. Ее кожа имела невыразительный серебристо-серый оттенок.

[Все хорошо]. Харидж держал свой поток на низком уровне и едва передавал. [Все нормально, Илара. Мы в порядке].

Они прошли мимо запертой одноместной комнатки.

"...нет нет нет нет..."

Обитал там мужчина по имени Леджил, примерно одного возраста с их отцом. Его поток просачивался через защиту.

[Все хорошо, Илара]. Но Харидж немного заспешил, чтобы она не успела уловить ритм потока Леджила и отреагировать.

Он повел ее по служебному коридору, ощущая отдаленный разговор двух смотрителей, затем вывел Илару наружу, на тропу из битого щебня, извивающуюся вдоль стены пещеры.

Под сводом пещеры чудесными красками переливалась заря.

Илара шла за ним, не поднимая глаз.

И началось жжение.

С выступа, выходившего на каньон, Хариндж принес тяжелый мешок, который там прятал. Слишком тяжелый: лямки сразу же стали врезаться в тело сквозь тонкую тунику.

"Пойдем, Илара".

Среди пакетов из сладкого молока и вафель из водорослей он упаковал шарики защитных выделений из общих сталактитов; но сейчас им надо было двигаться дальше.

С выступа они вскарабкались на крутую тропу. Наконец вышли на плоскую каменную поверхность: столовую гору, на которой неподалеку стояла лишь одна высокая природная колонна розового камня, похожая на поднятый искореженный палец.

Внезапно нахлынула слабость.

Я... не...

Тянет.

...идет...

Тянет его за руку.

...пустое, скрученное...

А потом он миновал каменный столб, и Илара, как обычно, не поднимая головы, потащила его прочь от залегающих в породе завихрений.

[И тебя-то еще считают глупой].

Илара ничего не ответила.

Но потом, когда они двинулись дальше, она не пыталась выдернуть свою руку.

Ни единой жалобы, даже когда палящий день обволок их гладкую кожу лютой болью.

Это могло быть первой тысячей расссветов.

"...один и три и пять и семь..."

Но он не мог уследить за ее монотонным счетом; в какой-то момент она снова начнет с одного, и цикл продолжится.

"Продолжай, Илара".

И все же она шла с ним, не доставляя никаких хлопот. Мог ли он ожидать от нее чего-то большего?

Белое солнце пылало; камни обжигали даже сквозь подошвы сандалий. Но они продолжали шагать.

В небольшой расселине Хариндж нашел свободный от завихрений навес: укрытие, где они могли поспать во второй половине дня. Устроившись там, Илара никак не отреагировала, когда он втирал защитные шарики ей в кожу и заставил несколько проглотить. Потом он натер себя этим веществом; оно было прохладным и липким. Легкий травяной запах, не слишком приятный.

Когда он спал, к нему пришел знакомый сон: [нескончаемый поиск, рык демонов позади, и жалобные передачи детей, затерянных в бесконечном дне].

Но опустилась прохладная ночь с двойным свечением еще не полных Минора и Минимуса над самым горизонтом и Магнусом во всем его черно-серебристом великолепии наверху.

Хариндж раскрыл мешок, достал пакет...

Вспышка беспокойства.

Это должно было произойти.

И когда она бессознательно пыталась биться о выступ, Харинджу ничего не оставалось — лишь поместить руку между ее лбом и камнем, чтобы смягчить удар. Он скрючился там, напряженно дрожа в неудобном положении, а она колотилась головой о его ладонь — и было больно — снова и снова, пока в ее мозгу не сдвинулось что-то, и она не затихла.

В конце концов она позавтракала вместе с ним, несмотря на незнакомую обстановку и перемену рациона. И когда он закинул на плечи мешок и взял ее за руку, она пошла за ним.

"Хорошая девочка", — передал он.

Ответа не последовало.

На пятую ночь сладкое молоко закончилось, и осталась лишь горсть хлопьев из водорослей.

Пять полных ночей.

Самое худшее заключалось в том, что по мере уменьшения порций, Илара реагировала все слабее: после того, как они выдавили последние несколько капель сладкого молока из последнего пакета, она безучастно ожидала, пока Хариндж не поведет ее снова вперед.

Каждый шаг отдавался болью; все его тело представляло собой перекореженное обиталище мучений.

Мимо иззубренной расселины...

Должно быть, правильно.

Хотя это не совсем напоминало образ из [Я Искал], это должен быть тот же признак. Просто искажение из-за сдвига потока рассказчика. И легенда соответствовала: те предания глубоко засели в голове у Харинджа.

Если он ошибся, значит, он убил Илару и себя.

Но их перламутровая кожа шелушилась и потрескалась, несмотря на снадобье, и они уже еле тащились: непрестанная боль в ногах, пылающие ступни, замутненное зрение и пересохшие глотки, опухшие от жажды. Он не мог даже попытаться прикинуть, сколько они прошли за пять ночей, иногда прихватывая полыхающие дни.

Все горело...

Дорожка вела вниз.

Они спускались медленно, на трясущихся ногах.

Здесь.

Голая скала.

Легенда...

Он прищурился, словно пытаясь улучшить резкость образа в своем мозгу. Вперед, точно так, как в предании, вокруг обнаженной породы, затянутой золотыми нитями слюдяных ползунов.

Здесь.

Голая поверхность скалы.

Лишь безучастный оранжево-коричневый камень лежал перед ним.

Это должно быть здесь.

Он опустился на горячую, неровную почву, перед глазами у него полыхал оранжевый свет, и все его силы исчезали, словно ночное гнездо морозного червя под рассветными лучами.

[Это должно быть здесь].

Он вел Илару — а она ему верила, не жаловалась — навстречу смерти.

Потом... ничего.

ВСЕ ХОРОШО, ХАРИДЖ.

Поток был сильным, пробивавшимся сквозь оцепенение.

МЫ НА МЕСТЕ. У ИСТОЧНИКА СНОВ.

Резкий вкус на его губах.

Сонное воспоминание о том, как ее руки тащат его по болезненно неровной почве...

Влага на его языке.

ПРОБУЖДАЙСЯ, БРАТ. У ТЕБЯ ПОЛУЧИЛОСЬ. МЫ ПОЧТИ НА МЕСТЕ.

МОЖЕТ БЫТЬ... А МОЖЕТ БЫТЬ, И НЕТ, ТРУДНО СКАЗАТЬ.

“Заперта внури себя, в ловушке? — Хfamous Харидж отвел взгляд. — Я всегда сомневался”.

Ловушка ...

Илара снова пошевелилась.

ДА. ТАКУЮ КОНЦЕПЦИЮ МЫ ПОНИМАЕМ.

Харидж застыл, прожевав лист до середины. Хотя воздух оставался теплым, его шелушащуюся кожу окатил мгновенный голубой холодок.

“Что ты хочешь этим сказать... *мы понимаем*?”

Э-Э-Э... ИДЕНТИЧНОСТЬ — СЛИШКОМ ХРУПКАЯ МАТЕРИЯ, ТЕБЕ НЕ КАЖЕТСЯ?

Сглотнув, Харидж с трудом поднялся на ноги.

“Но у нас получилось. Ты исцелилась!”

На мгновение уровень потока в пещере ослабел.

Затем Илара указала на три пурпурных листа, оставшихся на земле.

ЭТО ВСЕ, ЧТО У НАС ЕСТЬ, ПОКА ШИПОВИК НЕ ПОДРАСТЕТ СНОВА.

ПРОБУЖДАЙСЯ, БРАТ. У ТЕБЯ ПОЛУЧИЛОСЬ. МЫ ПОЧТИ НА МЕСТЕ

Он прищурился, не в силах поднять голову. [Что!...]

Вокруг них было прохладно, затененная пещера...

ЗДЕСЬ.

...и маленькая фигурка, присевшая у дальней стены, а волны пульсации растекались по блестящим прожилкам минералов над головой и пробивались сквозь них.

“Илара?”

Он с усилием поднялся и сел, откинувшись на твердую стенку пещеры.

Хмурый вид: *ДУМАЮ, ЧТО ДА*.

Харидж тряхнул головой.

“Это источник снов?”

ИЗ ЛЕГЕНДЫ. Илара слегка шевельнулась. *В СТАРИННЫХ ПРЕДАНИЯХ БЫЛА ПРАВДА*.

“Я не... — Он запнулся, глядя на нее, чувствуя себя уже почти очнувшимся. — Это действительно ты, Илара?”

Световая рябь, резонирующая с пульсирующим потоком.

ЗДЕСЬ СТОЛЬКО ВСЕГО... РЕЗОНАНСЫ, ОТДЕЛЬНЫЕ ИДЕО-ФРАГМЕНТЫ, НЕВРЕДИМЫЕ КОМПЛЕКСЫ. СТОЛЬКО ВСЕГО.

Рядом с собой Харидж увидел какие-то пурпурные шестиугольные листья. Подняв один из них, он откусил. Сладкий и пряный.

Почувствовав облегчение, он спросил: “Ты всегда была такой, Илара? Внутри себя, я имею в виду. Скрытно”.

Молчание.

Харидж покачал головой. “Не понимаю. Мы наверняка можем...”

И снова отчетливая передача: *РАЗВЕ ТЫ НЕ ЗНАЕШЬ, БРАТ? МОЕ ТЕЛО НЕ МОЖЕТ ПОКИНУТЬ ЭТО МЕСТО. НЕ СЕЙЧАС*.

Ему показалось, будто весь мир отступает от него.

“Нет! Ты же не можешь...”

Но потом он замолчал, поскольку она выразилась очень ясно.

ТЫ ДОЛЖЕН ВЕРНУТЬСЯ ОДИН.

И потом, в первый раз, когда она вышла из тени, произошло нечто чудесное.

Илара улыбалась.

Обратная дорога: ужасный сон.

Странные ночи, лютые дни.

Никаких припасов: листья он оставил у источника снов, понимая, что надолго их не хватит. То время Илары, по крайней мере, как материальная целостность, почти закончилось.

Опухший язык, перекрывающий горло, затрудняя дыхание.

Он уже должен умереть.

В своем горячечном состоянии он едва понимал, что происходит, в каком направлении он плетется... Но когда он проснулся в сумерки, рядом с собой на земле он обнаружил бурдючок, заполненный глюкозой и сушеные карбопалочки.

У него не было сил передать благодарность. Кроме

того, Искатель, наверное, уже давно ушел.

Божественная жидкость вызывала боль в горле, но он жадно пил, пока здравый смысл не заставил его остановиться. Затем он успокоился, сориентировался по звездам и отдаленной полоске каньона, ведущего к дому, собрал появившиеся припасы и пошел дальше.

Как робот.

Не обращая внимания на боль. Не думая о предстоящем наказании.

Просто шел.

Знакомый выступ, извилистый туннель, по которому он брел, и внезапно возникший перед ним вид: родное селение, угнездившееся на дне пещеры, с ракушками-куполами, хрупкими и прекрасными, совершенно не изменившимися.

Но были там и дневные стражники, с дежурными повязками на руках. Они задержали Хариджа, провели его вниз и оставили в закрытой тройными створками глухой камере, где поток заглушался полностью. Пищу и еду оставили: они знали свое дело, и жестокими не были.

А потом был трибунал.

Председателем была мать Зиль-Гранрия; по бокам от нее на ярких, узорчатых подушках сидели два советника. Позади стояли трое прокторов, держа в руках, защищенных перчатками, ферростержни, обладающие сильным полем.

Были и другие зрители, включая госпожу Ан, но только не его родители: их намеренно исключили.

Илара не говорила о них, вдруг понял Харидж. Ни разу после обретения ею истинного разума.

Присматривать за ней всегда было его делом.

"...похищение, преднамеренная небрежность и убийство. Какие будут возражения?"

Выступала мать Зиль-Гранрия, ее передача была сильной и резкой. Необычные резонансы отдавались в сверкающих стенах зала.

Харидж судорожно сглотнул.

Затем, собравшись с силами — ему на мгновение показалось, будто госпожа Ан ободряюще ему улыбнулась — он поведал об их путешествии, об открытии источника снов.

"И наконец..." Он умолк.

Недоверие растаяло, но враждебность зрителей оставалась.

"Это был последний дар Илары".

И тогда он начал Песнь.

Там говорилось о пустыне и жизни, о проходящих столетиях, о знании и красоте. Даже о смерти.

Там говорилось о пустыне и жизни, о проходящих столетиях, о знании и красоте. Даже о смерти.

Мир среди суровых пустошей; рационализм созерцающий, исследующий разумом, поскольку движение невозможно. Бытие за пределами бытия.

Горизонты мысли...

Торжество Песни, разделенной с народом Илары, когда ее тело умерло.

Поток шептал, слабел, растворялся.

До полной тишины.

Когда Песнь Илары умолкла, мать Зиль-Гранрия посмотрела на советников, а затем низко склонила голову...

"НЕТ! — отчаянный посыл госпожи Ан угас, после того как высоко-гистерезисные ферростержни шевельнулись, излучая импульсы, и прокторы схватили ее за руки. — Харидж... Будь сильным".

...и вынесла приговор.

"Смерть разума".

По ее коже медленно пробегала черная рябь, спирали.

"И избавиться от останков".

Ночь уже заканчивалась, когда его вывели из пещеры по штреку, которого он раньше не видел. Он испытывал оцепенение и думал, почему Мать и Отец так и не пришли даже по завершении заседания трибунала, что-

бы просто его увидеть. Хотя бы в последний раз...

Прокторы и советники, одетые в тяжелые серебристые одеяния, с надвинутыми защитными капюшонами, провели его по столовой горе. Прохладный воздух разносит слабый аромат гексареев.

Илара, ты счастлива, сестра моя?

Хариндж надеялся, что не ошибся, что поступил правильно. Но разве можно быть в этом уверенным?

Ее последняя Песнь оставалась у него в голове. Она звучала тихо, в глубине его рассудка, когда прокторы подвели его к столбу из розового камня и привязали прочными веревками.

Больно...

Мощные завихрения, скрытые внутри каменного столба, раздирали его мысли.

"Больно!"

Но прокторы и советники, несмотря на свои защитные одежды, уже спешили прочь от разрушающего разум потока.

Я схожу с ума.

Привязанному к столбу Хариджу, перед которым простиралась безжизненная каменная поверхность, оставалось лишь закрыть глаза навстречу разгорающейся заре и течениям, раздирающим его душу.

Жжение продолжалось бесконечно.

Пылающий день сменился безмятежной ночью. По тропинке на каменную равнину вышла госпожа Ан — одна, с серебряным жезлом и большим, завязанным свертком. Позади нее, на противоположной стене каньона, ярко светились золотые нити слюдяных ползунов.

Она дрожала.

Положив свою ношу, она подошла к столбу — торопливо, поскольку защитной одежды на ней не было — и в руке ее блеснуло изогнутое лезвие.

Когда она перерезала путы, мальчик чуть не упал. Она подхватила его и быстро потащила из зоны действия столба.

Быстрее...

Возле оставленных ею жезла и свертка она опустила мальчика на землю. Голова ее разламывалась от наведенной боли.

А ему пришлось выносить это целый день.

В свертке был бурдючок с жидкой глюкозой; опустившись на колени, она достала его, чтобы вернуть Хариджа к жизни. Это заняло некоторое время, но вдруг — к ее изумлению — он поднялся на ноги и выпрямился.

Она тоже встала, чтобы увидеть его лицо.

"Как тебя зовут, юноша?" Он не ответил. "Как твое имя? — Снова спросила она. — Скажи". "Я... — мальчик, который раньше был Хариджем, бесстрастно смотрел на нее, — никто".

Может, физическая смерть была бы для него лучшим выходом? Именно этого хотела старая ведьма Зиль-Гранрия.

Последняя попытка.

"Чем ты занимаешься?" передала она.

Какое-то мгновение — ничего.

Потом: "Я Ищу".

Она лишь отвела взгляд, не смея ответить.

Потом она полностью развернула сверток, показала ему влагоуловитель и быстрорастущие водоросли, кристалл с инструкциями. Она достала темную тунику и плащ, набросила ему на плечи, а он в это время неподвижно стоял. Затем она снова завязала сверток с оставшимися припасами.

Ее последняя Песнь оставалась у него в голове. Она звучала тихо, в глубине его рассудка...

Когда она подала ему серебряный жезл, он принял его...

"Я рада, что сновидение осталось, мой юный друг".

...и терпеливо наблюдал, как она идет к тропинке, ведущей вниз, в селение.

[Ты никогда не думала], тихо передал-подумал мальчик, который когда-то был Хариджем, [что нашему виду недостает трехчастной симметрии?]

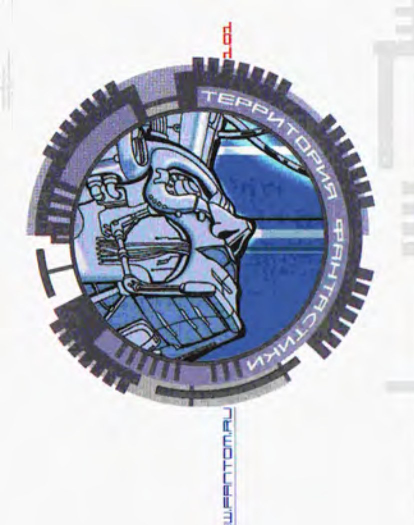
Но госпожа Ан уже ушла и не могла принимать его поток.

Затем мальчик — новый Искатель — откинул голову назад, посмотрев на полную окружность Магнуса. Серебряная филигрань на черном фоне: уж не изменились ли слегка его очертания с тех пор, как он в последний раз видел его?

Искатель тихо выдохнул, нагнулся за скудными припасами и спрятал их под плащ. Затем, держа в руке жезл, он пошел по каменной пустыне.

Высоко над его головой, в черном небе парил одинокий троекрыл.

Перевод: Владимир Малахов

АЛЕКСЕЙ ШВЕДОВ

ОДИННАДЦАТЬ ВОЛЬТ ДЛЯ ФЕНИКС

Читательница Ольга К. из Нижнего Города спрашивает, что же такое кибепанк. Дорогая Оля, слово это состоит из двух частей. Откуда взялось слово кибер, мы узнаем в следующий раз. Сегодня наш знакомый А. Шведов, запомнившийся многим по "Юле - камикадзе" (Фантом #1), расскажет о том, почему в этом слове содержится слово "панк".
Внимание! В рассказе содержатся ненормативные ситуации. Лексика была смягчена. Автор - раздосадован.

ФАНТОМ

ИЛЛЮСТРАЦИИ: R/SKY,
ФОТОГРАФИИ: МАКС СЕДОВ

WWW.FANTOM.RU

...небольшое отверстие в сантиметре от межбровья, полый стержень, ведущий прямо в узел гипоталамуса.

"Стоит человеку испытать вкус блаженства, как он скоро захочет ощущать его постоянно".

Кеннет Келзер "Солнце и тень"

Александру Быкову

— 1 —

— Господи, да ты только посмотри на нее!

— М-да.

— Эй, Феникс, открой глазки!

— М-м-м...

— О, голос подала! Прогресс!

— М-м...

— А морда довольная — смотри, смотри!

— Еще бы ей не быть довольной. Ну и что с ней делать-то в таком состоянии?

— М-м?

— М-м! М-м! — передразнил ее ТДК.

— Чего надо? — пробормотала Феникс, окидывая склонившихся над нею парней вялым сонным взглядом. Счастливая улыбка уже сползла с ее лица под гнетом внешних обстоятельств.

— Халат хоть запахни!

Она опустила взгляд вниз: халат был расстегнут, обнажив одну грудь (левую). Ей стало неловко, хотя если вдуматься, то что здесь такого? Подумаешь — грудь! Что, они женской груди никогда не видели? К тому же она у нее все равно маленькая... Но все же Феникс последовала просьбе ТДК, после чего нехотя сменила позу и уселась на кровати, свесив одну ногу вниз, а второй — подперев подбородок. Мир вокруг немного дрожал, руки тоже. И вообще, ее знобило. И как она умудрилась заснуть?

— А че так холодно?

— На улице, — сказал Женя, — плюс тридцать два. Сейчас лето, Феникс. А тебе холодно. Есть над чем призадуматься, не так ли?

— Как вы сюда попали? — Феникс протерла пальцами глаза. Внизу живота уже немного ныло. Неужели она проспала больше четырех часов?! Она поморщилась. А скоро будет еще хуже...

Женя повертел согнутой булавкой.

— Понятно, — проворчала Феникс. — Надо будет замок менять...

Наступило молчание, во время которого она пыталась расчесать пальцами спутанные волосы и челкой скрыть нейропорт. Феникс знала, зачем пришли Женя и ТДК, и оттягивала неприятный разговор до последнего. Она понимала, что виновата перед ними. "Но что я могу с этим поделать? — Феникс принялась задумчиво покусывать нижнюю губу. — Впрочем, я не так уж и виновата. В конце концов, это был мой личный блок питания. Что хочу, то и делаю. А в примочку можно и "Крону" вставить — так даже фонить меньше будет. И вообще, каждому свое. И нечего проецировать на меня свои проблемы. Только вот настроение хреновое...."

Она встала (хотела пойти умыться), но тут ее сильно качнуло, и она полетела на тумбочку.

— Бля-адь!!!

ТДК и Женя многозначительно переглянулись.

— Феникс, ты понимаешь, что тебе нужно завязывать? — спросил ТДК.

— Ой, только не надо мне говорить, что мне нужно делать, — поморщилась она. — На себя посмотрите сначала.

И она ушла в ванную. Из зеркала на нее глядела бледная худая физиономия, под глазами — темные круги, сами глаза — красные. Как попало умывшись и расчесавшись, Феникс вновь уставилась на себя в зеркало. Повернулась к нему сперва левой стороной, потом — правой. Справа она себе нравилась больше.

Достав из нейропорта пустую капсулу, Феникс спрятала ее в халат — на драгс-точках двадцать таких меняют на одну целую. Где бы еще восемь найти? Причем, к вечеру. Она снова посмотрелась в зеркало, зачем-то потрогала нос. Блин, ну и морда. Указательным пальцем погладила разъем порта: небольшое отверстие в сантиметре от межбровья, полый стержень, ведущий прямо в узел гипоталамуса. А когда вы вставляете в него энергокапсулу, то генерируются электрические импульсы, воздействующие на центр "рая". Стоимость капсулы зависит от порога заряда. Феникс прижалась к стене и, прикрыв глаза, постояла так немного, после чего вернулась в комнату. Женя и ТДК скромно сидели на столе. Опустившись на кровать, Феникс сгребла с тумбочки упаковку анальгина и проглотила кое-как без воды пару таблеток. Нужно было еще переодеть трусики, а то эти все мокрые после "тока". Только сейчас на это внимание обратила. Взгляд девушки настороженно заскользил по комнате. Ну и чего они тут расселись, спрашивается?

— Ну, так сегодня ты на репетицию придешь или нет? — поинтересовался Женя.

— Во сколько?

— К семи.

— А щас сколько?

— Полпятого.

— Ну, приду, если нужно, — вернее, постараюсь прийти, добавила Феникс про себя. Тут запищал видеофон. Она шлепнула ладонью по прямоугольнику сенсодатчика, активируя экран. На нем тут же нарисовался улыбающийся Герберт. Феникс снова ударила по датчику, прерывая контакт — еще не хватало при Жене с ТДК с ним разговаривать!

Она выдернула видеофон из розетки. Уйдут — и я сама перезвоню, поклялась она себе.

— Кстати, с блоком питания надо будет как-то вопрос решать, — как бы невзначай заметил ТДК.

Феникс покивала в знак согласия, хотя, откровенно говоря, все эти музыкальные проблемы были ей сейчас до лампочки. Итак, звонил Герберт. А за ней должок, который нужно было вернуть еще вчера. Что он может подумать, если она вот так вот резко оборвала связь? Что должница не желает платить. Так что, возможно, вскоре он сам придет к ней или пришлет своих шестерок, чтобы они убедили ее вернуть долг. "Да где ж я вам возьму столько денег? — возмущенно думала Феникс. — Они чем там у себя думают? И расценки дикие какие-то; говорят, в том же Кемерово "ток" дешевле раза в полтора".

— То есть сегодня ты точно придешь? Не как вчера?

— И позавчера, — добавил Женя.

— Точно приду, — буркнула Феникс. — В семь?

— Угу.

— Надо записываться быстрее, — сказала она. — На-

доело мне уже репетировать. Выступать все равно нигде не выступаем...

— А вот это тебе не надоело? — ТДК постучал себе между бровей. Намек понят, подумала Феникс. — Лариса, ты посмотри, в кого ты превратилась за последние три месяца!

— Какая была, такая и осталась, — недовольно проворчала она. Разные нотации ее жутко раздражали. Ей было проще продолжать считать, что она ничуть не изменилась — просто изменились окружающие.

— Феникс, неужели ты действительно этого не видишь? — в разговор снова вступил Женя. — Тебя уже ничто больше не интересует кроме этих твоих капсул. Кстати, что-то я не вижу твоего плейера... Вероятно, он там же, где и блок питания? Так?

— Не надо меня учить, а?

— А никто тебя и не учит. Мы пытаемся тебе помочь. Вспомни, кем ты была, и посмотри, кто ты есть. Ты же

— Это тебя надо лечить, а не меня! — выпалила Феникс. — И твою Ксюшу!

— Ну-ка, ты! — возмутился Женя. — Причем тут Ксюша? Причем тут Ксюша, а? Ты че тут базаришь, онанистка?

— Сам ты онанист! — закричала Феникс, вскакивая. — Пошел на хер отсюда, пошел на хер, понял!

— Да щас ты сама на хер пойдешь!

— Э, ребята, кончайте! — заметался между ними ТДК. — Женя, успокойся, ну ты-то че...

— Нет, что ты там про Ксюшу начала говорить? Договаривай-договаривай, если уж начала!

— И договорю! — закричала Феникс. Ее прямо-таки распирало от справедливого гнева. — Почему это твоя Ксюша себе между ног чип вставила, а я нейропорт в голову не могу? А? Почему ей можно, а мне нельзя? А я тебе сейчас скажу почему, я тебе скажу... Это ты потому на меня наезжаешь, что я тебе не дала тогда у Мэри на дне рожденья, вот твое мужское самолюбие теперь и...

жить теперь без этого не можешь. Все вещи уже попродавала. Кофточка твоя зеленая где? Что-то я давно ее на тебе не видел...

— Нет, ты мне че тут гонишь? — закричала Феникс, не выдержав. — Ты мне муж, что ли? Отец? Надо же, прикопался! Что хочу, то и делаю!

— Может, нам начать искать другого басиста?

— Ищите хоть семь басистов.

— То есть ты больше не будешь играть?

Феникс насупилась. Играть в группе ей, в общем-то, нравилось.

— Буду, — пробормотала она виновато-извиняюще. Глаза ее смотрели в пол. — Только не надо меня доставать, я и сама знаю, что у меня проблемы. Но я намерена в ближайшем будущем завязать.

— Свежо предание, — заметил ТДК.

— Да верится с трудом, — окончил Женя. — Чем ты думала, когда вставляла в себя эту штуку?

— Головой, чем. Чем я еще могла думать? — она еле сдерживалась, чтобы снова не начать кричать.

— Такое впечатление, что чем-то другим.

— Слушай, а какое тебе вообще до этого дело? Я к тебе не лезу, и ты ко мне не лезь. Понял?

— Бесполезно с ней разговаривать, — Женя махнул рукой. — Она уже конченая, как и все эти... Она сама уже не завяжет, ее лечить надо.

— Ты че, дура? — удивился Женя. — Нет, ты че, дура? — он вполне натурально рассмеялся, но правда, немного нервно. — Причем тут день рожденья Мэри? Ну, пьяный я тогда был... нашла что вспомнить. Не дала — не дала, я из таких вещей проблем не делаю.

— Это тебе только кажется, что не делаешь. Нет, ну ты мне ответь теперь, почему своей Ксюше ты разрешил биочип поставить, а...

— Да пойми ты, это разные вещи! — закричал Женя и начал нервно ходить туда-сюда по комнате. — Мы с Оксаной любим друг друга и... Да зачем я тебе все это объясняю?

— Нет, ты мне все-таки объясни, объясни!

— Тронутые вы оба, — заметил ТДК. — Феникс, можно я закурю?

— Закури. И мне дай.

Все трое закурили. Феникс открыла форточку и выжидающе уставилась на Женю.

— Хорошо, я объясню, — прошипел тот. — У Ксюши были проблемы с половым аппаратом. Я хотел, чтобы, когда мы занимаемся любовью, ей тоже было хорошо. Я не эгоист. Поэтому мы пошли к гинекологу, и он вживил ей этот чип.

— Любовью они занимаются! — саркастически закивала Феникс. — Проблемы с половым аппаратом... Понятно-понятно. Врешь ты все, любовничек. Или стра-

даешь недостатком информации. Я с Ксюшей твоей обсуждала как-то эту тему, и все у нее там нормально было, просто ты кончаешь быстро, а она не успевает. Может, она тебя просто смущать не хотела, потому и сказала, что у нее какие-то там проблемы, но знай — это совершенно не соответствует истине. Плохо ты знаешь женскую психологию, Женечка. А теперь она знаешь, как тащится — твоя Ксюша! Еще покруче, чем я от "тока". Так что каждому свое, Женя. Да, я прекрасно понимаю — то, что со мной происходит сейчас, ненормально, и я буду пытаться бросить это. Но вся проблема в том, что у меня образовалась физическая зависимость и без этих импульсов меня ломает, а твоя Ксюша себе чип поставила только для того, чтобы переться, как... Знаешь, иногда говорят: "как удав по стекловате". Разницу чуешь?

— В таком случае, если уж ты все так повернула, скажи мне, пожалуйста, зачем ты вообще поставила нейропорт, если не для того, чтобы — как ты выразилась — тащиться?

— Просто поставила и все. И я сказала не "тащиться", а "переться".

— Это не ответ.

— Ответ.

— Все с тобой ясно, — резюмировал Женя.

— Ну что, успокоились? — поинтересовался ТДК.

— А я всегда спокойная, — пожала плечами Феникс.

Оба парня фыркнули. Феникс встретилась взглядом с ТДК (он был в их группе гитаристом, а Женя — барабанщиком), и тот ей грустно улыбнулся. Ей захотелось заплакать. "Я падаю в бездну, — подумала она, — а все только и знают, что меня поучать. Поучать легко, нет, чтоб как-то помочь. Хотя бы схватить меня за волосы и втащить наверх, пусть даже я буду орать и сопротивляться. Но нет, они предпочитают только обвинять. Да, черт возьми, я наркоманка, а еще я просто глупая уставшая от всего женщина, которая совсем запуталась. Я сама во всем виновата, и когда-нибудь я завяжу. Но не сегодня. Надо будет вечером к Таньке смотаться — вдруг у нее что есть?"

— Значит, на репетицию тебя сегодня не ждать? — спросил Женя.

— Блин, ну ты вот опять специально же до меня докапываешься! Сказано же ясно: приду.

— Ну че, пойдем? — обратился Женя к ТДК.

— Ты иди, а я с ней еще поговорю немножко.

— Я тебя возле подъезда подожду тогда, — сказал Женя и ушел.

— И что ж тебе надо, голубь ты мой сизокрылый? — поинтересовалась Феникс у ТДК, когда они остались вдвоем.

— Ты песни-то еще все помнишь?

— Да вроде все.

— Лариса, если мы тебе можем чем-то помочь, то ты скажи.

— Не называй меня Ларисой, пожалуйста.

— Ладно.

— Чем можешь помочь? — Феникс усмехнулась. — Дай тридцать рублей.

— Не дам.

— А двадцать?

— И двадцать не дам.

— Ну, тогда ты мне ничем помочь не можешь, — сделала она вывод.

"Нет, можешь, — добавила Феникс про себя. — Просто мне нужно как-то попросить об этом, признаться в том, что мне действительно необходима помощь. Но я боюсь показаться слишком слабой, я не хочу никого ни о чем просить. Тем более, тебя, потому что ты сам предлагаешь помощь. Наверное, я дура. Нет, не наверное, а точно. Скажи, скажи ему, чтобы он тебе помог! Он ведь тебе нравится? Да, но... я лучше умру, чем попрошу его о чем-нибудь".

Неожиданно она заплакала, причем, с каждой секундой интенсивность ее плача все нарастала. Феникс повалилась на кровать лицом вниз. ТДК присел рядом; она двинула его ногой.

— Лариса...

— Да я же тебе ясно сказала: НЕ НАЗЫВАЙ МЕНЯ ЛАРИСОЙ! — закричала Феникс, снова вскакивая и чувствуя, что слезы прямо так и льются по ее щекам, к тому же левая щека дергается в нервном тике. — Ты че, тупой, да? Ты че, тупой, если таких элементарных вещей не понимаешь? Нет, ну че ты вылупился, че ты вылупился? — она вновь рухнула на кровать. Ей было стыдно, что она ревет тут перед ним, но остановиться было невозможно.

Итак, Феникс лежала на животе и, заслонив лицо руками, плакала.

В дверь позвонили.

— Открыть? — спросил ТДК.

— Не надо.

— Вообще-то она и так открыта, — пробормотал ТДК. — Или Женя опять булавкой закрыл?

— Она у меня захлопывается, — Феникс присела и, вытерев лицо рукавом халата, мрачно посмотрела на него. И чего пристал, спрашивается? Фу-у, истерика вроде прекратилась. Сейчас бы капсулку... Хотя бы на вольт...

Опять звонок. Феникс насторожилась. Это, поди, или Герберт, или кто-то из его людей. Открывать нежелательно. А завтра я им все отдам, подумала она.

— Лариса...

— Слушай, ну ты точно тупой, — вздохнула устало Феникс. — И в голове у тебя не мозги, а хрен поймешь что. Ты тормоз, осознаешь?

Он усмехнулся. "По фигу ему, — подумала Феникс. — Знает ведь, сволочь, что я не всерьез это говорю. А вот Женя — свинья последняя. И ведь это все началось с мэриного дня рожденья. Да я лучше умерла бы, чем ему дала — он на Пушкина похож, терпеть не могу кудрявых и с бакенбардами. И сам он онанист! Ничем подобным я не занимаюсь, хотя пробовала, конечно. Искусственная нейростимуляция — это, по-моему, совсем другое. Зачем возиться с кем-то (чем-то), если можно влиять на центр удовольствия напрямую через мозг? Но злоупотреблять этим, конечно же, не следует. А я именно злоупотребляю. Это зависимость, натуральная зависимость. Но мне это нравится. Нет, не нравится. Нет, нравится. Но ведь ты наркоманка, Лари... Феникс! Ну и что? А то. Ты уже сдаешь по дешевке свои вещи, ты бы и гитару уже давно продала, если бы она лежала не в ДК и была бы не такой большой. Блок питания маленький был, как раз за пазухой поместился. Догадались же... А вот бас за пазуху не спрятать. Хотя почему я должна его прятать? Он мой, так что я с ним что хочу, то и делаю. Хочу — играю, хочу — не играю. Захочу — продам."

Ей вспомнились несколько последних репетиций. Играла она уже без особого воодушевления, лишь бы как, к тому же постоянно сбивалась. Раньше все было по-другому. И дернуло же ее поставить этот нейропорт!

— Дай тридцать рублей, — снова попросила она.

Звонивший, похоже, уже ушел.

— Извини, но не дам.

— Че, жалко? — прищурилась Феникс.

— Тебя, а не деньги.

— Слушай, да не надо меня жалеть! Мне уже двадцать четыре, и я сама прекрасно понимаю, что к чему. Просто сейчас мне нужен "ток", но вообще я пытаюсь завязать. Я уже сбила дозу на полвольта, — соврала она. — Ну дай денег, а?

ТДК помотал головой. Иногда ей казалось, что он тоже тянется к ней, но — как и она — не решается сделать первый шаг. ТДК был на год ее младше и учился на каких-то курсах по трансперсональным психотехникам, к тому же он писал основную часть музыки для их группы (тексты сочинял Марат, вокалист). Вообще в их "Базовые перинатальные матрицы" Феникс попала чисто случайно. До этого она играла в "Смерть президенту", но потом те развалились из-за вечных конфликтов друг с другом, и она осталась без дела. А в общем и целом она любила бас, любила хороший жесткий панк с социальными текстами (то, что они играли сейчас, панком было назвать трудно). Вот именно что "любила". А сейчас ей на все плевать, правильно Женя сказал. На все, кроме "тока". Даже плейер — и тот продала.

Она решила немного изменить тактику.

— Слушай, ТДК, ты ведь у нас анархист, так?

Похоже, он сразу заподозрил подвох, но пока молчал. Она продолжила развивать свою мысль:

— Ваша идеология гласит: полная свобода действий плюс... Короче, делай что хочешь, но только не мешай и не ограничивай при этом свободу других. А ты ограничиваешь. Что это за анархия тогда, если я не могу делать то, что я хочу?

— Слушай, ну ты же сама понимаешь, что чушь городишь. Скажи, понимаешь ведь?

— Ну, понимаю, — вынуждена была признаться Феникс. Врать она не особо любила, хотя иногда (особенно в последнее время) ей поневоле приходилось это делать. — И тем не менее, ты не прав. Не хочешь давать деньги — так вали, че сидеть-то?

Он закурил и угостил сигаретой и ее.

— Морда, поди, опухшая, да? — мрачно спросила Феникс.

— Да я бы так не сказал. Слушай, неужели ты не можешь как-то это перебороть? Слезают ведь люди с героина... Ты же умная девушка и должна и без меня прекрасно все понимать. Если бы ты была действительно обычной, то я бы к тебе не лез со всеми этими нравоучениями, но ты ведь сама психолог по образованию и...

— Это невозможно перебороть! — выкрикнула (чуть ли не взвизгнула) Феникс, снова начиная плакать. — Понимаешь, невозможно! Ты даже понятия не имеешь, о чем говоришь! Тот же самый героин — просто невинный белый порошок по сравнению с "током"! Легко говорить, когда сам не пробовал! Просто когда я поняла, во что вляпалась, было уже поздно, поздно, поздно! Ну че ты на меня так уставился? Нет, это надо же — тридцать рублей зажал! — она начала нервно смеяться. — Слушай, парниша, а как тебе такой вариант: можешь меня трахнуть, если хочешь, за эти тридцать рублей. Или я в рот у тебя возьму, — она почему-то надеялась, была уверена, что он согласится. — Ну как?

— Господи, Феникс! — ТДК, похоже, сам готов был расплакаться. — Господи, что с тобой стало! Да отцепись ты от меня! — он отшвырнул ее руки, тянущиеся к его ширинке. — Да на ты, на эти свои тридцать рублей! — он вытащил из джинсовки несколько бумажек и бросил в нее. — Нет, я не понимаю, как можно так опуститься?

Феникс пересчитала бумажки. Их оказалось чуть больше, чем было необходимо.

— Здесь сорок пять, — сказала она, протягивая ему пятнашку. — Возьми, а эти тридцать я тебе дня через два отдам.

— Поди у кого-нибудь другого... — начал было ТДК, но осекся, поняв, что сказал не то.

Успокоившаяся было Феникс снова завыла белугой, повалилась на кровать и принялась бить по ней кулаками, мять покрывало. Ну и дура же она! Что он теперь о ней подумает? В его глазах она обычная наркоманка, зарабатывающая на очередную дозу проституцией — и попробуй докажи, что это не так. Но действительно ли это не так? Феникс поражалась сама себе: она одновременно истерично ревела и занималась решением сложных психологических задач. Я не считаю себя наркоманкой и проституткой, думала она, но ведь то, чем я занимаюсь — это по существу и есть то, что принято называть наркоманией и проституцией. Просто о последнем мало кто знает... Нет, я не проститутка, я не шлюха, внушала она себе, просто иногда так получается, что я вынуждена идти на это. Я это делаю не ради себя, а ради... ради чего? Ради кого, если не для себя? Боже, я терпеть не могу этот дурацкий секс,

это так по-животному. Все мужики — твари, им нужно от тебя только одно: засунуть в тебя, кончить и свалить. И ты просто заключаешь с ними бартерную сделку: они дают тебе деньги, ты им — то, что они просят. А ведь ТДК прав: я даже сама не понимаю, что со мной стало, насколько низко я опустилась... И несмотря на все это, я почему-то считаю, что я чем-то лучше тех малолетних (и не только) шлюх, которые идут на то же самое ради дозы "тока". Но чем я лучше? Тем, что у меня высшее образование, что я играю в группе, что я читаю книги? Но, может, у них тоже есть высшее образование, может, они тоже читают книги, просто зависимость от энергокапсул куда сильнее здравого смысла, и они точно так же тяжело, как и я, переживают свою деградацию, ничего не в силах с этим поделать. А ведь это сейчас самый популярный наркотик, хоть и запрещенный законом...

— Эй, Феникс, извини, — забормотал рядом с ухом ТДК. — Это случайно вырвалось, я не хотел, — он попытался погладить ее по голове.

Она только хотела обнять его и во всем признаться, как снова позвонили в дверь.

— Наверное, Женька, — сказал ТДК. — Булавку, что ли, потерял?

обруч, подключенный к инфогнезду на левом виске, и она легонько покачивала головой в такт музыке. Феникс ненавидела ее больше всех.

— А сколько есть? — интонации ее голоса были чисто бытовыми и лишенными всяческого намека на характер сложившейся ситуации, словно ТДК был отцом, а она — дочерью, и она спрашивала у него денег на книжку, как это часто бывало, когда она еще жила с родителями.

— Рублей пятьдесят.

— Дай мне их, пожалуйста, если тебе не трудно.

Он дал, затем бросил в нее горсть мелочи. Похоже, ТДК всерьез разнервничался... Феникс добавила к этим деньгам тот тридцатник, что он дал ей до этого, и всего оказалось восемьдесят семь. Она протянула деньги Максу.

— Восемьдесят семь, — сказала она виновато.

— А остальные?

— Может, чем-нибудь другим возьмете? Книгами могу отдать...

Волк начал смеяться. Ли расплылась в улыбке. Даже вечно хладнокровный Макс — и тот перестал жевать свою жвачку и странно задергал губами.

— Ты что, подруга, издеваешься? — выдавил наконец

Нет, я не проститутка, я не шлюха, внушала она себе

Он ушел открывать, хотя Феникс его об этом не просила. Скоро он вернулся, причем, кажется, не один.

— Лариса, тут тебя ребята какие-то спрашивают.

Она вынуждена была сесть. Вот теперь-то точно морда вся опухшая. Рядом с ТДК стояли гербертовские шестерки, всех их она знала достаточно хорошо. Макс — здоровенный шкаф с ничего не выражающим лицом, на котором особенно выделялись квадратные челюсти, вечно жующие жвачку; Ли — высокая китаянка (эмигрантка), обладающая черным поясом в каком-то виде восточной борьбы и с помощью генетического дизайна изменившая разрез глаз под евростандарт; Волк — худощавый мрачный тип с уклоном в садизм. Все они внимательно смотрели на Феникс.

— Паша, — обозрев всех собравшихся, обратилась она к ТДК, одновременно вытирая слезы, — у тебя случайно нет с собой трех сотен? Я потом отдам.

— Трех сотен? — брови ТДК взлетели вверх. — Нет. А что? — впрочем, буквально тут же на его лице нарисовалось понимание.

Шакалы Герберта по-прежнему стояли молча. Им не было нужды говорить. У Ли вокруг головы был аудио-

он (Макс). — На хрена нам твои книги? Что мы с ними делать-то будем, ты подумала?

— Читать, — предположил Волк.

Это вызвало целый взрыв смеха. На ТДК Феникс старалась не смотреть.

— С тебя еще двести двадцать три, — сосчитал наконец Макс.

— Двести тринадцать, — поправила его Ли. Говорила она с легким акцентом. — Макс, тебе нужно срочно записаться в вечернюю школу.

Они снова заржали. Что-то сегодня они слишком веселые, подумала Феникс. Ее всю трясло.

— Извините, мадам, с вас еще двести тринадцать рублей ноль-ноль копеек, — исправился Макс.

— У меня нет таких денег.

— Ты плохо слышишь?

— Да где ж я возьму эти ваши двести тринадцать рублей? — закричала Феникс. — Нет их у меня сейчас! Завтра будут, — добавила она чуть спокойней. — Вы можете подождать до завтра?

— Услуга за услугу, — прищурился Макс.

Феникс знала, какие услуги нужны этому ублюдку.

Уже два раза она вынуждена была идти на это ради отсрочки выплаты долга. Но делать это при ТДК? Ни за что! Господи, они же видят, что я не одна!

— Послушайте, вы можете хоть раз поступить как нормальные люди? — Феникс вдруг опять почувствовала себя удивительно спокойной и безмятежной. — Вы что, не видите, что у меня здесь человек, гость? Он в эти дела не посвящен и вам не стоило говорить все это при нем. Неужели у вас нет никакого чувства такта, уважения?

— Уважения? К таким, как ты? — скривился Волк.

— Хотя бы к таким, как он.

ТДК скромно стоял и молчал. Все посмотрели на него. Он почесал голову и уставился в окно. Наверное, я сегодня покончу с собой, подумала Феникс.

— А кто он такой? — скривился снова Волк. — Пахан, что ли? Эй, приятель, ты тут че, пахан?

Только этого еще не хватало!

— Что есть в твоем понимании "пахан"? — осведомился ТДК.

У всех отпали челюсти от такой постановки вопроса.

Волк хлопнул ТДК по плечу ("До встречи, пахан!") и, хихикая, удалился за ним. Ли послала Феникс воздушный поцелуй, после чего удалилась тоже. Скоро за ними хлопнула дверь.

— Там тебя Женя, наверное, заждался, — как бы в пустоту бросила Феникс.

ТДК встал и тоже ушел. Молча. А она даже не попыталась его остановить.

— 2 —

Поев через силу печенья с кофе, Феникс закурила и задумалась над вставшим перед ней серьезным вопросом: идти или не идти на репетицию. С одной стороны, она хорошо понимала, что поступает не совсем правильно, игнорируя подобные мероприятия (участие в которых было — несмотря на свободу воли каждого члена группы — обязательно, поскольку без одного винтика машина работала уже не так слаженно, как могла бы работать), но имелась еще и другая сторона проблемы, и эта сторона напрямую касалась ее зависимости от нейростимулятора.

— Э..., — выдавил наконец Волк, но на этом и затих. Феникс хихикнула.

— Короче, деньги давай! — вмешался Макс.

— Я же сказала: нет у меня денег. Завтра отдам. Точно.

— Ты уверена?

— Уверена.

— Двести тринадцать плюс откупные, — напомнила улыбающаяся Ли и тут же поспешила добавить: — Если уж ты стесняешься своего кавалера, то перенесем это на завтра.

— Завтра, — сказал Волк, — мы придем к тебе в это же время. А сегодня мы это... как ты там говорила... проявим такт и уважение.

— Только не говори потом, что мы плохие! — погрозила ей пальцем китаянка.

— А у вас с собой что-нибудь есть? — быстро спросила Феникс.

— Ну ты даешь, — пробормотал ТДК.

— Ты же знаешь, подруга, мы это дерьмо не распространяем, — сказал Макс. — Но и даже если бы распространяли, то тебе не дали бы. Короче, скажи спасибо, что мы сегодня добрые. В общем, до завтра. Ах да, и учти: в случае... короче, если ты и завтра нам не заплатишь, мы будем злыми и нетактичными, — и он направился в коридор.

Внизу живота начинало ныть все сильнее, и с каждым днем эти боли становились все сильнее. Чем дальше, тем меньше удовольствия приносили энергокапсулы, но они, по крайней мере, хотя бы снимали боль, а при больших дозах эффект нечеловеческого экстаза все еще был достижим. Насколько знала Феникс, существовало четыре стадии развития болезни, четыре категории "больных":

1) "Школьники" — те, кому только недавно вживили нейропорт. По глупости своей они считают, что могут успешно противостоять формированию устойчивой зависимости с дальнейшим физическо-моральным истощением. Кайф от "тока" ничем не загрязнен — оргазм в чистом виде, длящийся от пяти минут до получаса, причем, непрерывно (иногда волнообразно). Феникс эту стадию миновала месяца четыре назад; она даже графики всякие вычерчивала. Среди "школьников" широко распространены сексуальные оргии, сопровождающие прием препарата, для усиления чувствительности. А для предотвращения смерти от инфаркта (при намеренных передозировках) всем электронным наркоманам бесплатно вживляют под сердце ма-аленький такой чип...

2) "Куколки". Итак, поле вспахано, пора сеять семена. Наркоманы продолжают уверять себя в том, что в любой момент могут отказаться от электрической стимуляции гипоталамуса, и эта стадия — последняя, когда возмож-

ность завязать объективно реальна. Но дело в том, что не многие решаются на это. Именно на стадии “куколки” возникает тенденция увеличивать дозу, поскольку возрастает барьер толерантности. Суживается круг общения, тогда как те же “школьники” (иногда их называют и “первоклассниками”), наоборот, стремятся расширить круг знакомств, что очень выгодно для их оргий. (Тут уместно будет сообщить, что — поскольку электростимуляция мозга официально запрещена и карается законом (для торговцев и хирургов от десяти до тридцати лет лишения свободы, для наркоманов — принудительная операция по извлечению инородного тела из головы плюс последующий обязательный курс лечения в государственной терапевтическо-трудовой колонии) — токеры носят на головах вязаные шапочки, банданы и разные повязки, чтобы скрыть нейропорт от постороннего взгляда. Так же в последнее время очень распространены и ложные псевдоукрашения, имитирующие популярные вживления в плоть: звездочки, узоры и т. д. Многие считают, что эта мода на межбровные украшения была введена производителями “тока”.) Иногда у нейроманов (этот термин более объективен, чем термин “наркоман” и больше говорит по существу дела; часто употребляется в медицинской литературе) возникают боли в паху, но на них не обращают особого внимания. Интерес к физическому сексу постепенно угасает.

3) “Комсомольцы” — именно “комсомолкой” и была сейчас Феникс. Нейроманы становятся очень активными в поисках дозы, поскольку без нее чувствуют себя очень неуютно. Собственная зависимость понемногу начинает осознаваться, но по большому счету им уже плевать. Рост дозы требует дополнительных денег. “Комсомольцы” — частые участники грабежей, некоторые с готовностью идут на убийство. Имеют место социальная дезадаптация, соматические нарушения, синдром абстиненции (“ломки”). Рассмотрим ситуацию на моем примере, думала Феникс, пялясь в небо за окном. В день мне нужно минимум вольт пятнадцать: утром, в обед и вечером. Иначе все начинает ныть, болеть, а приятного в этом мало. Прямо места себе не находишь. Некоторые считают, что в такой ситуации может помочь секс, но это — ложное предположение. А “ударишься” (“зарядишься”) — и все приходит в норму, хотя при небольших дозах уже никаких оргазмов как таковых нет. Но боль исчезает, появляется чувство легкой эйфории и иллюзорной уверенности, что ничего страшного с тобой не происходит, что все нормально, что ты не наркоманка. В таком состоянии можно и на репетиции ходить. Вылечиться — реально, но нужно много денег на восстанавливающую витаминотерапию, а в бесплатные государственные лечебницы никто добровольно сдаваться не хочет — там, говорят, еще хуже, чем на зоне.

4) “Выпускники” (“зомби”, “трупы”) — логичный финал, к которому приходит любой “комсомолец”. Ходячие трупы, которым на все плевать, только бы убрать боль. Говорят, у одного токера боли были такие, что ему даже две параллельных получасовых капсулы не помогали. Этого Феникс боялась больше всего. Где тогда брать деньги? Никакие социальные и прочие вопросы “выпускников” больше не волновали. Однажды Феникс была в гостях у одного парня, находившегося на последней стадии, и потом ей несколько дней снились кошмары. К слову, большинство представителей мужского пола предпочитают “заряжаться” либо в ванне, либо надевают презервативы (зачастую оргазм происходит у них при отсутствии эрекции), но “выпускников” такие вопросы уже не беспокоят: у них либо вообще перестает вырабатываться семенная жидкость, либо им уже плевать на вопросы личной гигиены. У девушек с этим немного проще.

Пятой стадии зависимости не существовало. В один прекрасный день “выпускников” просто находили мертвыми. “Ток” убивал человека куда быстрее, чем героин, винт и прочие стимуляторы искусственного наслаждения. В среднем, весь путь от “школьника” до “зомби” занимал около восьми месяцев. Феникс на “ток” подсела в апреле, а сейчас был сентябрь, и если все и дальше будет продолжаться в таком же духе, думала она, то приглашаю вас всех на мои похороны.

Отношения между представителями всех четырех категорий были весьма натянутыми; каждый предпочитал общаться с себе подобными. Так, например, “школьники” и “куколки” взирали на “комсомольцев” с некоторой долей брезгливости, будучи на сто процентов уверенными, что с ними ничего подобного не произойдет. Выход у меня еще есть, размышляла Феникс. Найти денег на операцию и вытащить этот шунт, а потом попытаться вытерпеть пытки абстиненции и жрать витаминов побольше. Но обратная операция гораздо сложнее, чем операция по вживлению порта, и существует семидесятипроцентная вероятность того, что после нее у тебя будут проблемы с головой. Ку-

да проще продолжать "заряжаться", ибо в любом случае я так и так умру, ведь смерть — это закономерный финал любой жизни. Какая разница: сейчас или потом?" Несмотря на такие вот мысли, ей все же хотелось жить, хотя она и понимала, что надеяться на что-то хорошее уже бесполезно. Скоро комсомолка закончит школу...

Посмотрев на часы, она выявила, что уже начало седьмого. Тупая боль внизу живота возникала волнообразными приступами. На репетицию, наверное, мне сегодня опять попасть не удастся, пришла к выводу Феникс. И вообще, как теперь там появляться, ведь ТДК, точно, им все про нее рассказал... А, хрен с ними! Но вот как бы бас забрать? Бас классный, японский, его можно спихнуть рублей за четыреста-пятьсот.

Сбросив халат, Феникс облачилась в потертые джинсы, маечку с танцующим Шивой и старую кожаную куртку со сломанным замком, после чего натянула на голову тоненькую черную шапочку — так низко, что она даже наполовину скрывала глаза, поправила перед зеркалом свисающие из-под нее пряди обесцвеченных волос... А потом сунула в пакет видеофон и покинула квартиру.

— 3 —

Путь Феникс лежал к Таньке Лисиной. До нее нужно было добираться на метро. Надеюсь, она дома, думала Феникс, быстро шагая по тротуару. Может, у нее что-то и есть, а если нет, то вдвоем что-нибудь да сообразим. Уже сидя в электричке, она вновь погрузилась в воспоминания, вернувшись на несколько месяцев назад в свое прошлое. С работы она тогда уже уволилась (работала психологом-консультантом в центре реабилитации трудных подростков) и в "Матрицах" уже играла (из всего состава она раньше была знакома только с Маратом). Лоб у нее тогда был девственно чист, без нейропорта, но вот-вот она собиралась его себе вживлять. Подпольная операция стоила всего пятьдесят рублей, и теперь Феникс понимала, что такие низкие цены сделаны исключительно для того, чтобы посадить на "ток" как можно больше народа. Наркодельцов абсолютно не беспокоил вопрос быстрой смертности среди потребителей их продукции — их интересовали только деньги. Милиция смотрела на все это сквозь пальцы, и иногда даже сама помогала распространять капсулы, ибо за это неплохо платили. Бывало, они, конечно, и забирали в участок каких-нибудь токеров, которых угораздило затеять криминал или зарядиться в общественном месте, но потом их сразу же отпускали, правда, порой сильно покалеченными. Месяц назад Феникс с Танькой тоже как-то загремели в ментовку, где пятеро мусоров принудили их к групповому сексу, пообещав взамен десять капсул по девять вольт. Никаких капсул они, конечно же, не получили. Менты — сволочи, сделала вывод Феникс, отбивая пальцами рук какой-то рваный ритм. И не только менты, но и все мужики. И бабы. Все. И я тоже.

Решение вживить нейрошунт с портом для энергокапсулы Феникс вынашивала около месяца. Во-первых, тогда ей было это интересно как психологу: проверить на себе процесс возникновения зависимости и попытаться осмыслить его более объективно. Как и большинство людей, она считала, что все статьи об опасности "тока" являются обычной антинаркотической пропагандой, и данные в них сильно преувеличены, поскольку во многих подобных статьях даже безобидная марихуана преподносилась как страшнейший наркотик, вызывающий чудовищную зависимость и разные болезненные ощущения — вплоть до рвоты — во время интоксикаций. Во-вторых, она почему-то всегда старалась избегать интимных отношений с парнями, хотя время от времени это и случалось... Но само ощущение оргазма ей нравилось, а именно это и обещал "ток". Не нужно было возиться в постели, позволять кому попало засовывать в себя всякие штуки и сопеть над ухом, а потом ведь эти скоты еще и засыпают, не сказав ни слова благодарности за доставленное удовольствие. Что ж, вначале энергокапсулы давали ей то, что она хотела. Но постепенно подскочила планка толерантности, ей стало требоваться все больше вольт для подзарядки, потом появились эти боли... Сама того не заметив, Феникс превратилась в наркоманку, хотя собственная репутация волновала ее уже не так сильно, как, допустим, месяц назад. Были, конечно, дни, когда она осознавала всю глубину своей деградации, но всегда придумывала различные оправдания, стараясь избавиться от подтачивающего ее изнутри чувства вины.

Что касается Лисиной, то с ней они познакомились в июне; до этого Феникс была нейроманкой-одиночкой, наивно считающей, что она намного чище и лучше, чем все эти уличные токеры. И лишь сегодня она поняла, что ничем от них не отличается. В психиатрии это называлось "анозогнозия" — нежелание и неспособность индивидуума признать наличие тяжелой зависимости. С Танькой она впервые пересеклась на драгс-точке и сразу почувствовала в ней родственную душу; девушки разговорились, вместе "ударились" у Феникс дома... Танька была бывшей хиппи/ бывшей буддисткой/ бывшей шиваиткой (майку с Шивой Феникс подарила именно она), теперь экспериментировавшей с "током". В прошлом она так же частенько практиковала участие в групповых оргиях под воздействием каких-либо психоделиков (это считалось обязательным ритуалом в некоторых направлениях шиваизма); сейчас различные виды сексуальной активности, кроме мононаслаждения посредством нейростимуляторов, были ей неинтересны, но — как и Феникс — она была вынуждена иногда идти на это ради легкого и быстрого заработка на очередную дозу. Бывало, она сочетала "ток" и ЛСД, "ток" и "экстази", пытаясь получить как можно более сильный эффект;

правда, в последнее время подобные эксперименты были отброшены ею в связи с финансовыми проблемами.

Скоро Феникс уже звонила в дверь ее квартиры. Это была коммуналка с ужасными соседями, подавляющая часть которых имела стойкую зависимость от алкоголя и, как минимум, одну судимость. Открыл Толик, приземистый бородатый тип неопределенного возраста, торгующий на рынке ворованными кошельками.

— Танька дома? — поинтересовалась Феникс.

— Дома, заходи.

Она зашла. Толик снова закрыл дверь и удалился в свою комнату, откуда доносилось чье-то пение под гитару. Феникс постучала в дверь комнаты Таньки. Скоро та соизволила открыть.

— А, привет! — воскликнула она. — Залазь!

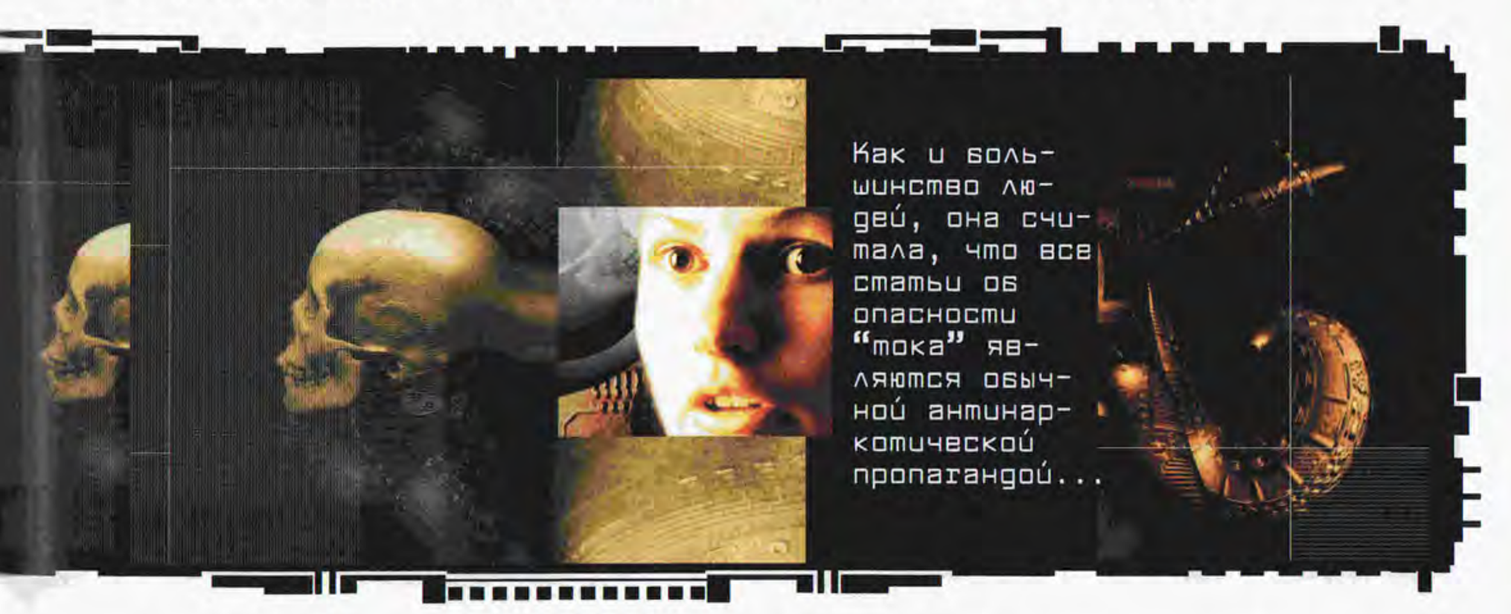
Что-то она была слишком радостная. Блин, что-то все сегодня какие-то веселые... Поди, зарядилась только что.

В паховой области ломило все сильнее.

— У тебя есть что-нибудь? — с ходу спросила Феникс.

лучше так, чем никак. Левой рукой Феникс принялась массировать низ живота, что еще быстрее изгоняло ноющую боль.

Минуты через четыре заряд капсулы был полностью исчерпан, сервомеханика порта вновь зажужжала, отторгая пустышку. Феникс еще некоторое время посидела на диване, не двигаясь. Ей вдруг вспомнилась история об одном токере-электрике, который пытался сделать приспособление, позволяющее потреблять энергию из сети на 220, но преобразованную благодаря различным конденсаторам... В итоге он засунул себе в голову какие-то проводки, врубил это свое устройство (нечто вроде блока питания) и теперь все время заикается и страдает недержанием мочи. Феникс не знала, правда ли это или просто притча, но особой роли это не играло. Впрочем, был другой рассказ, звучавший гораздо более правдоподобно: еще один токер просто-напросто сунул себе в нейропорт провод на 220. Естественно, он тут же и умер.

— Было. Было. Но сплыло! — развела руками Танька. — Четыре вольта.

— А где взять, не знаешь?

— А ты что, сама не в курсе?

— Я в курсе, но у меня напряженка с финансами. Только что меня навестили гербертовские шестерки, я им должна еще двести рублей. Может, у тебя все-таки есть немножко?

— Немножко, — призналась Танька, доставая из стола капсулу. — Там всего вольта два осталось.

— Хоть два, — Феникс протянула к ней дрожащую руку. — Я тебе потом отдам.

— Да ладно, чего уж там! — махнула рукой Танька.

Феникс вставила капсулу в порт, откинулась на спинку дивана. Микромеханизмы тут же тихо зажужжали, втягивая капсулу внутрь головы. Послышался тихий щелчок. Феникс прикрыла глаза, всецело отдавшись переживанию. Внутри быстро нарастало сладкое ощущение приближающегося оргазма, боль начала отступать, что заставило позабыть о всяких неприятностях. Самое обидное, что интенсивность эйфории так и осталась на том же уровне: казалось, оргазм где-то рядом, но тем не менее, он недосягаем до нее. Еще бы — всего два вольта. Для полноценного переживания ей было необходимо сейчас не менее семи-восьми вольт, но

Открыв глаза, Феникс увидела, что Танька, сидя за столом, что-то пишет.

— Че пишешь? — поинтересовалась она.

— Письмо.

— Терпеть не могу письма писать.

— Зря.

Почувствовав прилив бодрости, Феникс поднялась и начала ходить по комнате. Никаких неприятных ощущений больше не было, она вновь могла чувствовать себя нормальным человеком. Было начало восьмого. В принципе, можно было бы смотаться на репетицию, но, если честно, ей не хотелось сейчас дергать за струны и находиться в обществе тех, кто сурово ее осуждает. А с Танькой никаких диссонансов у нее не возникало.

— Не знаешь, кому видеофон загнать можно? — поинтересовалась наконец Феникс.

Танька снова оторвалась от писанины и посмотрела на нее.

— Ты мне пустышку-то верни.

Хитрая акция Феникс провалилась, и пришлось ей пустую капсулу вернуть. Впрочем, Танька на такой нетактичный ход с ее стороны ничуть не обиделась. Она и сама бы поступила так на ее месте.

— Видеофон? — удивилась она. — Ты свой, что ли, продаешь?

— Ну да, вот он в пакете.
— Зря. Полезная вещь.
— Да а кому звонить-то?
— Если так, то да... Не надо было с работы увольняться.
— Теперь и сама жалею.
Сама Танька работала внештатным корреспондентом в "Молодости Сибири"; почти всю зарплату она тратила на "ток". Было ей двадцать два, она пока не покинула "куколку", но вот-вот уже была готова сделать это. "У нее, поди, еще где-нибудь пара капсул припрятана на всякий случай, она ведь, как сорока, — думала Феникс, опираясь на подоконник и устремляя взгляд в окно (она обожала смотреть в окна). — Что-то слишком уж легко она с этими двумя вольтами рассталась. Слишком уж легко..."
— Ты пока меня не отвлекай, а я письмо допишу быстро, — обратилась к ней Танька. — Полстранички осталось.
Феникс снова села на диван и смежила веки. Как плохо, думала она, что начинающие токеры не имеют никакого представления о реальной стороне дела. Для них нейропорт и чип под сердцем — это ворота в рай; подлинную же их сущность они различить еще не в состоянии. Ореол запретности притягивает их, как магнитом.

Впервые "ток" появился у них в Энсибе полтора года назад, сейчас же наблюдался самый пик его популярности. Многие считали (были уверены), что он вообще не вызывает зависимости, и конечно, наркоторговцы этот миф развеивать не спешили. Смертность пока еще была не очень высокой, и для основной массы нейроманов летальный исход от "тока" был равноценен летальному исходу от анаши. То есть, они в это не верили. О будущем никто из них серьезно не задумывался, с "комсомольцами" и "зомби" новички практически не пересекались; даже Феникс — токер со стажем — и та за всю свою практику видела всего двух "выпускников", хотя по самым минимальным подсчетам их должно было уже насчитываться не меньше двух сотен. Где они все прятались? Когда и как приобретали товар? На что? Этого Феникс не знала.
— В туалет у тебя можно сходить?
— Сходи.
Феникс покинула комнату. В туалете спал какой-то пьяный мужик. Она легонько ткнула его ногой — он лишь всхрапнул. Закрыв дверь на задвижку, Феникс осторожно присела на унитаз, сделала свое дело и вновь вернулась в комнату Таньки.
Та уже запечатывала конверт.
— Там мужик какой-то спит, — сказала Феникс.
— А, это, наверное, Федор Степаныч. Он все время, как нажрется, то там дрыхнет.
— Извращенец какой-то... Ну что, давай загоним комунибудь видеофон? Рублей за сто пятьдесят.
— Да ты че — за сто пятьдесят! Дорого! Китайские сейчас стоят сотню, а гораздо лучше новый купить. У тебя какой?
— "Филипс", таиландский.
— Ну, как раз за сотню и можно попытаться спихнуть. Только кому?
— Может, твоим знакомым каким-нибудь надо?
— Да вряд ли. Ко мне тут девчонки знакомые заходили, тоже на "токе" сидят; они говорят, тут пацаны есть одни, работают на мафию (так, мелкий рэкет), они за минет по пятнашке платят.
— А че так мало?
— Сколько дают.
— Хотя бы двадцатку...
— Ну-у, — развела руками Танька.
— Знаешь, — призналась Феникс, — надоело мне это. Одно дело — "ток", другое — этих тварей ублажать. Противно это. Я когда-нибудь его кому-нибудь откушу, точно.
— Любишь кататься, люби и саночки возить.
— Только сегодня я поняла, что для окружающих являюсь обычной шлюхой.
— Только сегодня? — усмехнулась Танька. — А я про себя это уже давно поняла. И ничего.
— Ну, ты-то шиваитка. А я никогда этим особо не увлекалась. Так, по праздникам, — она усмехнулась как бы в ответ. — Я даже свысока на этих шлюх вокзальных всегда смотрела. А тут подумала: а я-то сама чем лучше? Причем, сегодня об этих моих занятиях стало известно ребятам из нашей группы. Ты знаешь, как мне стыдно было? Слушай, Танька, а давай хотя бы этим бросим заниматься! Можно каким-нибудь другим способом деньги доставать.
— Интересно, каким?
— Ну, не знаю...
— Вот и я тоже. А это — самый быстрый и, в принципе, неплохо оплачиваемый способ. И не зацикливайся ты

так на этом "противно". Просто не думай об этом, и все.

— Не могу я не думать, — призналась Феникс. — У меня психотип такой: я все время о чем-нибудь думаю. И вот когда я это делаю, я думаю, что очень хотела бы ка-ак его укусить!

— Больная ты! — рассмеялась Танька. — Че такого? Все равно весь этот мир — иллюзия, так что для твоего "я" нет никакой разницы, чем занимается тело. Не привязывайся ты к этому так сильно! Реален лишь Брахман, и мы — часть этого Брахмана.

— Ну, я так не считаю...

— А вот это уже — твои личные проблемы, — тут она пропела какую-то шиваитскую мантру. — Ну так что, тебе на завтра "ток" нужен или нет?

— Нужен.

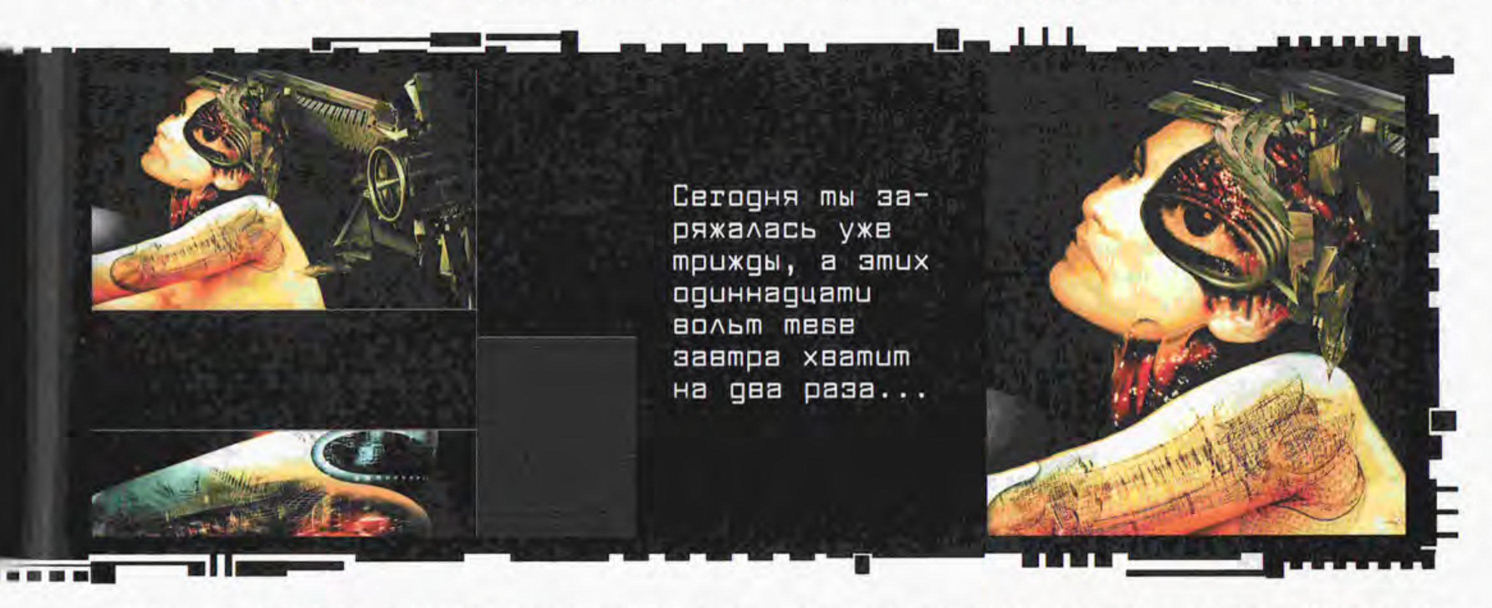
— Ну так бери тогда свой дурацкий видеофон и попытаемся его кому-нибудь скинуть. Если не удастся, используем мой вариант. Я телефоны тех пацанов записала.

— 4 —

Видеофон им, конечно, никому продать не удалось, и весь вечер Феникс, как дура, таскалась с пакетом в руке. Из автомата Танька звякнула по тем телефонам, что ей рекомендовали знакомые, и в одном месте им сказали, что они могут подъехать прямо сейчас. Ломалась Феникс недолго.

Пацанов было четверо, им было лет по пятнадцать-шестнадцать. Все — качки, на висках — инфогнезда (сразу видно — бабки у ребят водятся). Танька с Феникс сделали все, что они просили, получили шестьдесят рублей и поехали на драгс-точку, где купили себе каждая по семивольтовке, и уже оттуда разъехались по домам. Где достать до завтра двести тринадцать рублей, Феникс и понятия не имела, но думать об этом сейчас ей хотелось меньше всего. Снова воткнув видеофон в розетку, она почистила зубы, приняла душ, поела и, достав из куртки энергокапсулу, принялась ею любоваться. Ей хотелось "удариться" прямо сейчас, несмотря на то, что ее пока даже и не начинало ломать. Нет, сказала она себе, сегодня я постараюсь воздержаться от этого. Она снова спрятала капсулу в карман, потом передумала и переложила ее в тумбочку. Попыталась почитать, но мысли постоянно отвлекались на эту чертову капсулу. Семь вольт сразу — это тебе не три, и не пять.

И тут ее словно огнем обожгло: Боже, как она могла забыть! Феникс даже рассмеялась над собственной глупостью, а потом помчалась в коридор, где в сумочке обнаружила наполовину пустую восьмивольтовую капсулу, которую ей подарил во дворе один знакомый, когда она его на днях случайно встретила. У нее в тот день было еще около тридцати вольт, поэтому она и забыла про эти... Довольная, Феникс запрыгала по комнате, размахивая руками и ногами. Потом замерла: а что если сразу поставить все одиннадцать? Господи, Феникс, это будет что-то! Нет, твердо сказала она себе, нет, нет и еще раз нет. Подумай о будущем, подумай о завтра. Сегодня ты заряжалась уже трижды, а этих одиннадцати вольт тебе завтра хватит на два раза... А сейчас ты больше не хочешь заряжаться. Больше не хочешь. Но капсула так красиво блестела в ее пальцах, а нейропорт прямо жгло от желания. Нет, еще раз сказала себе Феникс. Да, сказала она себе еще раз. Нет. Да. Нет. Да. Да? Да. Одиннадцать? Нет. А давай одиннадцать? Ну-у-у... Устрой себе праздник, сказали ей ее чувства. Тут сработала психосоматика: внизу снова начались покалывания. А ты представь, как тебя будет ломать после одиннадцати вольт! Да ну и черт с ним, зато представь, как тебе будет классно! Одиннадцать вольт — это не только не три и не пять, но даже и не семь. Одиннадцать вольт — это не только очень высокая интенсивность, но и минут сорок, как минимум.

Наконец она решилась. "Да, черт возьми, — думала Феникс, и глаза ее при этом возбужденно блестели, — сегодня я устрою себе праздник! Ведь кто знает, что будет со мной завтра?" Она достала вторую капсулу, легла на кровать. Устройство капсул позволяло нейроманам вставлять одну в другую, таким образом объединяя заряд. Она направила их навстречу друг другу, словно это были космические корабли, производящие стыковку; щелчок — и теперь они уже не разъединятся до тех пор, пока не исчерпают весь свой потенциал. Прикрыв глаза, девушка ввела дубль-капсулу в порт.

Наслаждайся, Феникс!

Апрель, 1999

с холодом

КОМПЬЮТЕРЫ БУДУЩЕГО

КАК ВСЕГДА

Началось-то все как раз, как что-то нехорошее. Мне Главный Хихус говорит: напиши статью. Например, про мужиков, которые себя отдают для научных экспериментов. Ну, в общем, как им там руки отрезают, мозги заменяют на триста восемьдесят шестые процессоры, и как они потом умирают из-за отторжения тканей. И чтоб кровавых подробностей побольше. Я ему и отвечаю: Так Точно, Товарищ Главный, Будет Сделано. Про себя уже думаю: вот, попал. Теперь, чтобы занятный материал сделать, придется записаться добровольцем, и себя тоже для научных экспериментов отдать. А там-то я уж знаю, что мне в первую очередь отрежут. И, наверное, пылесос пришьют. Н-да. Только я расстроился — отжил, думаю, свое — как тут Главный в лице поменялся. Не, говорит, передумал — не надо пока мне такого материала. Сделай лучше для первого раза что-нибудь про, типа, компьютеры будущего, без монитора, с виртуальным погружением, с интеллектом, маленькие, на фотонном процессоре, на голосовом управлении, чтоб в часах жили, и вообще...

И я обрадовался. По крайней мере, не придется добровольцем подписываться никуда. А там — видно будет.

КОГДА БУДЕТ ЗАВТРА

Ну, ясное дело, я задумался: чего же это у нас сейчас пока не будущее, а какое-то настоящее? И когда это самое будущее наступит?

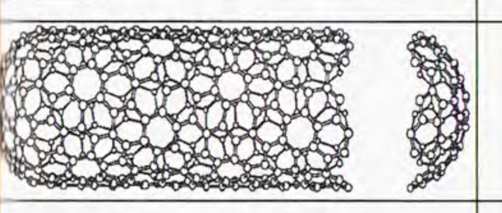
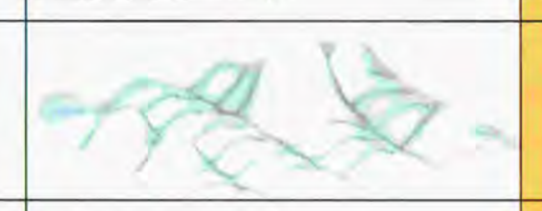
Ответ пришел сам собой. Все просто. Реально, радикальное будущее компьютеров наступит тогда, когда их быстродействие упрется в верхнюю планку. Ну, а верхняя планка — это скорость света. При этом, хотелось бы, чтоб процессор, работающий со скоростью, близкой к подобной, был размером не больше... Нет, не то чтобы не больше кванта, но уж — по крайней мере — не больше человеческой клетки. И тогда мы сможем использовать его где угодно — хоть в часах, хоть в рулонах туалетной бумаги.

ЗАЧЕМ ТЕБЕ ИНТЕРНЕТ?

У меня есть серьезные подозрения, что в скором будущем самая большая на земле сеть загнется так же стремительно, как и родилась. За ненадобностью. Централизация уступит место децентрализации — это нормально. Ты хранишь всю информацию в крохотном микрокомпьютере, который путешествует в твоей сережке в левом ухе. Или в перстне на среднем пальце. Или в капсуле, зашитой в запястье. Твой компьютер легко связывается с таким же компьютером соседа, а его компьютер — с чьим-то еще. А если этот кто-то далеко? Как же Великие Расстояния? Хе-хе, нет такого слова — "далеко". Это еще господин Ричард Бах сказал — и правильно сделал. В каждом городе находится международный ретранслятор, который позволяет тебе, используя универсальные протоколы передачи данных, связаться с ЛЮБЫМ микрокомпьютером — хоть на другом конце планеты, хоть в соседском огороде. И — никаких физических сетей, никакой привязанности к терминалам, никаких проводов, никаких ограничений. Достаточно будет трех ретрансляторов: одного на экваторе и двух на полюсах.

БАТАРЕЙКИ НЕ ПРИЛАГАЮТСЯ

Источники питания — вот об этом-то я и не упомянул. Вообще-то, таскать с собой чемодан пальчиковых батареек — плохой вариант. Но в принципе, у меня есть для тебя альтернатива. Изобрели же когда-то часы, подзаряжающиеся от того, что их носят на руке. Точно так же в обозримом будущем нам станут доступны технологии энергообеспечения. С их помощью

компьютеры будут получать все необходимое для работы уже потому, что находятся в своей среде. Например, процессор, работающий в капсуле, зашитой под запястьем, будет получать энергию от тепла крови, а комп в сережке — от движений головы его носителя. В конце концов: ты такой большой! Неужели для такого маленького компьютера у тебя ничего пожрать не найдется?

ЦЕНТР НАСЛАЖДЕНИЯ

Ты говоришь: я бы рад носить все в этой самой сережке — не влезает. Монитор мешает. Хех! Зачем тебе монитор? Твое средство отображения информации — мозг и сознание. Твой личный компьютер через простенькие имплантанты, которые тебе еще в роддоме законнектили, передает в определенные области головного мозга информацию, тот ее интерпретирует, и перед твоими глазами возникает картинка. А может быть, ты слышишь звук. А может быть, ты видишь и слышишь последовательность звуков и картинок — видеоролик. Ну а чтобы отправить что-то в ответ, тебе достаточно это "что-то" представить. И все. Мозг даст команду модулю памяти твоего микрокомпьютера запомнить образ из твоего сознания и оцифровать, а затем сохранит, либо отправит определенному адресату. Тебе кажется, я тут сейчас лапшу на уши всем желающим развешиваю? Ни фига. Похожие эксперименты (даром, что попроще) сейчас проводятся на некоторых млекопитающих. Правда, там фишка не в рекогносцировке визуальных образов. Но не менее интересная. Причем, делают эти эксперименты не где-нибудь в абстрактной Америке, а у нас, в Москве, в стенах мед- и физ- институтов. Приятель из аспирантуры Второго медицинского института поведал мне забавнейший эпизод: у них в лаборатории крысе (эти животные уже достаточно хорошо изучены) к мозговому центру наслаждения подключили модуль, подававший сигналы, аналогичные естественным, извне, с внешнего пульта. Кнопку управления сигналом с пульта вывели отдельно и поместили в клетку к животному. Нажимает крыса на кнопку — получает импульс в центр наслаждения. Так бедная крыса задвинула на еду и сон — она просто сидела и давила на кнопку — условный рефлекс все-таки. Пока не сдохла.

А ПОТОМ?

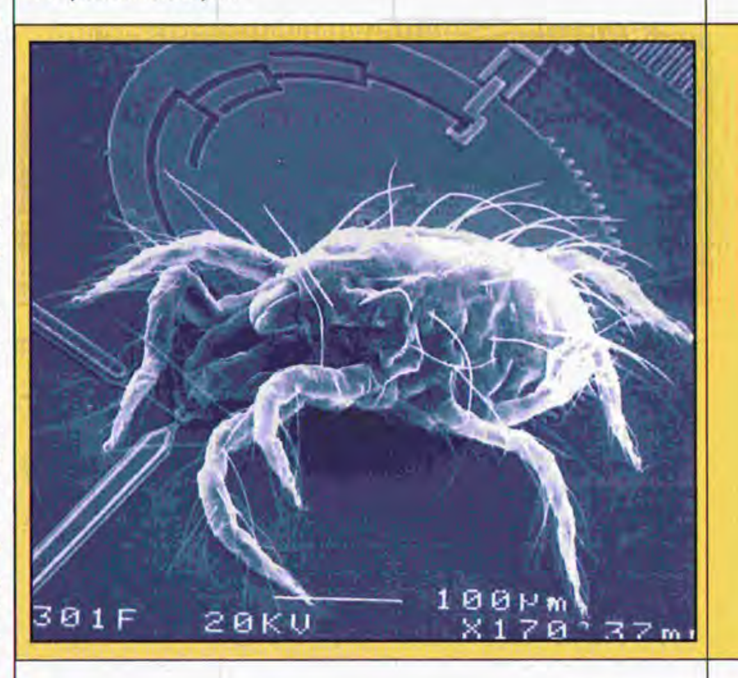
Возникает законный вопрос — а что будет с человечеством потом? Неужели мы все, как эта крыса, сдохнем, уткнувшись в свои центры наслаждения? Нет. Сдохнем, конечно, но не сразу.

Во-первых, с введением в обиход описанных тут мною технологий, кое-что изменится радикально. По крайней мере, как только люди научатся передавать кроме визуальных и аудио-образов обонятельные, тактильные-осязательные, а также вкусовые. Все будут питаться одинаково — любыми дешевыми концентратами, придавая им самостоятельно желаемый вкус. Люди перестанут перемещаться без необходимости — идеальные образы будут передаваться мгновенно, необходимость во встречах отпадет. Это же касается и секса, если только речь не идет о продолжении рода (впрочем, я думаю, клонирование к тому времени уже станет достаточно отлаженным процессом). Во-вторых, улучшится экология — пропадут автомобили, канут в небытие самолеты, сгниют корабли. Затем люди станут отказываться от частей своего тела — зная, что в идеале им нужно поддерживать лишь работоспособность мозга, они начнут избавляться от лишнего — сначала от рук и ног, позднее — когда будут найдены способы поддержки жизнеобеспечения ТОЛЬКО головного и спинного мозга — от тел и костей. Что-то подсказывает мне, что после такой процедуры, полностью погрузившись в альтернативную реальность образов, 99% наших соотечественников повторят судьбу лабораторной крысы во Втором медицинском, а оставшийся один процент вымрет сам по себе. Конечно, найдутся сознательные индивидуумы, которые скажут: хотим быть настоящими! — и, отказавшись от компьютеров в принципе, отбудут на своих двоих в сторону глухой и разросшейся к этому моменту дикой природы. Но беда в том, что без компьютеров они уже не смогут выживать, а вернуть древние к тому времени некомпьютерные человеческие технологии им вряд ли будет под силу. Смею думать, что такие граждане в природных условиях быстро одичают и далее будут существовать лишь на уровне инстинкта размножения, коли такой сохранится, скатившись по уровню развития если не к приматам, то, по крайней мере, к древним людям.

И начнется. Палку изобретут, мерзавцы, потом — колесо, потом — счеты, порох... И — лет через пятьсот — 8086 процессор.

ЗЫ

Вот, написал я сей опус, задумался — страшно. Надо было с Главным договариваться о чем-нибудь другом писать. Хоть про этих самых мужиков, которые себя отдают для научных экспериментов. Ну, в общем, как им там руки отрезают, мозги заменяют на триста восемьдесят шестые процессоры, и как они потом умирают из-за отторжения тканей. И чтоб кровавых подробностей побольше. Вот об этом в следующий раз и напишу. Правда, не факт, что концовка будет более оптимистичной. А пока — все, хорош. Пойду, встану в очередь за своим микрокомпьютером.

ДЕНЬ ПОСЛЕ КОНЦА СВЕТА

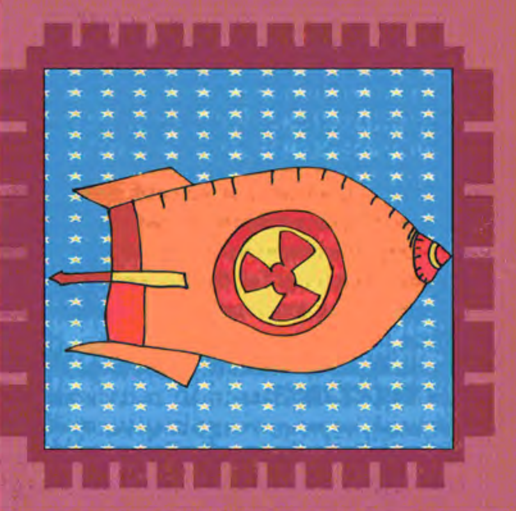
Интересна сама история, как этот рассказ попал ко мне. Сначала, Гаррисон прислал около 300 рассказов, которые официально в России не публиковались. После некоторых консультаций, выяснилось, что реально не публиковались из них только 17, а после запроса экспертов фэндома, неопознанными осталось только три (остальные давно “приватизировали”). Вот один из них.

ФАНТОМ

ИЛЛЮСТРАЦИИ: ХИХУС

Ты же знаешь, я не животное. Просто расстроился, ты должна это понимать, конец света и все такое.

Кусок планеты не поражал размерами, но пришлось довольствоваться малым. Потому что все остальное превратилось в камни, пыль, мусор. А тут все-таки остался участок земли, большая часть крестьянского дома, растущее перед ним дерево, даже пятачок пастбища с замороженным бараном.

И ничего больше. Со всех сторон земля резко обрывалась, кое-где из нее торчали корни. На краю сидел мужчина, болтая ногами над пустотой. Отбросил сучок, который медленно скрылся из виду. Звали его Фрэнк, а девушку, которая устроилась на качелях, закрепленных на ветви дерева — Гвен.

— Я же не пытался взять тебя силой, — выглядел Фрэнк мрачнее тучи. — Ты же знаешь, я не животное. Просто расстроился, ты должна это понимать, конец света и все такое. Мне стало очень одиноко. Вот я и подумал, что поцелуй поможет мне забыть о случившемся. Поможет нам забыть.

— Да, Фрэнк, — Гвен, чтобы раскачаться, оттолкнулась ногой от земли.

— Так что у тебя не было причин для оплеухи. Все-таки мы — один экипаж.

— Я же извинилась за то, что ударила тебя, Фрэнк. Я тоже расстроилась, ты должен это понимать. Такое случается не каждый день.

— Нет, не каждый.

— Так что не злись на меня. Лучше раскачай.

— Я не то чтобы злюсь, — Фрэнк поднялся, стряхнул со штанины форменных брюк несколько замерзших травинок. — Наверное, немного обиделся, может, даже впал в депрессию. Невелика радость — получить оплеуху от женщины, которую любишь, — он толкнул Гвен.

— Пожалуйста, давай не возвращаться к этому разговору, Фрэнк. Все кончено. Ты так говоришь только потому, что тебе кое-чего хочется. И ты знаешь, что я люблю другого.

— Гвен, дорогая, взгляни фактам в лицо. Ты больше не увидишь Роберта никогда...

— Полной уверенности у меня нет.

— А у меня есть. Планета взорвалась, мгновенно, безо всякого предупреждения, со всеми, кто находился на ней. Мы были в космическом корабле по другую сторону луны и только поэтому остались живы. Но Роберт разделил общую судьбу. Он находился в Миннеаполисе, а Миннеаполиса больше нет.

— Мы этого не знаем.

— Знаем. Я не думаю, что Миннеаполису удалось выбраться из этой передряги. Наш радар обнаружил только этот кусок планеты. Крупнее ничего нет.

Гвен нахмурилась, опустила ногу, остановив качели.

— Может остаться и кусок Миннеаполиса.

— С Робертом, замерзшим, как этот баран.

— Какой ты жестокий... ты просто хочешь причинить мне боль!

— Ну что ты, — стоя сзади, он нежно обнял ее за плечи. — Я не хочу причинять тебе боль. Просто ты не должна уходить от реалий. Остались только ты и я. И я тебя люблю. Всем сердцем.

Пока он говорил, его руки соскользнули с ее плеч, двинулись ниже, коснулись упругих округлостей. Но Гвен дернулась, спрыгнула с качелей на землю, отошла на пару шагов, уставилась на замерзшего барана.

— Интересно, он что-нибудь почувствовал?

— Кто... Роберт или баран?

— Как ты жесток!

Она топнула ножкой, угрожающе вскинула руку, когда он двинулся к ней. Фрэнк что-то пробурчал себе под нос и плюхнулся на качели.

— Давай спустимся с небес на землю. Давай забудем все, что случилось на корабле. Забудем, что я пытался подкатиться к тебе, забудем, что хотел уложить в койку. Забудем все. Начнем жизнь с чистого листа. Сама видишь, в какой мы ситуации. Мы остались вдвоем. Я — Адам, ты — Ева...

— Гвен.

— Я знаю, что тебя зовут Гвен. Я хочу сказать, что мы теперь, как Адам и Ева, и на нас лежит ответственность за возрождение рода человеческого. Ты понимаешь?

— Да. Я думаю, ты по-прежнему пытаешься соблазнить меня.

— Черт побери, какая разница, что ты думаешь! Это наш долг. Провидение уберегло нас именно потому...

— Вроде бы ты говорил мне, что ты — атеист.

— А ты говорила, что ходишь в церковь. Я смотрю на ситуацию с твоей позиции.

— А я — с твоей. Ты — сексуально озабоченный.

— Скажи спасибо. Значит, у нас будет много детей. Родить их и вырастить — наш долг перед человечеством.

Гвен, глубоко задумавшись, погладила барана по голове.

— Не знаю. Может, наилучший вариант — раз и навсегда со всем покончить. Мы взорвали мир, не так ли? Можно сказать, загрязнили окружающую среду во вселенском масштабе.

— Ты, конечно, шутишь. Мы не знаем, что произошло. Возможно, какая-то случайность...

— Хороша случайность.

— Ты же знаешь, как бывает... — Фрэнк вскочил с качелей, шагнул к Гвен. — Забудь о человечестве, — взмолился он. — Думай только о нас. Мы же остались вдвоем, больше никого. Тепло соприкосновения, конец одиночества, восторг поцелуя, слияние плоти...

— Если подойдешь ближе, я закричу!

— Кричи, сколько влечет! — проорал Фрэнк со злобой и горечью и, схватив Гвен, рванул на себя. — Кто услышит? Я тебя люблю... хочу... не могу без тебя...

Она попыталась вырваться, замотала головой, но сила была на его стороне. Он поцеловал ее в щеку, в шею... и она перестала сопротивляться.

— Так ты все-таки насильник? — прошептала она, глядя ему в глаза. Еще мгновение он прижимал ее к себе. Потом его руки повисли, как плети.

— Нет. Я не насильник. Просто симпатичный парень с сильным половым влечением и развитым чувством вины.

— Так-то лучше.

— Не лучше — гораздо хуже! Разве может последний оставшийся на Земле мужчина испытывать чувство вины? Окружавший меня буржуазный мир умер, а я по-прежнему несу в себе его мораль. Что, по твоему, случилось бы с тобой, если б я повел себя, как должно самцу? Просто схватил и навязал бы тебе свою волю?

— Не говори гадостей.

— Я не говорю гадостей, просто хочу, чтобы твоя светловолосая бестолковка начала хоть немного соображать. Кроме тебя и меня никого нет, понимаешь? Нас только двое. У нас есть этот кусок Земли, а под ним —

наш космический корабль, бортовые системы которого создают силу тяжести и генерируют воздух. Атомная энергетическая установка проработает еще тысячу лет. Пищевой синтезатор будет нас кормить. Так что мы, образно говоря, всем обеспечены.

— Обеспечены для чего?

— Вот об этом я тебя и спрашиваю. Мы будем мирно стареть, как добрые приятели, в своих каютах? Ты будешь вязать, я — смотреть старые фильмы. Ты этого хочешь?

— Мне не понравилось слово "бестолковка".

— Не уходи от вопроса. Ты этого хочешь?

— Я как-то не думала...

— Так подумай. Мы здесь. Одни. До конца нашей жизни.

— Похоже, подумать стоит, — она склонила голову, посмотрела на Фрэнка так, словно видела впервые. — Можешь поцеловать меня, если хочешь.

— Еще как хочу!

— Но ничего больше. Только поцеловать. В порядке эксперимента.

Получив разрешение, Фрэнк заметно присмирел. Осторожно приблизился к ней. Гвен закрыла глаза, задро-

— Это же инцест!

— В Библии инцеста нет, так? Когда начинаешь все заново, это правило, а не исключение. Об инцесте речь зайдет гораздо позже.

Гвен вновь села на качели, глубоко задумалась. Вздохнула.

— Не получится. Так не положено. Во-первых, ты хочешь, чтобы мы занимались любовью, не поженившись, а это грех...

— С Робертом у тебя так и было!

— Да, но мы собирались пожениться. А с тобой это невозможно. Мы не можем пожениться, потому что некому зарегистрировать наш брак. А потом ты хочешь иметь детей, хочешь, чтобы они совершили инцест... это слишком ужасно. На таких принципах нельзя созидать новый мир.

— У тебя есть идея получше?

— Нет. Но и твоя мне не нравится.

Фрэнк тяжело опустился на землю, в изумлении покачал головой.

— Я просто не могу поверить тому, что сейчас происходит, — разговаривал он, похоже, сам с собой. — Послед-

жала всем телом, когда Фрэнк обнял ее. Он прижал Гвен к себе, поцеловал в закрытые глаза. Она задрожала вновь, но не попыталась вырваться. Не запротестовала и тогда,когда его губы нашли ее и впились в них долгим, страстным поцелуем. Когда же он опустил руки и отступил на шаг, она открыла глаза. Фрэнк нежно ей улыбнулся.

— Роберт целовался лучше, — констатировала Гвен.

В ярости Фрэнк пнул барана и запрыгал на одной ноге, ухватившись за вторую и постанывая от боли: с тем же успехом он мог пнуть гранитный валун.

— Как я понимаю, он был хорош и в постели, — вырвалось у него.

— Просто чудо, — признала Гвен. — Поэтому мне так трудно даже смотреть на другого мужчину. Кроме того, я ношу под сердцем его ребенка, а это еще больше все усложняет.

— Ты..?

— Беременна. Такое случается, знаешь ли. Роберт еще не знает...

— И никогда не узнает.

— Ты ужасен!

— Извини. Так это прекрасно, великолепно. Мы увеличили генофонд человечества на пятьдесят процентов. Сын Роберта сможет жениться на нашей дочери, или наоборот.

ний мужчина и последняя женщина спорят о теологии, — он вскочил, охваченный гневом. — Хватит! Никаких споров, никаких дискуссий! — он сорвал с себя рубашку. — Все начнется прямо здесь, прямо сейчас. Мы положим начало новому миру. Не могут сдерживать меня моральные нормы, которые обратись в прах вместе с планетой. Теперь все буду решать я. Язык, на котором я говорю, станет языком многих поколений. Если я скажу, что вода — это "эггх" во веки вечные, все будут говорить "эггх", не задавая вопросов. Я теперь Господь Бог!

— Ты сошел с ума, — Гвен попятился.

— Бог, если хочу им быть. Остановить меня некому. Захочу — побью тебя, и за это ты будешь меня любить. А не полюбишь — побью вновь. Так чего ты не кричишь? — он бросил рубашку на землю, надвигаясь на Гвен. — Я — единственный, кто услышит твой крик, и мне на него наплевать.

Он расстегнул ширинку, и с ее губ сорвался сдавленный вскрик. Фрэнк лишь рассмеялся.

— Выбирай! — проревел он. — Можешь наслаждаться, можешь ненавидеть, мне без разницы. Я — носитель спермы. Из моих чресел выйдет новое человечество...

Он замолчал, потому что земля, на которой они стояли, качнулась.

— Ты почувствовала? — спросил Фрэнк.

Гвен кивнула.

— Земля качнулась, словно по ней ударили.

— Другой корабль! — он быстро застегнул ширинку. Схватил рубашку, начал торопливо надевать. Гвен взбила рукой волосы, пожалела о том, что при ней нет зеркальца.

— Кто-то ходит, — указал Фрэнк. — Там.

Оба прислушались к шорохам под их миром. Потом послышалось тяжелое дыхание, на край земли взобрался человек. В гидрокостюме, оставлявшем открытыми только голову и руки.

Зеленого цвета.

— Он... зеленый, — вырвалось у Гвен. К Фрэнку дар речи еще не вернулся. Мужчина поднялся, отряхнул пыль с рук, поклонился.

— Надеюсь, не помешал.

— Нет, все в порядке, — ответила Гвен. — Заходите.

— Почему вы зеленый? — спросил Фрэнк.

— Я мог бы спросить, почему вы — розовые.

— Только без шуток, — пальцы Фрэнка сжались в кулаки. — А не то...

— Я очень сожалею, — мужчина вскинул зеленые руки и отступил на шаг. — Прошу вашего прощения. Все это отчет, естественно, с учетом ограниченного времени. На это ушло чуть больше двухсот ваших лет.

— Вы не выглядите таким стариком, — отметила Гвен.

— Все дело в жизненных циклах, вы понимаете. Я не буду называть вам своего истинного возраста, а то, боюсь, вы мне не поверите.

— Мне — двадцать два, — сказала она.

— Как мило. А теперь позвольте продолжить. Я собрал всю информацию, необходимую для отчета, выучил несколько языков, я горжусь своими лингвистическими способностями, но мало-помалу начал приходить к ужасному выводу. Человечество... как бы это выразить... довольно-таки отвратительное творение природы.

— Ты и сам не красавчик, зеленух, — бросил Фрэнк. Гораций предпочел проигнорировать его реплику.

— Я хочу сказать, что вы сильны, умны, плодовиты, многого добились. Но средства, которыми вы добивались своих впечатляющих успехов, вот что пугало. Вы — убийцы.

— Закон выживания, — отчеканил Фрэнк. — У нас не было выхода. Съешь или съедят тебя, убей или убьют тебя. Выживает сильнейший.

очень печально, как для вас, так и для меня. Я — зеленый, потому что я — не землянин. Я — инопланетянин.

— Маленький зеленый человечек! — ахнула Гвен.

— Не такой уж я и маленький, — обиделся инопланетянин.

— Я — Фрэнк, а она — Гвен.

— Рад познакомиться с вами. Мое имя произнести вам будет трудно, поэтому зовите меня Роберт.

— Только не Роберт! — взвизгнула Гвен. — Он мертв.

— Пожалуйста, извините. Нет проблем. Гораций подойдет?

— Гораций, а что, собственно вы здесь делаете? — спросил Фрэнк.

— Видите ли, все это довольно-таки сложно. Если позволите, я начну с самого начала...

— А как вам удалось так хорошо выучить английский? — спросила Гвен.

— Я это тоже объясню, если вы соблаговолите меня выслушать, — и Гораций заходил взад-вперед. — Во-первых, я прилетел с далекой планеты, которая вращается вокруг звезды, отстоящей от Солнца на многие и многие парсеки. Мы проводили исследование Галактики и мне поручили этот сектор. Ваша планета произвела на меня сильное впечатление. Как вы легко можете себе представить, зеленый — наш любимый цвет. Я установил средства мониторинга и подготовил достаточно полный

— Я не буду с этим спорить. Разумеется, это единственная возможность для выживания любой цивилизации, и я уважаю такую точку зрения. Но куда больше меня интересует другое: как ведут себя представители вида, который занял главенствующее положение на планете. На нашей планете мы стали доминировать в незапамятные времена. И с тех пор охраняем все прочие виды жизни, у нас царят мир и порядок. Тогда как ваши люди, воцарившись на Земле, на этом не успокоились и принялись убивать друг друга. Меня это очень огорчило.

— Никто вашего мнения не спрашивал, — отрезал Фрэнк.

— Разумеется. Но эти наблюдения не только огорчили, но и встревожили меня. Моя планета не так уж и далеко по астрономическим меркам, и я полагал, что рано или поздно вы ее найдете. А потом, возможно, захотите перебить и нас.

— Теперь эта вероятность ничтожно мала, — вздохнула Гвен, отпустив качели.

— Да, теперь она, скорее, теоретическая, но раньше ее приходилось учитывать. Вот и вышло, что я, интеллигентное, мирное, разумное существо, вегетарианец, никогда не обижавший и мухи, вдруг задумался о возможном уничтожении моей родной планеты. Как вы сами видите, это очень серьезная моральная дилемма.

— Не вижу, — Фрэнк покачал головой, потом уставил-

ся на инопланетянина. — Так... вы имеете отношение к тому, что произошло?

— Я скоро к этому подойду.

— Сойдет да или нет.

— Не все так просто. Пожалуйста, выслушайте меня. Ситуация сложилась чрезвычайно драматичная. И никто не мог помочь мне принять решение. Полет домой занимал много времени, и пока я добрался бы туда, а мое руководство что-то решило, вы, люди, могли бы построить свои звездолеты и уже отправиться к нам. Если бы я продолжал наблюдение, вы все равно построили бы звездолеты и полетели к моей планете, чтобы уничтожить ее. В результате я, мирное существо, замыслил немыслимое.

— Так это ты взорвал наш мир! — Фрэнк шагнул к пришельцу.

— Пожалуйста! Никакого насилия! — Гораций поднял руки, попятился. — Не выношу насилия, — Фрэнк остановился. Ему хотелось выслушать все до конца, но кулаков он не разжал. — Спасибо, Фрэнк. Как я и сказал, я замыслил немыслимое. Мог я применить насилие ради сохранения мира... или не мог? Если бы я ничего не предпринял, мою планету и всех ее жителей ждала гибель. И мне пришлось выбирать, какая цивилизация должна выжить. Моя или ваша. Вопрос я поставил ребром, так что с ответом проблем не возникало. Конечно же, моя. Поскольку мы древнее, интеллигентнее, интереснее и красивее вас. И очень мирные.

— Поэтому ты взорвал наш мир, — подвел итог Фрэнк. — Не очень-то мирный поступок.

— Нет, не очень. Но в принципе, это отдельно взятое, из ряда вон выходящее событие. После многих мирных столетий, за которым, разумеется, вновь последуют мирные столетия.

— Что тебе здесь надо? — спросил Фрэнк. — Почему ты нам все это рассказываешь?

— Естественно, чтобы извиниться. Я очень сожалею, что все так обернулось.

— Но сожалеешь далеко не в той степени, как мы, зеленый ты сукин сын.

— Если б я мог предположить, что вы поведете себя не как джентльмен, я бы не приходил.

Фрэнк бросился на него, но Гвен успела заступить ему дорогу.

— Фрэнк, пожалуйста, — взмолилась она. — Хватит насилия. Иначе я закричу. И вы сделали все сами, мистер Гораций?

— Просто Гораций, это имя. Да, сделал. И несу полную ответственность.

— А на борту вашего корабля больше никого нет?

— Я один. Корабль полностью автоматизирован. Мне понадобилось время, чтобы решить поставленную задачу, я не думаю, что кому-то удавалось создать бомбу, способную разнести целую планету, но я справился. Добился поставленной цели. Ради мира.

— Где-то я это уже слышал, — пробурчал Фрэнк.

— Я процитирую одного из ваших генералов, который несколько лет назад выиграл небольшую локальную войну: "Я их убил для того, чтобы спасти". Но я не такой лицемер. Я уничтожил вашу планету, чтобы спасти свою. Всего лишь сыграл по вашим правилам, видите ли.

— Вижу, — голос Фрэнка звучал уж очень спокойно. — Но ты сказал, что ты — один. Как насчет других зеленых человечков, которые заберутся сюда следом за тобой?

— Невозможно, заверяю вас.

И когда он повернулся, чтобы взглянуть на край земли, через который перелез, Фрэнк шагнул вперед и двинул ему в челюсть. Инопланетянин повалился на спину, а Фрэнк уселся на нем и душил, пока тело не перестало дергаться. Гвен одобрительно кивнула.

— Я возьмусь за ноги, — сказал Фрэнк.

Без единого слова они донесли тело до обрыва и сбросили, наблюдая, как оно медленно кружится среди космического мусора.

— Мы должны найти его корабль, — прервал молчание Фрэнк.

— Нет, сначала поцелуй меня. Крепко.

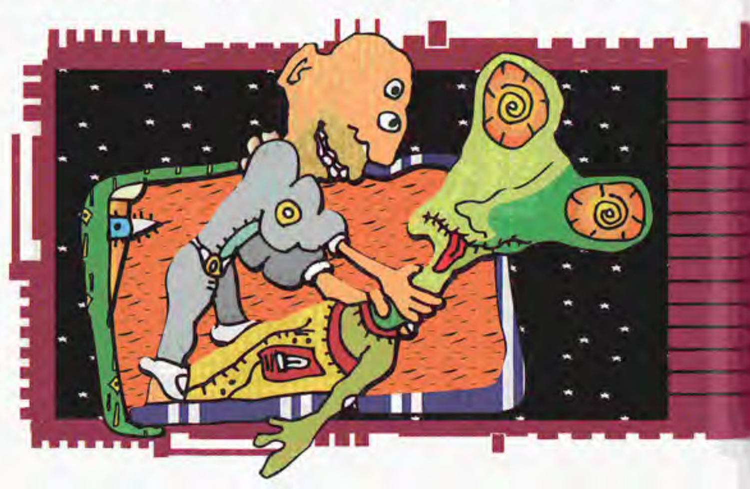
— Ух, — вырвалось у Фрэнка, когда он, наконец, оторвался от Гвен. — Это круто. Позволь спросить, с чего такие перемены?

— Я хочу привыкнуть к твоим поцелуям, к твоим объятьям. Мы должны воспитать большую семью, если мы хотим заселить целую планету.

— Полностью с тобой согласен. Но что заставило тебя передумать?

— Он, это существо. Нельзя допустить, чтобы ему это сошло с рук.

— Ты чертовски права! Месть! Вырастим детей, научим

их летать, построим бомбы, найдем этих инопланетных мерзавцев и превратим их в пыль. Докажем его правоту. Мы обязательно отомстим за Землю!

— Я очень на это надеюсь. Не может он убить моего Роберта и остаться безнаказанным.

— Роберта? Так вот почему ты это делаешь! А как же остальные? Миллиарды людей, целая планета?

— В Миннеаполисе других знакомых у меня не было.

— Если бы Гораций знал насчет Роберта, готов спорить, он бы дважды подумал, прежде чем взрывать мир.

— Что ж, он не подумал и допустил ошибку. Так полетели?

— Барана возьмем?

Гвен посмотрела на барана, подумала, покачала головой.

— Нет. Он тут очень хорошо смотрится. Создает ощущение дома. Будет, куда возвращаться.

— Хорошо. Вперед, к мщению. Набрасываем планы, создаем бомбы, воспитываем детей. Все ради мести. Уничтожения.

— Как-то неприятно это звучит.

Фрэнк потер подбородок.

— Раз уж ты упомянула об этом, не могу с тобой не согласиться. Но выбора у нас нет.

— Неужели? Да, этот отвратительный зеленый человечек уничтожил наш мир, но это не означает, что мы точно так же должны поступить и с его миром.

— Разумеется, не означает. Но есть же справедливость! Око за око, сама знаешь.

— Знаю. Не раз читала Ветхий Завет. Так делалось, нас учили так делать, но где уверенность, что путь этот единственно правильный?

— Мысль твоя достаточно понятна. Ты хочешь сказать, что прежнего мира уже нет. И мы не можем вернуть его, взорвав еще одну планету. Если маленькие зеленые человечки такие мирные, как говорил Гораций, уничтожать их — преступление. В конце концов... они не уничтожали наш мир.

— Тут есть, о чем подумать.

— Есть... к сожалению. Как было бы просто — взорвать их планету, потому что они взорвали нашу.

— Я знаю. Но это дурная привычка.

— Ты права. Начни взрывать планеты, и кто знает, чем все закончится. Так что у нас есть шанс отказаться от старого принципа “око за око, зуб за зуб”. Если мы построим наш мир, ты, я, наши дети, мы заложим в фундамент не месть, а что-то другое. Это трудная, но благородная задача.

Гвен плюхнулась на качели.

— Спасибо вам, — в голосе Фрэнка, однако, благодарности не слышалось. — У меня сразу полегчало на душе. Вы помогали ему взорвать ваш мир?

Зеленый человек задумался, потом с неохотой кивнул.

— Помогал — сильно сказано. В начале я не соглашался с его ситуационным анализом. В конце все-таки согласился...

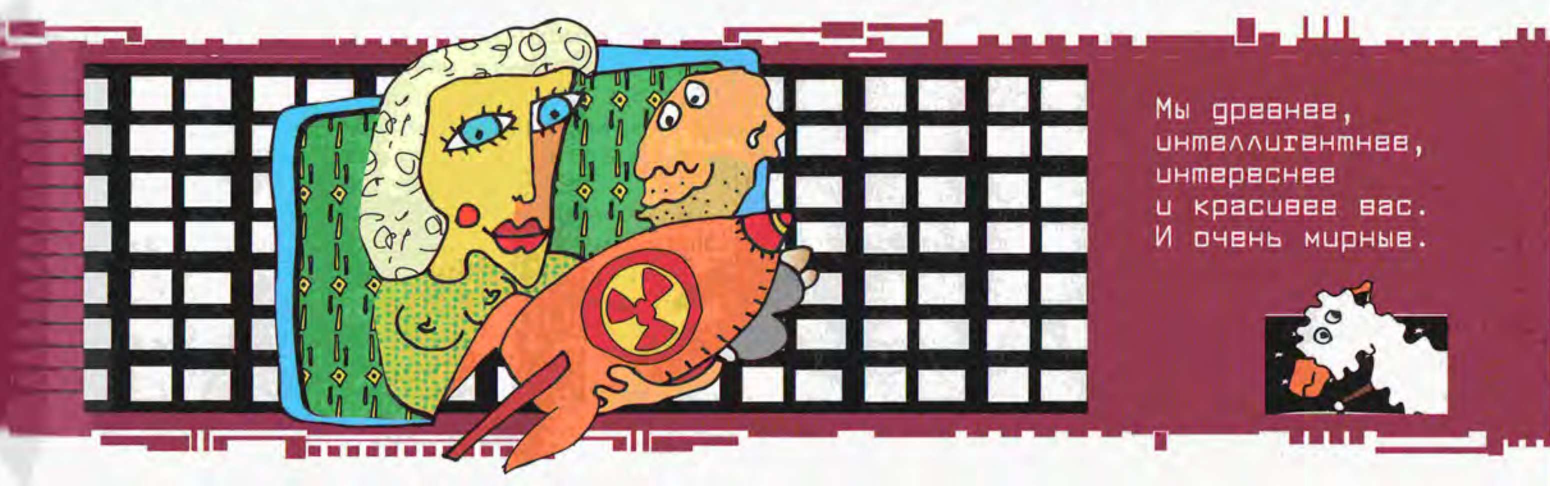
— Вы ему помогали. А теперь отправитесь домой и расскажете всем, что произошло, расскажете, что выжившие строят новый мир и, возможно, ваше руководство придет к выводу, что и нас лучше взорвать, на случай, что наши потомки окажутся не столь великодушными, как мы. И следующая ваша экспедиция расправится с нами, для профилактики.

— Да нет же, быть такого не может. Я решительно выступлю против...

— Но существует вероятность того, что вас не послушают?

— Надеюсь, что этого не произойдет. Но, разумеется, всегда существует вероятность того...

— Еще один зеленый сукин сын, — с этими словами

— Твои рассуждения меня немного пугают. Взять на себя ответственность за создание целого мира — тяжеленная ноша, а ты еще хочешь создавать его на основе новой системы моральных ценностей. Не убий, не мсти...

— Мир и любовь для всех живущих на Земле. Что-то такое говорила церковь, благословляя войска. На этот наши слова не будут расходиться с делом. Действительно будем подставлять другую щеку. Забудем о том, что они уничтожили наш мир. Докажем, что Гораций крепко ошибся. И потом, когда мы все-таки встретимся с ними, им придется извиняться за него.

— Мы извиняемся прямо сейчас, — на край мира взобрался второй зеленый человек.

Гвен вскрикнула.

— Гораций — ты не умер! — сорвалось с ее губ.

Зеленый человек покачал головой.

— Извините, индивидуум, которого вы называете Горацием, умер. Но после того, что я услышал несколько секунд тому назад, я склонен думать, что он заслужил свою смерть. Он уничтожил целую планету и понес за это наказание.

— Гораций сказал, что он один, — руки Фрэнка вновь сжались в кулаки.

— Он солгал. Нас было двое, и он вызвался встретиться с вами, единственными, кто выжил, и все объяснить. Информацию о случившемся я доставлю на нашу планету. Уничтожение вашего мира выльется в продолжительный траур.

Гвен достала из кармана маленький пистолет и застрелила инопланетянина.

— Деваться, похоже, некуда, — вздохнул Фрэнк, глядя на покойника. — Теперь придется найти их корабль и убить всех, кто там находится.

— А потом взять корабль и взорвать их планету, — добавила Гвен.

— Выбора нет. Как говорил Гораций, такая уж у нас репутация. Придется ее оправдывать.

— У меня будет неспокойно на душе, если мы этого не сделаем. Я буду волноваться о наших детях и детях наших детей. Лучше сразу с этим покончить.

— Ты, разумеется, права. А вот взорвав их, мы начнем учить наших детей подставлять другую щеку и всему остальному. Тогда это будет уместно. Так в путь?

— Пожалуй, — Гвен оглядела крошечный клочок их когда-то необъятного мира. — Лететь, возможно, придется долго, не будем терять времени. Барана возьмем?

— Нет. Я отключу воздух, и он прекрасно сохранится. Он так хорошо смотрится на травке. Создает ощущение близости домашнего очага. Нам будет куда вернуться.

Перевод: В. Вебер

Ядерный Вий

О, "Вий" — культовый фильм моего детства. Как черти были загримированы! А как ведьма в гробу летала?! Крутые, по тем временам спецэффекты! А уж сам Вий, неподражаемое творение советского Гигера: — "Поднимите мне веки"! И пронзительный взгляд чудовища! Я ужасно сопереживал Хоме Бруту, и никогда не задумывался, а каково ему, Вию...

Фантом

Иллюстрации: И. Валинуров

Чего нам теперь бояться? Ведь самое страшное уже произошло: мы родились.

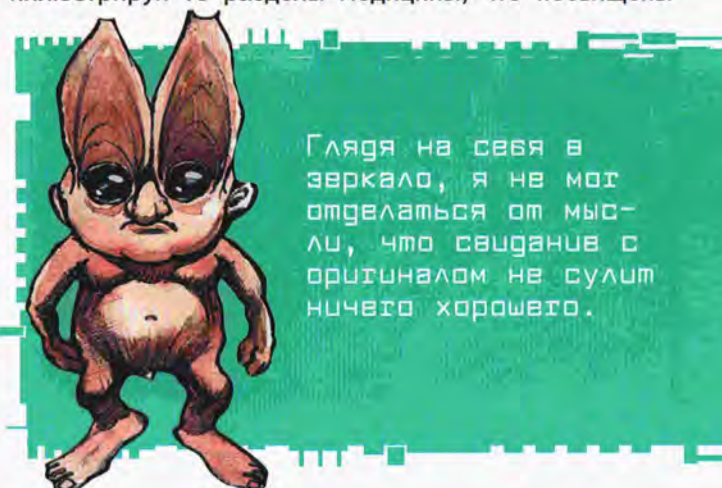

Нынче мне, зависшему везде и нигде в объятиях сплошного Космоса, достаточно времени для ленивых, невеселых дум. Правда, иногда выручает чувство юмора, которое прорезалось с неприличным опозданием — в земных пределах мне было совсем не до смеха. Да и здесь надежды, несбыточные наверняка, мешают предаться веселью в полной мере.

Вопрос об образе и подобии остался без ответа. С одной стороны, крестить меня не отважились. С другой — поп-расстрига, приверженец демократических идей, шепнул: "Конечно! По образу и подобию — и ты в том числе". Я уверен, что интимно-значительным шепотом он маскировал свои сомнения и растерянность. С тех пор у меня не раз возникало желание представить оригинал, но все попытки были тщетны. Глядя на себя в зеркало, я не мог отделаться от мысли, что свидание с оригиналом не сулит ничего хорошего. Кстати, о зеркалах. Все, что принято приписывать этим штуковинам — я имею в виду их способность отражать убийственный взор и тем самым истреблять носителя — все это на поверку оказалось враньем. Зеркала мне нипочем: уж как я ни таращился — хоть бы хны. Закралась даже сумасбродная, гордыней внушенная мысль: что, если я неподвластен обычным физическим законам, являясь существом надмирным, заблудившимся членом некоего — пусть даже второстепенного — небесного воинства? К сожалению, слишком многое подтверждало мою материальную природу — порой весьма болезненно. И в согласии с ней обратимся к фактам, которые часто превосходят загадочностью многие домыслы и фантазии. Тем более, сейчас в моем арсенале есть толковое объяснение, выставляющее меня кем-то вроде Щелкунчика, который хрупает скорлупками уязвимых, тщательно скрываемых душ и губит эти души притоком свежего воздуха.

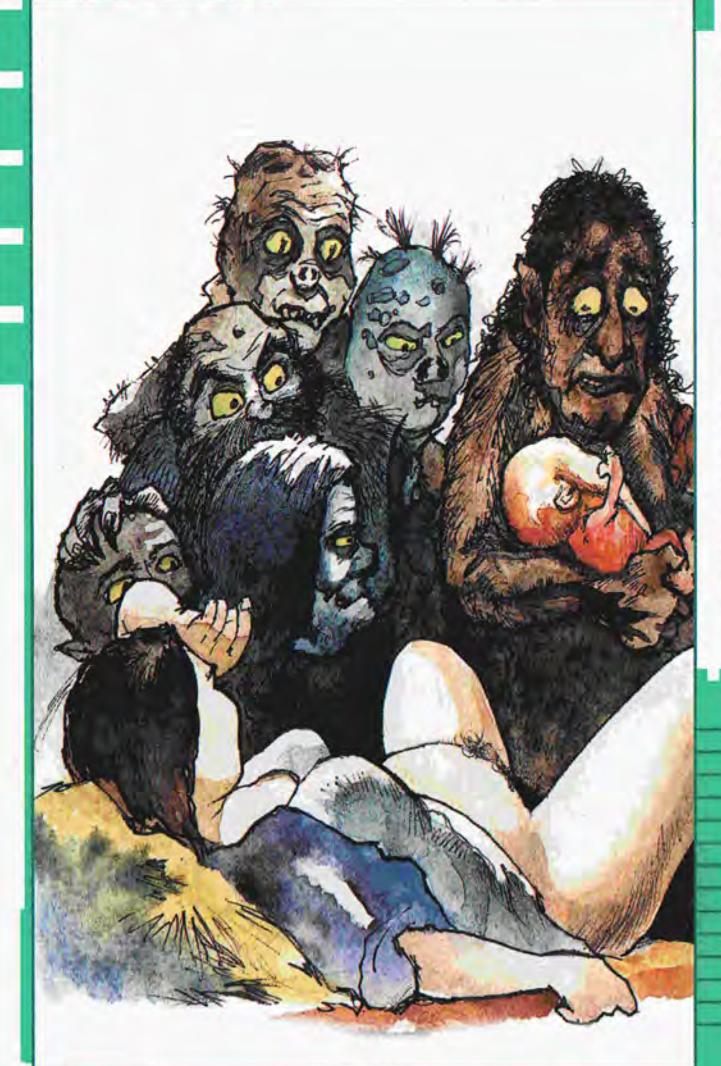
Итак, первым фактом, за которым потянулись гуськом все прочие, стало знамение. Не то чтобы совсем по соседству с Диканькой и Миргородом, однако и не столь уж далеко от них обрушилась Звезда Полынь. Кое-кто ударился в панику и заключил, что это та самая Полынь, о которой имеется пророчество. Однако малодушные ошиблись: катаклизму не сопутствовали другие обещанные явления, и в планы Небес входило лишь показать, что, собственно, такое эта невнятная Полынь, как ее следует понимать и какого характера будет предсказанное неприятное событие, что случится еще неизвестно когда и будет предварено ревом ангельской трубы. С этой единственной целью злополучную станцию сделали наглядным пособием. Взрыв, конечно, аукнулся. Нечто подобное наверняка случалось и в былые времена — во всяком случае, матушка моя, известная в округе как Одноглазка, была особой с явными отклонениями. Оживляя известный миф, она калечила односельчан кротким взором единственного глаза, оставляя сиротами их парные органы. Отсыхали руки, ноги, уши, лопались мужские придатки — в общем, всем такое дело в конце концов надоело, и матушку изгнали в леса, едва не забив кольями и вилами насмерть. Этот лес в дальнейшем верой и правдой хранил меня от различных акций, эвакуаций и — в некоторой степени — дезактиваций. Сейчас, когда сняты печати — земные, земные печати, с документов, — мы знаем, что выбросы были и прежде, и никому до них не было дела — вот и вышло, что научно-технический прогресс весьма помог размножению всякой нечисти — леших, домовых, водяных, разномастных ведьм и колдунов, кикимор, василисков и Бог ведает, кого еще. Не иначе, как кто-то из этой братии оприходовал маменьку, а потом еще взрыв поучаствовал в генной инженерии, не смысля в ней ни пса — так я появился на свет. Можно обобщить и подвести черту: чего нам теперь бояться? ведь самое страшное уже произошло: мы родились.

Это событие приключилось в грязной сырой землянке, где на протяжении вот уже нескольких лет ютилась матушка. В качестве повитухи позвали одну из кикимор — то есть гермафродита, покрытого черным мехом и оттого сильно похожего на гориллу, скрытную и тупую. Известно, что кикиморы склонны скорее похищать малых детей из люлек, чем способствовать их рождению, но в нашем лесу все было шиворот-навыворот, и роды прошли успешно. Кикимора отлично справилась с задачей, как будто только тем и занималась всю свою дремучую, хищную жизнь. Набилась полная горница разных дьяволов, рогатых и увечных, каждому хотелось поглазеть: чем таким разродилась легендарная затворница? Кто-то при виде меня завопил дурным голосом: "Эй, вы только гляньте — он родился в рубашке! "Сей возглас был полон зависти — ведь кто-кто, а сам вопивший родился некогда не только без рубашки, но даже без приличной шкуры, и вскорости покрылся прочной, словно броня, чешуей, иллюстрируя те разделы медицины, что посвящены

редкому заболеванию "ихтиоз". Однако зависть была преждевременной. Сразу родился послед, и стало очевидно, что никакая на мне не рубашка, а нечто совершенно другое, доселе не виданное. Гул затих, я вышел на подмостки. Быть или не быть? Любопытная публика отпрянула, так как истина мало-помалу уже открывалась. Уже было ясно, что это не рубашка, а невозможные, кошмарные веки, и я завернут в них, будто в пеленку. Старый седой волколак, страшный настолько, что никто не знал, из кого он, собственно, мутировал, перекрестился и напряженно крякнул. Было очень тихо, если не считать ритмичных отрывистых гудков, к которым все давным-давно привыкли и воспринимали как естественный фон. Эти резкие, неуместные в живой природе звуки издавались специальными пищалками, что когда-то были разбросаны с вертолетов по всему лесу, и предупреждали растяп и ворон о радиоактивном заражении местности.

Потом вокруг на все лады заголосили: "... Вий! Вий!" и бросились прочь из землянки, застревая в тесном дверном проеме. Визг, лай и мат стояли неслыханные, в стороны летели клочья шерсти и волос пополам с брызгами слюны и крови. После шептались, будто по весне лично мейстер Леонгард посетил инкогнито наш лес, имея намерение сойтись с маменькой и ужаснуть подлунный мир своим отродьем. Возможно, эти

гих, так же вслепую, придвинулись бочком, подхватили меня — уже, уже начавшего издавать огорченные звуки — и уложили навзничь, а первый снова опустил веки, укрывшие меня подобно двум крылам, но на сей раз предусмотрительно оставил между ними маленькую щель для носа-кнопки. Так что я счастливо избежал опасности задохнуться в невинном младенчестве и никогда не вкусить невинности зрелой и осознанной.

Чуть погодя, осмелев, вернулась часть соседей. Я сопел, негромко хныкал и вяло шевелил зачаточными конечностями. Забегая вперед, сообщу, что они у меня так почему-то толком и не развились — как и само туловище. Я не познал радости самостоятельного передвижения, и меня вечно кто-то куда-то катил — как правило, с корыстными целями. Зато голова разрослась сверх меры, а нос от постоянных перекатываний загнулся крючком, и я при желании всегда мог пошарить в нем своим длинным язычищем. Итак, я лежал и сопел, а гости опасливо совещались, гадая, как со мной поступить: утопить без промедления или все-таки рискнуть и опробовать силу взгляда моих очей. По-

сплетни распускал, дабы отвести от себя подозрения, мой подлинный папаша, так и оставшийся неизвестным.

...Маменька валялась без сил, я скатился в подставленные загодя ясельки и смахивал на озябшую мохнатую дыньку. Стараясь высвободиться из плена прилипших век, я робко надавливал недоразвитыми ручками и ножками то в одно, то в другое место — все впустую, веки не отклеивались. С нижними все было в порядке, но верхние спускались до пят, образовывали мешочек для ног и таза и захлестывались со спины на темени. Получался уютный кокон с единственным изъяном: в него не поступал воздух, так что ни о каких первых криках и вдохах и речи быть не могло, а мои попытки прорваться к свету были обречены на провал во тьму. Спасся я благодаря вмешательству дряхлых колдунов, которые не смылись то ли по причине старческой немощи, то ли попросту ничто под луной уже не в силах было их напугать (ведь они родились) — старцы пришли в числе первых, как утверждали потом — ведомые одинокой и яркой звездой. Дрожащими корявыми пальцами самый древний из волхвов склонился к яслям, снял с меня веки, словно кожуру с банана, и некоторое время держал на вытянутых руках, не забывая, впрочем, смотреть в сторону. Двое дру-

бедили прагматики, которые рассудили, что спихнуть меня в пруд они всегда успеют, тогда как таланты мои, если такие обнаружатся, могут стать настолько полезными для дела общего выживания, что кое на что придется закрыть глаза — в буквальном смысле слова.

Притащили звеньевого спецкоманды, на днях захваченного нашей диаспорой в плен. Я, по-моему, вскользь уже поминал частые экспедиции, вторгавшиеся в наши края с Большой Земли для проведения различных оздоровительных акций. Любая подобная акция, будь то санобработка или какой-нибудь там забор идиотских проб, предполагала поимку или физическое уничтожение каждого, кто имел несчастье засветиться. А некоторые, между прочим, светились по-настоящему и ничего не могли с этим поделать. Разумеется, наши тоже не дремали, вот и скрутили этого лба. Бугай держался вызывающе нагло — впрочем, ребенку было видно, что он хорохорится и сам себя заводит, в то время как в действительности трепещет и содрогается. Здоровяк-леший усадил оздоровителя на земляной пол, одной из лап придержал его за шею, чтоб не вертел башкой, а двумя другими — за плечи, чтоб не встал. Сам же зажмурился. Домовые, стоявшие на часах справа и слева от яслей, взялись за ви-

лы и осторожно подняли мне веки. Ясными, чистыми глазами без намека на смысл я уставился в низкий потолок. Откуда-то сзади донесся коварный скрежет: "Смотри, солнышко, какой нехороший дядя! "Смышленые младенцы — не диво в нашем лесу. Я понял сказанное и скосил глаза к переносице. Звеньевой, похоже, не читал Гоголя и с глупым видом ждал, что будет дальше. Но дальше ему ничего не было, потому что едва его взгляд напоролся на мой, детина сдавленно ахнул и повалился на пол, бездыханный. Домовые с извинительной поспешностью вторично подцепили мои веки вилами, при этом царапая кожу, и я снова погрузился во мрак. За неимением другого занятия, я стал вслушиваться в обсуждение произошедшего. По всему выходило, что топить меня не будут и сохранят для дальнейшего использования в качестве оружия возмездия.

И я остался жить на этом свете, цел и невредим, набираясь сил и ума-разума. Наверно, никого не удивит, что детство мое получилось безрадостным. Ведь если вокруг себя вы видите только дурное, то чему прикажете радоваться? А видел я только дурное — то есть пело от моих созерцаний ни малейшего ущерба. Поскольку с миром я все же знакомился: диаспора справедливо рассудила, что зрение мое нуждается в тренировке. Оно могло попросту сойти на нет, окончательно и безнадежно атрофироваться, будучи используемо лишь в случаях расправы над очередным неугодным. Поэтому изо дня в день дежурные по Вию — да, они ввели такую должность, порой именуя меня почему-то постом номер один, — натягивали бельевую веревку и на прищепках вывешивали меня за веки греться на солнышке и познавать белый свет. Я висел, жадно впитывая визуальную информацию, а черти тем временем бродили в окрестных чащобах с трещотками и колотушками, яростным шумом отваживая от лиха прохожих ротозеев.

Так вот, повторяю: ничто из того, что открывалось моему зрению, не страдало. Не чахли растения, не гибли животные, не падали каменьями птицы, опрометчиво мечтавшие о середине Днепра. Прелести природы не порождали во мне желания слиться с нею в возбужденном просветлении. Бельевые прищепки — не те вещи, что могут украсить жизнь, если ими зажа-

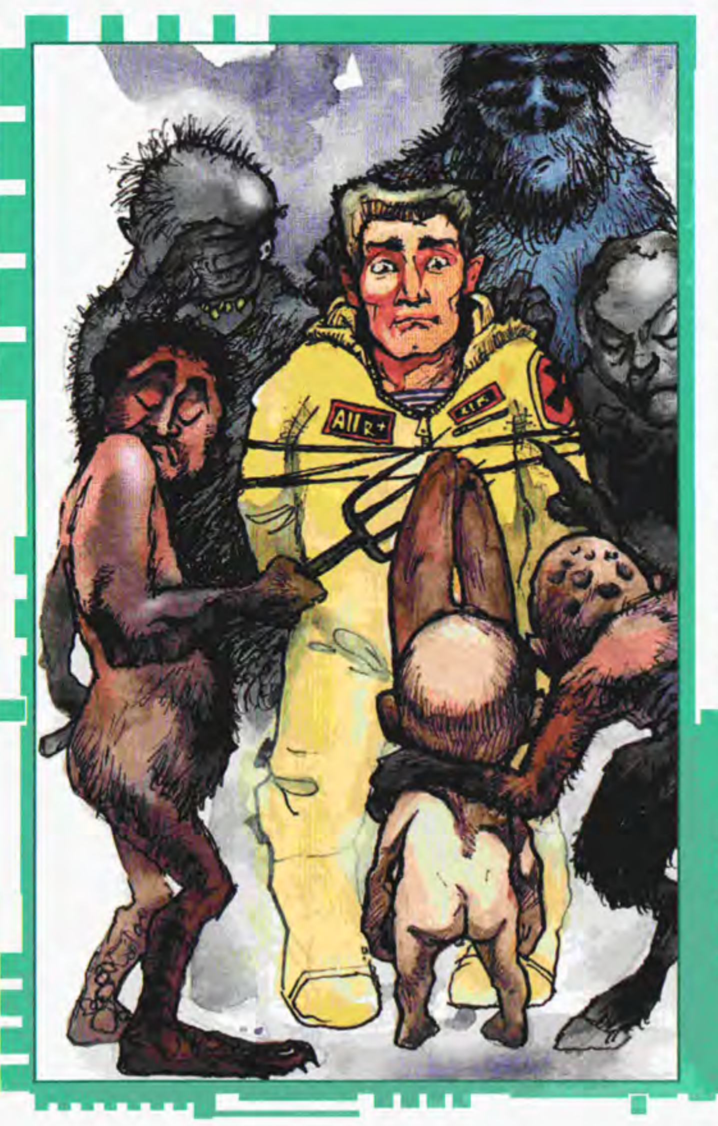

Маменька валялась без сил, я скатился в подставленные загодя ясельки и смахивал на озябшую мохнатую дыньку.

то, на что мне открывали глаза. То, что я созерцал, благополучно околевало, а мне объясняли, что это очень хорошо и правильно, туда ему и дорога, ибо существо, на которое я посмотрел, весьма плохое и лучшей доли не заслужило. Я же, напротив, хорош настолько, что любое зло, представленное на суд моих очей, не в состоянии прожить и секунды и немедленно дохнет, полное раскаяния и сожалея о дне своего рождения.

Такой отравой я питался достаточно долго, но время шло, я задумывался все больше и больше. Хвалебные речи в мой адрес не казались бесспорными. Коль скоро гибнет, не выдержав судного взора, зло — чего бояться добру? Оно, если верить моему окружению, было явлено лично в них во всей полноте, и если это правда, зачем им вилы при общении со мной? зачем они прячут глаза? почему, в конце концов, я до сих пор не видел толком никого из своих доброжелателей, включая родную матушку? Что-то не сходилось, но изменить ситуацию было не в моей власти. Ведь я оставался совершенно беспомощным. Я никуда не мог пойти, видел лишь то, что мне позволяли, и моим уделом оставались одни пространные, навязчивые размышления о смысле жизни и назначении собственной персоны. Я заметил, что кое-что из живого не терты пусть уродливые, пусть израненные и намозоленные, но твои собственные веки. Хроническая, непрекращающаяся боль способна исказить любое восприятие. Это неважно, что мне не раз хотелось покончить с опостылевшим пессимизмом и увидеть мир в розовом свете: между тем, что было вокруг, и тем, что я ощущал, возникла прочная связь на уровне подсознания, и никакая добрая воля не могла обернуть дело к лучшему. Позже, без всяких прищепок, в зрелые годы каждое световое раздражение немедленно возрождало глубинную память о прошлых страданиях.

Да и что, если честно сказать, мог я видеть из одного и того же, никогда не менявшегося положения? Однообразный пейзаж со временем надоел мне так, что я шепотом упрашивал злобное светило выжечь утомленные очи. Я видел гигантские папоротники, налитые ядовитой зеленью. Я тупо обозревал кукурузную рощу, смотрел на водянистые полутораметровые грибы. Мимо моего лица, задевая белки глаз крапчатыми крыльями, пролетали стрекозы-мышеловы, жужжали фосфорецирующие пчелы, создательницы опийного меда. В ненастные дни почва подо мной кишела суставчатыми червями и панцирными жабами, все это чавкало и вздыхало день за днем, месяц за месяцем, год за годом — под аккомпанемент докучливых пища-

поисках сокровищ. Теперь мне понятно, что их единственным прегрешением было отсутствие видимых анатомических дефектов — не так уж, между прочим, и мало. Но попадались и субъекты вроде того, первого — таких изводили с особенной изощренностью, для начала срывая костюм, якобы защищавший от радиации. Одного этого было достаточно, чтобы жертва испытала животный ужас. Казнь, однако, только начиналась. Не вижу необходимости вдаваться в детали. Какое-то смутное нравственное чувство, невесть откуда во мне взявшееся, мешало получить удовольствие. Возможно, потому, что я стоял в конце программы и на меня ложилась особая ответственность: ведь я становился последним, что видели эти безмозглые головы, я был их судьей, исповедником и казнителем в одном лице — проще говоря, закономерным итогом их дебильной деятельности. Не знаю. Откуда бы ему взяться, этому чувству? Ведь я загадочен, уникален; не было в мире сообществ тварей, чьи законы могли быть записаны в моем сердце (шестикамерном, как обнаружили врачи, приглашенные отцом Игнатием; две камеры из шести не работали, они просто сокращались вхолостую, ничего не перекачивая).

Смотри, солнышко, какой нехороший дядя!

лок и усыпляющий треск счетчиков Гейгера, а временами — под хищный рокот невидимых летательных аппаратов, что с разведывательными целями зловеще парили в поднебесье. Меня, кстати, пытались использовать в качестве зенитного орудия, но эта затея провалилась, так как лица пилотов были недосягаемы, и самолеты с вертолетами продолжали хозяйничать в нашем воздушном пространстве.

Случалось, я видел за деревьями и кустарником костры, которые жгли мои соплеменники, и слышал песни. Небогатый репертуар представлял собой мешанину из фольклорных произведений, посвященных местной нечистой силе, и партизанских напевов времен Отечественной войны. Под конец я наблюдал, как причудливые тени опившихся брагой страшилищ медленно раскачиваются, покуда играет гимн — старая рок-композиция, где припевом были слова: “В круге света были мы рождены”. Но окончательно пиршество завершалось неизменной “чернобыльской плясовой”, бившей все рекорды защитного цинизма.

От случая к случаю я отрабатывал свое содержание — то есть снова и снова созерцал. Меня не знакомили с обвинением — и без того было ясно, что существа, повергаемые предо мной на колени, суть последние выродки и мерзавцы. В основном я истреблял придурковатых сталкеров, пробиравшихся в нашу зону в

Случалось, ко мне гнали созданий, в которых заведомо и помыслить-то нечто сродни нравственности казалось нелепым. Какие-то грязные гусеницы, чертте в чем провинившиеся, мелкие свинорылые птички, непонятно в чем уличенные — они, большей частью лишенные разумного начала, оставались целыми. О моем мнении никто не спрашивал, многие по той причине, что не умели или разучились говорить. Я же старался не допускать к осознанию крамольные мысли о возможной душевной нечистоплотности судей, но суровый опыт в конце концов открыл мне глаза — и вновь буквально.

Оказалось, нас просто жалели до поры — не пропадать же добру, раз так получилось, надо понаблюдать, поднакопить данных. Мы жили на вулкане, нам многое спускали с рук, и все наши грешным делом полагали, что способны противостоять любому нападению и броня наша крепка. Но вот Большой Эксперимент — или одна из его стадий — завершился, и нам пришлось несладко.

Утро началось как обычно: меня вывесили на солнышко, а сами отправились охотиться и побираться. Матушка занялась стряпней, и вскоре я услышал, как ворчат на сковородках капустные блины. Мне говорили, что в былые времена это блюдо практически не го-

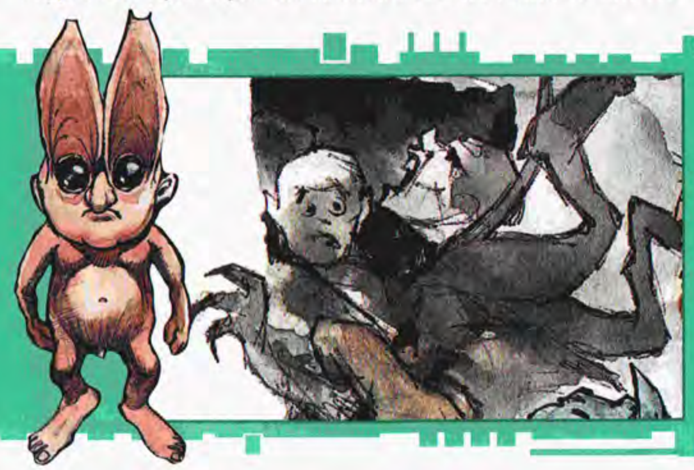
товилось, но я не берусь утверждать, являлось ли капустой то, что мы ели: здоровый такой тонкостенный мешок с множеством хрупких перепонок, деливших его на соты — в них было полно мучнистой пыльцы... Я потому так подробно останавливаюсь на капусте, что сразу, едва блины заворчали, на нас сбросили сонную бомбу. Через несколько минут, когда все в лесу надежно отключились, кольцо пионеров науки начало сжиматься. По мере продвижения к центру из леса поползли во все концы первые фургончики, битком набитые спящей добычей. Когда пришла очередь нашей опушки, меня поначалу не тронули, приняв за штаны, повешенные сушиться, и, вероятно, так бы и забыли, и я бы высох на солнце до состояния мумии. Но близился час пробуждения: наша землянка располагалась в самом сердце леса, так что все сошлось: и операция закончилась, и действие дурмана пошло на убыль. Послышались первые клокотания с хрипами, экспедиторы заспешили, кутая в сети и сковывая цепями все, что успело необдуманно дернуться. В особо страшных и больших для верности повторно стреляли усыпляющими ампулами.

мые сферы праотцев, к другим баранам. А голос за моей спиной ласково произнес: “Це ж Вий, хлопци! Шо вы не бачите? “

Сей ученый муж в минуты сильного волнения всегда переходил на ридну украиньску мову. Бережным, нежным касанием прорезиненных рукавиц он разомкнул скрепки, поймал меня за веки и осторожно уложил на землю вниз лицом, в грязь и мусор. Я покорно лежал, вспоминая матушку и философствуя в меру сил. “Что же это выходит? — бился я над загадкой. — Кто я такой, и где мне место, если все мало-мальски отягощенное разумом прощается с жизнью при первой встрече наших глаз? Был бы я человек — уж тут-то я подобрал бы концепцию. Я мог бы, на худой конец, утешиться верой в осознанное страдание за первородный грех. Но в моем случае — кто страдает? Ведь даже внешне я настолько удалился от прародителей, что сделался кем-то отличным. А что творится у меня внутри, в крови и клетках тела — то вообще страшно представить. Так кем же я являюсь и за что несу наказание? В том, что я страдаю, сомнений нет, ведь я не чувствую ни малейшего желания нести ги-

Меня поначалу не тронули, приняв за штаны, повешенные сушиться, и, вероятно, так бы и забыли, и я бы высох на солнце до состояния мумии.

И вот построили шеренгу зевающих и мотающих головами страшил, скованных друг с дружкой цепями, — в аккурат передо мной. Их уже собрались усадить в специально подогнанный грузовик, когда я проснулся. Получалось, что спал я с открытыми глазами, и взор их был нейтрален и пуст. Но он вдруг вернул себе утраченную осмысленность и бегло прошелся по лицам и рылам стоявших напротив. Была среди рыл и матушка: я сразу ее узнал, хотя до того ни разу не видел, и вовсе не одинокий ее глаз был тому основанием — я узнал бы ее и с двумя глазами, и с сотней. В матушкином ответном взгляде не было ни искры гнева, ни тени испуга — только полное понимание и любовь, пусть даже одно мое ухо тихонько, совсем не больно отсохло и шлепнулось на землю. Матушка плавно осела, увлекая за собой остальных праведников — в их глазах не читалось ничего, кроме страха и отвращения, да мне хватило ее одной — пускай она осталась бы даже единственным подтверждением моей способности выжигать добро и зло в равной мере, этого свидетельства было бы вполне достаточно для утраты иллюзий. В общем, вся компания мгновенно испустила дух — заодно с парочкой конвоиров, не успевших смекнуть что к чему и уставившихся на меня, как бараны на новые ворота. Новые ворота распахнулись перед ними и явили путь в иные, незнако-

бель кому бы то ни было. И уж меньше всего хотелось мне погубить матушку. Выходит, нет на мне вины, но я настолько страшен и видом, и даром, что лучше мне замкнуться, окуклиться в моей невинной лютости, лучше ослепить себя и не видеть этот немощный мир! До чего же легче людям! Когда их раздирают сомнения в чем-либо и даже сомнения во всем на свете, к их услугам пропасть томов успокаивающего содержания. А в то же время достаточно только разочек увидеть мою особу, чтобы задуматься о пересмотре сфер применения чистого разума, не говоря уж о толковании сновидений”.

Тогда-то, лежа в грязи, я, разумеется, не мог мыслить в точности так, как только что изложил. Всякие разные труды и писания я изучил позже и привожу этот краткий внутренний монолог лишь с целью оправдать полученное у отца Игнатия образование. А в тот конкретный момент я, хоть и думал примерно то же, но думал много проще, бесхитростней, на уровне механической фиксации неясных печальных импульсов — какие уж тут увесистые тома! Я попросту не умел читать.

Тем временем научному мамаю угрожал инфаркт — до того он возбудился при виде физического субстрата национальной мифологии. Он бегал вокруг меня, что-то подвизгивая, потом устремился в грузовик,

приволок большой рулон какой-то материи и начал упаковывать меня со всеми предосторожностями. Я успел рассмотреть за шлемом его безумное конопатое лицо — мои рассматривания уже не могли ему повредить, ибо, когда я смотрел, он был мертвый и падал в месиво, кишевшее вечно голодными аспидами. Меня же он выронил из рук чуть раньше, в падении я распеленался и таким вот образом сумел на него взглянуть. Из его шеи торчала рукоятка охотничьего ножа — это я тоже заметил, прежде чем меня снова, на сей раз торопливо, кое-как упаковали и пинками покатили, словно мяч, куда-то в сторону.

Первооткрывателя убил некто Вздоев; рассказать, каким он был в жизни, я не берусь, поскольку, как несложно догадаться, видел его в процессе умирания. То был полутруп долговязого, бледного лицом субъекта со снежными полосками закатившихся белков и черной бородкой. А пока он трупом еще не был, я только слышал его голос — всегда приглушенный и возбужденно-озабоченный. Иногда в поле моего зрения вползала волосатая кисть с дырявыми сиреневыми венами и татуировкой в виде перстня на мизинце — от уголовного перстня на все четыре стороны расходились самодовольные лучи. Вздоев был из отчаянного племени чеченских разведчиков-камикадзе, внедренных в каждую мало-мальски перспективную структуру и готовых сложить отравленную гашишем голову за независимость родной Ичкерии. Под видом рядового бойца он проник в карательно-познавательный отряд: те, кто его посылали, надеялись, что рано или поздно щедрая на выдумки чернобыльская земля родит что-нибудь полезное для священного дела сепаратизма. Поэтому смекалистый Вздоев сразу понял, что пробил его час, хотя не успел разобраться в сути явления и в причинах радости своего научного руководителя.

Пока ошеломленные коллеги суетились вокруг сраженного начальника, Вздоев отфутболил меня довольно далеко. За мной тянулся кровавый хвост: меня ранили сучки и острые камни, но этот гад не унимался и продолжал пинать. Наконец мы остановились. Нас окружили какие-то патриоты, Вздоев пустился в разъяснения, излишне часто пользуясь словом "шайтан". Но его головорезы не очень боялись шайтана, потому что, невзирая на неясную, но от того не менее вероятную опасность, они грубо и бесцеремонно подвергли меня унизительным процедурам: окатили чем-то мыльным из шланга, так что я едва не захлебнулся, несколько раз погрузили в злые, едкие растворы, а когда натешились досыта, запихнули в простую хозяйственную сумку. Внутри было душно, мои ноздри забились шелухой от семечек и лука. Пот разъедал глаза и размягчал успевшую задубеть на солнцепеке внутреннюю поверхность век. Я понимал, что в перспективе мне отводится какая-то важная роль, так как Вздоев приковал цепочкой сумку к своему запястью.

Путешествие выдалось долгое — многие часы тряски по ухабистым дорогам, изнурительное ожидание неизвестно чего, поспешный перелет в раскаленный и пыльный горный край. Счет дням я не вел — по всему выходило, что в этом не то кишлаке, не то ауле, пусть их шайтан разбирается в названиях, я пробыл не меньше трех недель. Содержали меня вместе со скотиной, спеленатым и прикованным к железному шесту. С допросом у них не получилось: ну что я мог им сообщить? Не обошлось, конечно, без полевых испытаний. Пригнали десяток оборванцев — снова, ясное дело, каких-то пленных, смотрины закончились как обычно, трупы зачем-то разрезали на куски, а меня ввергли назад в темницу и больше уж не выводили. Правда, стали лучше кормить.

И вот они на что-то решились: меня опять заточили, на сей раз — в просторный контейнер, который поместили в другой, а оба — в третий. Грузовым самолетом, под присмотром неотлучного Вздоева, я вторично пустился в неведомое странствие. Может быть, относительно комфортабельные условия поездки пришпорили стрелки моих внутренних часов. Может быть, я просто вздремнул — как бы то ни было, вскорости мы приземлились. Новое путешествие закончилось в номере-люксе одного из самых шикарных столичных отелей. По крайней мере, там не воняло козлом — поначалу.

Помимо Вздоева в гостиничных апартаментах поселились еще восемь его побратимов. Меня в свои планы террористы по-прежнему не посвящали и вообще держали в черном теле. Кое-что, однако, достигало

моих ушей — большей частью фрагменты телефонных переговоров. "Нэт!— кричал как-то раз Вздоев, довольно грамотно разыгрывая близость истерики. — Мы настаиваем на асобых условиях! В рамках пэрэгаворнага процесса мы вправэ трэбовать саблудэния пэрваначалной дагаваренности! Только прямой эфир! "

В один прекрасный день они вдруг заспешили. Быстро собрали баулы — в том числе и тот, где был спрятан я, и начали покидать номер по одному с интервалом в четыре-пять минут. Очутившись внизу, расселись в автомобили и ехали около получаса. Потом долго сидели безвылазно, в полной тишине: изучали обстановку, опасаясь подвоха. Наконец, осмелели, гуртом ввалились в какой-то зал, где их ждали и приветствовали с напускным радушием, за которым прочитывалось плохо скрываемое смятение; проследовали в скоростной подъемник под названием "лифт" и вознеслись наверх. Там мы ждали еще минут десять-пятнадцать, после чего распахнулась дверь и я услышал далекое балаганное приветствие:

"Добрый вечер, уважаемые дамы и господа! Пятница! В эфире — капитал-шоу "Поле Чудес"! Сегодня у нас необычная игра. Мы стараемся держаться от политики так далеко, как только возможно, но жизнь диктует свои правила, и быть свободным от общества нельзя. Сейчас, когда отношения с республикой Ичке-

рия вошли в переговорное русло, мы согласились с мнением чеченской стороны. Это мнение касается неоправданного запрета на участие непримиримой оппозиции в нашем шоу. Идя навстречу пожеланиям гостей, мы, вопреки нашим правилам, находимся сегодня в прямом эфире. Встречайте! Первая тройка игроков — в студию!! “

Тут я разлучился со Вздоевым, к которому, как оказалось, успел привязаться. Он остался за кулисами, а один из первых трех участников подхватил сумку, где я сидел, не смея пикнуть, и поставил уже в павильоне, под круглый стол с рулеткой. Так что я, никогда раньше не видевший ни одной телепередачи, мог хотя бы послушать, о чем идет речь, и получить представление.

Глупая чепуха довольно быстро нагнала на меня тоску. Боевики отгадывали слова, выигрывали призы, передавали с экрана приветы и дарили подарки ведущему. Игроки держались скованно, их лица были мрачны — это делалось ясно по их голосам. Каждому позволили хапнуть призовой телевизор, каждый передал угрюмый привет каким-то разбойникам, ставя в конце обязательное “Аллах амбар!” Ведущему подарили сперва бурку, затем — папаху, после — кинжал, пулеметные ленты, священную книгу Коран и опаленный войной неисправный гранатомет. К концу программы ведущий выглядел полным идиотом и, увешанный оружием, очумело пялился на колесо фортуны, где стрелка целеустремленно приближалась к очередному призовому сектору. Ребенку было понятно, что конферансье — разумеется, в рамках переговорного процесса — всячески облегчал участникам жизнь, подыгрывал и подсказывал самым бессовестным образом. Без особых затруднений в финал вышли трое — в том числе и Вздоев, игравший в третьей тройке. С чувством гордости за новоявленную державу были, в частности, угаданы слова “Чингисхан”, “выкуп” и “тринитротолуол”. Последнее назвал лично Вздоев — два его соперника замешкались, ибо не потрудились узнать, как же именуется то, что они с таким вдохновением и удовольствием взрывают.

Прамо сэчас мы прадэманстрырувм аружие агромной разрушитэлной силы, извэстное как Вий.

Победителем среди финалистов тоже сделался Вздоев. Ведущий с несвойственным ему завыванием осведомился, не желает ли тот сыграть в суперигру. Вздоев желал. Барабан провернулся, и вскоре был объявлен разыгрываемый приз: квартира в Москве. Тут Вздоева прорвало. “Да! — зарычал он, дрожа от темного, звериного вожделения. — Да! Квартиру в Москве!“ Вздоев не сомневался, что без него Москва бедна и неказиста. “Каменная куропатка! — объявил ведущий задание и лукаво подмигнул. — С учетом сложности вопроса разрешаю вам открыть три... нет, четыре буквы!“ ”Статуя!“— взревел Вздоев, ставя ударение на букву “у”. Даже я, убогий и неотесанный, с трудом подавил горький смешок, но шоумен — к моему изумлению — воскликнул: “Верно!!“, и товарищи Вздоева ответили торжествующим воем, воображая себе квартиру — новый перевалочный пункт для переброски взрывчатки и героина. Сам Вздоев усилием воли обуздал ликование, помня о главной цели телеспектакля. Упреждая ведущего, он вскинул ладонь и грозно зарокотал: “Адну минуту! Мы, являясь упалнамоченными Нэпримиримого Ваеннаго Совета, намэрены провэсти исключитэлную акцию и тэм дабится бэзагаворочнаго признания сувэрэнитэта рэспублики Ичкерия! Кромэ таго, нам нэабхадимы два миллиона долларов в сотенных купурах на вастанавлэние разрушэнной эканомики. Прамо сэчас мы прадэманстрыруем аружие агромной разрушитэлной силы, извэстное как Вий. Его взгляд срадни пылающему мэчу Аллаха, каторым тот карает нэвэрных. Паэтому лубой, на каго падет испэпэлающий взгляд Вия — дома, на работе, в кабаке — умрет нэ атхадя от тэлэкрана. Сматрите и трэпэщите!“ С этими словами

Вздоев стремительно нагнулся, выдернул сумку из-под стола, схватил меня за веки и рванул кверху. Однако злодейство его провалилось: началась свалка. Зрители, до сих пор визжавшие и рукоплескавшие, все до единого оказались переодетыми сотрудниками спецслужб; они повскакивали с мест, потрясая оружием, и немедленно открыли пальбу. Бахнула какая-то шашка, повалил дым, погасли софиты. Раненый Вздоев ослабил хватку, я упал навзничь и угодил точнехонько в сектор "приз". Мои веки были откинуты, я затравленно глядел в потолок. Наши со Вздоевым глаза встретились. Я не желал ему зла, я мог бы желать, будь я волен повернуть дело так или этак, но исход был предрешен. Взгляд финалиста остановился, челюсть упала, давая дорогу последнему выдоху, и секундой позже безжизненное лицо исчезло из поля моего зрения. Сил моих недоразвитых конечностей было достаточно, чтобы переворачиваться со спины на живот и даже ползком передвигаться. Пальцами левой руки я зажал ноздри, дабы уберечься от газа, правой оттолкнулся и перевалился через край стола, взмахнув в падении веками. Мне повезло: я плюхнулся на брюхо и сразу начал пятиться на четвереньках к двери, подметая веками пол. От меня со щелчками отскакивали горячие гильзы, но я, впервые увидевший возможность скрыться, не обращал на них внимания. Полз я мучительно долго, но суматоха вокруг все-таки позволила мне добраться до выхода незамеченным и перейти к спуску по лестнице. Я продолжал пятиться, шлепаясь со ступеньки на ступеньку, и вот миновал один этаж, другой... наконец, мне показалось, что стоит рискнуть и заняться поисками убежища. Я был не настолько глуп, чтобы сразу покинуть здание, которое давно оцепили тройным кольцом автоматчиков. Мне нужно было где-то пересидеть сутки или больше — я не знал, сколько. В коридоре, куда я свернул, времени на тщательную разведку не было, я ткнулся в первую попавшуюся дверь и очутился в прохладном, пахнущем хлоркой помещении с кабинками. Мне снова повезло: не успел я проползти и нескольких метров, как дверь за моей спиной распахнулась и кто-то вошел, безмятежно насвистывая. Я, не давая ему времени испугаться, поспешно забубнил наспех состряпанное обращение: "Прошу вас, пожалуйста, спрячьте меня, я безобиден, только не смотрите мне, ради Бога, в глаза, это смертельно опасно. Я все вам объясню, но сначала, заклинаю вас, спрячьте где хотите. Я сделаю для вас все, что в моих силах, я являюсь редким, ценным существом, и вы на этом наверняка сможете хорошо заработать".

Вошедший, выслушав мои слова, сел на корточки и осторожно коснулся моей шкуры пальцем. Во мне зажглась надежда. "Заверните меня в веки, — попросил я скороговоркой, — не спрашивайте ни о чем, просто заверните — и помните, ни в коем случае нельзя смотреть в глаза". Незнакомец после секундного колебания сделал выбор. Он не только укрыл меня веками, но обернул впридачу пиджаком и взял под мышку. Так завершился первый период моего жития — горстка лет, исполненных бессилия, и наступил период второй, сопряженный с тяжкими размышлениями и поиском правды, но все равно несравнимо лучший. Я про то, конечно же, не знал и только отмечал непривычно бережное к себе отношение. Меня, не смысля ни капли в том, что я собой представляю, несли как хрупкую драгоценность. Я попал в руки скандально известного отца Игнатия Хоронжина, не так давно лишенного сана за неуемное вольнодумство.

Отец Игнатий относился к счастливому меньшинству людей, которые, сочтя свое детство самым интересным, что только могло приключиться с ними в жизни, решили воздержаться от дальнейшего роста. Занят он был обычно тем, что совал свой нос в дела, совершенно его не касающиеся. Где бы он ни оказывался, всюду носился как ракета, без умолку трещал, перескакивая с пятого на десятое и мешая сугубо мирские понятия с невнятными мистическими сентенциями, отражавшими его личный опыт. На последние, хоть и скрепя сердце, но худо-бедно закрывали глаза в церковной среде, куда, кстати сказать, отец Игнатий сунулся тоже по молодой глупости, из любопытства, а после неожиданно увлекся. Но не стерпели, когда он начал излишне рьяно пользоваться церковными догмами в мутной политической болтушке, проводя демократическую линию — тоже во многом противную православию. При первых признаках потепления он понял участие в политических баталиях как долг перед Всевышним, добавил ночной сновидческой мистики и с той поры не пропускал ни одного общественного шабаша, который удостаивался чести быть заснятым на пленку. Он размахивал кулаками, лез в рукопашный бой, ехидничал и ерничал, вникал в любой, пусть самый ничтожный предмет, завладевший его вниманием — и все это кипело под флагом абсолютно не свойственного эпохе романтизма. Терпение от-

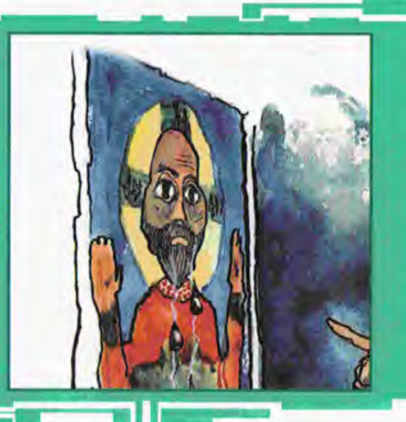

Зрители, до сих пор визжавшие и рукоплескавшие, все до единого оказались переодетыми сотрудниками спецслужб.

цов-настоятелей лопнуло. Все хотели сделать по-тихому, но Игнатий не замедлил разжечь свару и ославился на всю страну. Лишившись сана, продолжал разгуливать в рясе, за исключением редких дней — вроде того, счастливого для меня, когда был на нем упомянутый пиджак. Иначе бедному расстриге пришлось бы прятать меня именно под рясой, на животе — и, таким образом выглядя как бы на сносях, отец Игнатий мог бы дополнительно быть обвиненным в распространении ереси, ибо намекал бы округлым пузом на андрогинность Христа.

Игнатия Хоронжина привело в телецентр вполне заурядное дело: он принимал участие в какой-то бесконечной дискуссии. Съемка закончилась, и батюшка, вернувшись на землю, поспешил по нужде. Завладев мною, он пришел в неописуемый восторг. Игнатий — человек просвещенный — сразу понял, с кем свела его судьба, и, к чести его будет сказано, ни на секунду не усомнился в моих способностях. На выходе из здания его попытались задержать и подвергнуть досмотру, но батюшка поднял такой неприличный шум, что его мгновенно опознали и не стали связываться. Отец Игнатий сел за руль "жигулей", меня же положил рядом, на переднее сиденье, что было мне чрезвычайно лестно. Я растрогался и не смог сдержать слез благодарности, а потому, будучи обычным образом спеленат, сделался мокрым весь, словно ненароком обмочился. "Пустое, добрый человек, — успокоил я встрепенувшегося было батюшку. — Кем бы вы ни были — я рад встрече с вами". Игнатий тоже вконец разволновался, проехал нужный поворот и из-за этого долго потом кружил и петлял.

Впервые в жизни моя кожа беспрепятственно дышала. Глаза прикрылись очками с простыми стеклами, сплошь замазанными черной краской.

Он привез меня к себе на квартиру. Едва войдя, с неподдельной заботливостью он спросил, не голоден ли я. Я сознался, что да, и даже очень. Тогда опальный слуга Господа осторожно осведомился, что именно я ем. Я назвал ему несколько любимых кушаний, которыми потчевала меня покойная матушка, и он был в замешательстве. То ли он вообще не имел понятия о названных продуктах, то ли не знал, как их следует приготовить. "Поставим вопрос иначе, — молвил поп после паузы. — Не вредна ли тебе обычная человеческая пища?" Я ответил, что точно сказать не могу, ибо в течение последних недель питался в обществе мелкого домашнего скота и то, что давали парнокопытным, мне не повредило. Тогда на свой страх и риск мой спаситель накормил меня яичницей. Судя по волнам, которые от него исходили, он с ужасом ждал последствий, но все обошлось хорошо. Меня разморило, но батюшка сгорал от нетерпения, и я почувствовал, что просто обязан насытить его мальчишеское любопытство. Он обрушил водопад вопросов — некоторые из них были совершенно непонятны. Я по мере разумения отвечал, сонно и томно. Отец Игнатий ахал, метался по комнате, хватал и тут же бросал телефонную трубку. Наконец, он и сам порядком изнемог. Повисло долгое молчание. И я, не заснувший единственно по той причине, что давний и крайне важный вопрос продолжал меня жечь, с замиранием сердца спросил: кем я, по мнению батюшки, являюсь и на что могу рассчитывать в откровенно недружественном мире. Тот смутился и ответил не сразу. "Твой интерес понятен, — сказал он в конце концов. — По двум причинам я не могу ответить прямо сейчас. Во-первых, ты, к сожалению, слишком сер и неразвит, чтобы воспринять некоторые важные понятия. Во-вторых, я и сам покуда не вполне в тебе разобрался, и мне понадобится время. Впрочем, как первое, так и второе с Божьей помощью поправимо. Сегодня отдыхай, а с завтрашнего дня я займусь твоим образованием".

Так оно и вышло. Энергии отца Игнатия хватило бы на несколько семинарий и парочку духовных академий. Я с трудом выдерживал заданный темп, и только память о прожитых в невежестве и душегубстве годах умножала мои силы. Учитель начал — что вполне понятно и простительно — со Святого Писания, но по ходу дела не забывал и о других предметах — тех, в которых был мало-мальски сведущ. Я знакомился с мировой литературой, философией, психологией и историей — последней больше применительно к астрологии и алхимии. Конечно, много было и политики — порой чересчур. Страсть к преобразованию мира и приближения его к заветному идеалу еще не угасла в батюшке. Его ежедневно посещали различные деятели, по мне — все на одно лицо, хоть я не видел лиц. Особо надежным батюшка показывал меня, что в конце концов привело к печальному финалу, но о том — позже.

Внутренне я сильно изменился, но главное по-прежнему таилось за семью печатями. Мой дар не позволял мне числить себя среди простых смертных — стало быть, все их мерки тоже не очень мне подходили. Дело было не в физиологии. Что до нее, то связи отца Игнатия оказались довольно обширными: в первые же сутки меня с головы до пят обследовали доверенные медики не ниже профессора рангом. Из меня от-

сосали пробы всех имевшихся жидкостей, там и сям отстригли и выбрили, проверили счетчиком Гейгера, сняли не меньше двух десятков всевозможных "грамм". Результаты ясности не добавили: химические процессы, присущие мне, и внутреннее устройство не имели аналогов, но тем не менее умещались в рамках современных естественнонаучных взглядов. После того, как меня в сотне ракурсов запечатлели на фото- и видеопленке, последовало предложение: мне рекомендовали подвергнуться косметической операции, которую, ввиду исключительности дела, готовы были произвести бесплатно. Я раздумывал недолго и дал согласие. С веками пришлось повозиться, так как обнаружилось, что они суть не просто кожа, но соединены с глазницами суставами. Поэтому эскулапы в течение нескольких часов вылущивали, ушивали и шлифовали, а веки поместили в спирт и свезли в какую-то кунсткамеру.

Впервые в жизни моя кожа беспрепятственно дышала. Глаза прикрылись очками с простыми стеклами, сплошь замазанными черной краской. "Вылитый Абадонна! "— крикнул отец Игнатий, когда дело было сделано. Я не понял, и он объяснил, а чуть позже и прочел немало интересного об этом типе и тем прибавил мне забот — что, если правда? Впрочем, батюшка называл меня всяко: чаще всего размягченно и трепетно мычал: "Ча-а-до!" — при этом, восседая на диване, он обнимал меня своими ручищами и раскачивался из стороны в сторону.

Нимало не настроенный на высокопарный лад, отец Игнатий шутил, делал мне козу и предлагал соску, а я в ответ, стоило нам с кем-нибудь поравняться, подавал голос и басом изрекал нечто глубокомысленное.

Не помню уж на какой стадии моего просвещения отец Игнатий заключил, что я уже достаточно развился и могу посетить Божий храм. Он всерьез подумывал меня окрестить, тогда как я не был уверен в такой уж необходимости этой процедуры. Мы отправились, специально выбрав час, когда храм был почти пуст — Игнатий намеревался устроить пробную, так сказать, экскурсию и взвесить мою склонность к религии на месте. Мы смотрелись забавно, потому что батюшка катил меня в детской коляске. На первых порах я был вынужден прогуливаться именно в ней, так как заказанное кресло на колесах, с моторчиком, еще не успели изготовить. Здесь санкционированная свыше богооставленность Игнатия сыграла ему на руку: хорош бы он был в рясе, толкающий коляску перед собой! Но, лишившись сана и надевая рясу в мирских учреждениях, в церковь он ходил как простой мирянин.

Мы были в превосходном настроении. Нимало не настроенный на высокопарный лад, отец Игнатий шутил, делал мне козу и предлагал соску, а я в ответ, стоило нам с кем-нибудь поравняться, подавал голос и басом изрекал нечто глубокомысленное. Учитель помирал со смеху, а я не останавливался и сосредоточенно гугукал, чем доводил озорного батюшку до колик. Дул холодный ветер, верх коляски был поднят. Глядя поверх очков, я мог видеть брюхатые тучи, которые раздраженно и неуклюже спешили куда подальше. Я не мог отделаться от чувства, что бег их так или иначе вызван страхом перед робким, доверчивым взглядом диковинной твари, с высоты тучьего полета казавшейся даже не букашкой, а точкой.

Добравшись до места, мы выждали немного, дабы настроение наше стало более торжественным. Отец Игнатий взял меня на руки, скрыв, как мог, мое лицо в пеленках, усадил на согнутое левое предплечье, словно обезьянку, и перекрестился правой рукой. Мы вошли внутрь. Было прохладно, сумрак вкрадчиво дышал ладаном. Отец Игнатий следил за мной, пытаясь определить, какого рода воздействие оказывает на меня сей запах. Удостоверившись, что ни малейшего воздействия нет, он приобрел свечку и направился к какому-то образу. Оглянувшись несколько раз по сторонам, Игнатий шепотом велел мне снять очки и взглянуть на икону. Народа в храме было мало — несколько человек, понуро стоявших вдалеке от нас. Я осторожно высвободил тонкую, слабую лапку и снял очки. Огонь свечей не был ярок, но глазам все равно потребовалось время, чтобы привыкнуть. Наконец я смог различить двухмерное маслянистое лицо. Святой, воздев персты, строго и многозначительно взирал на меня. Но так продолжалось недолго. Две вещи случились одновременно: над моим ухом ахнул отец Игнатий, а по суровому лику потекли прозрачные сверкающие струйки. Учитель резко развернул меня лицом к себе, и я чуть не опоздал с очками — замешкайся я на секунду, он упал бы, опаленный моим бессмысленным гневом. "Образ прослезился", — молвил отец Игнатий благоговейно и стал отступать к выходу, не сводя глаз с плачущей иконы. Я понимал, что произошло нечто необычное, но переживал что-то похожее на сожаления щенка по поводу сделанной лужи. Мы покинули церковь и по пути домой не сказали друг другу ни слова. Дома отец Игнатий осторожно высадил меня на диван, сам же сел напротив, закинул ногу на ногу и погрузился в раздумья. Я

угрюмо созерцал паркет, механически отмечая покачивание батюшкиной туфли. Наконец Учитель очнулся и произнес: "У меня есть только одно объяснение. Ты наделен редчайшей, губительной способностью проникать в суть вещей. Иными словами, ты можешь видеть в человеческих душах самое главное, самое сокровенное — то, что все без исключения стремятся скрыть от посторонних. Человек устроен так, что не в силах вынести вторжения в тайные глубины. Он защищается инстинктивно, и не в его власти самостоятельно решить, открыться ему или оставаться в убежище. Ты же своим взором ломаешь все барьеры и вытаскиваешь его достояние наружу, чего никто не способен стерпеть". "Почему же тогда я там, внутри, ничего не вижу?" — спросил я в недоумении. Игнатий негромко отозвался: "Да, это вопрос. А ты уверен, что и вправду не видишь? ни капельки?" "Совсем не вижу, — я печально покачал головой. — По-моему, там ничего нет и никогда не было". Батюшка перекрестился. "Возможно, тебе и не надо понимать, что ты видишь, — предположил он. — Возможно, хватает одного

Я выехал, сидя в прекрасном, безотказном креслице с моторчиком и колесами.

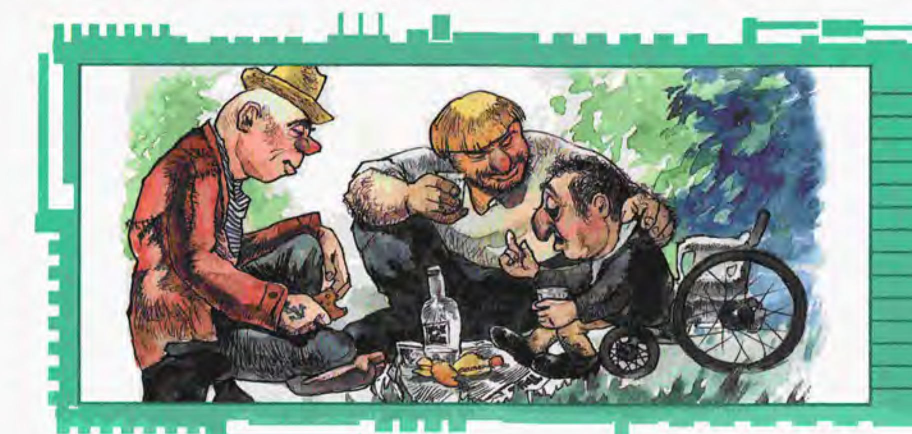
лишь проникновения как такового. Тот, на кого ты смотришь, ощущает, что пробита брешь, и ему этого чувства достаточно, чтобы проститься с жизнью". Я мог бы пожать плечами, но не был приучен к такому жесту и только неопределенно взметнул кустистые брови. "Как же поступим с крещением? "— спросил я осторожно. "Боюсь, что никак, — это признание далось отцу Игнатию с видимой мукой. — Я не нахожу в себе отваги стать духовным отцом личности, которая может заставить икону заплакать". "Получается, что все-таки я не здешний? — допытывался я. — Не вашего племени, не ваших богов? " "По образу и подобию, как и все мы", — отец Игнатий даже повысил голос, но за напускным гневом я слышал растерянность и сомнение. Добрый Учитель не желал меня огорчать; я понял, что нет смысла возвращаться к этой теме впредь, и жизнь наша пошла своим чередом. Разве только народилось непонятное убеждение в обязательном скором конце всей этой идиллии. А пока я продолжал совершенствоваться в науках.

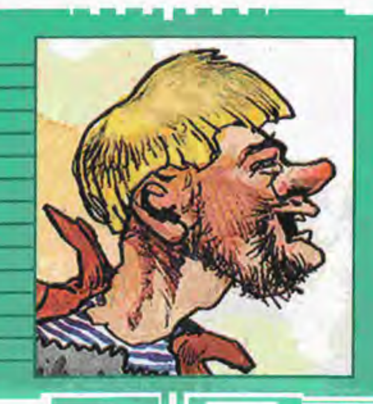
В один прекрасный вечер отец Игнатий читал мне, как обычно, Писание — мы добрались до пророка Исаии. Я, внимавший ему поначалу довольно равнодушно, вдруг услышал нечто, ужалившее мое ухо подобно ловкому насекомому: "... Но ты отринул народ Твой, дом Иакова, потому что они многое переняли от востока: и чародеи у них, как у филистимлян, и с сынами чужих они в общении". "Как-как? — переспросил я. — Что это за сыновья чужих, Игнатий? "Он ответил мне с подозрением в голосе: "Бог их ведает. Возможно, какие-то Моавитяне или кто еще. А в чем дело?" Я отстраненно пробормотал: "Но зачем они помянуты наравне с чародеями? Не об одном ли и том же грехе идет речь? Я имею в виду общение с волшебниками и... с кем-то вроде них". "Эк куда тебя заносит! — удивился батюшка и полез в какие-то комментарии. — Ничего не сказано, — сказал он разочарованно, перелистав с сотню страниц. — Но я обязательно разузнаю у наших грамотеев". И он стал читать далее, но я слушал невнимательно.

Надо признать, что течение наших занятий несколько изменилось. Я больше не был пассивным слушателем и часто своими вопросами ставил Игнатия в тупик. Он же, не зная, как ответить, раздражался и указывал, что я волен сочинять что угодно — все равно о высших предметах ничего нельзя сказать наверняка. Тогда я прекращал расспросы и начинал именно, как он выражался, сочинять: что, к примеру, будет в конце времен, когда Бог обнажит все сущности, если даже мой взгляд валит людей с ног. Не иначе как придется Создателю закрыть глаза на все прегрешения и, не вникая в дело, простить всех скопом (я был приятно удивлен, услышав, что я не первый высказываю по-

добную ересь и можно назвать целые течения, приверженцы которых мыслят соответственно).

Пожалуй, мне нет смысла излагать свои богословские соображения. Все равно я — не знаю уж, каким чутьем — понимал, что все это — не мое, а значит, какая разница, что я там выдумал? Время шло, и у меня не оставалось сомнений в скором прощании с гостеприимным домом. И вот произошел инцидент, о котором я выше обещал рассказать. Представитель одной из политических партий, бесстыдно использовавший доверчивость моего благодетеля и всячески маравший его доброе имя на своих поганых митингах, исхитрился пронюхать о моем существовании и явился ко мне с наглым, развязным требованием поддержки во всех начинаниях. То был первый случай, когда я, по причине общей усталости от жизни, сознательно, ничуть не ощущая себя грешником, выпустил джина на волю. "Я надеюсь, что мы вместе, рука об руку, смело взглянем в глаза нашим проблемам", — заявил этот напыщенный болван. "Ваша проблема — это лично вы как особь, — возразил я ему. — Вы хотите, чтоб я взглянул вашим проблемам в глаза? Отлично, я готов". Когда прохиндей с разорвавшимся сердцем грохнулся об пол, мы с Игнатием осознали без слов, что дружба дружбой, а табачок — врозь. Учитель страшно боялся задеть мои чувства и не смел указать мне на дверь, однако и терпеть губителя в собственном доме не желал. Я облегчил ему жизнь, покинув квартиру на рассвете, не обмолвившись о своих планах ни единым намеком. Мне остается лишь надеяться на мудрость батюшки — да не позволит ему его Бог ожесточиться и обидеться.

Я выехал, сидя в прекрасном, безотказном креслице с моторчиком и колесами. Оно было так устроено, что даже по лестнице я мог в нем спуститься без всяких хлопот. Я был одет вполне цивилизованно, и мое появление на улице никак не могло породить переполох — ну, урод, ну, урод редкостный, каких мало — только и всего. В руках я сжимал тонкую легкую трость, выкрашенную в белый цвет: надо же было как-то объяснить темные очки, да и дорогу мне уступали и помогали всячески, стремясь добрым поступком искупить свое невольное отвращение. Я не имел ни малейшего представления, куда направляюсь, и полностью положился на интуицию. Она-то и привела меня на вокзал, где я въехал в захарканный тамбур электрички.

Устроившись в отведенном для инвалидов тесном закутке, прообразе возможного гетто, я сделал попытку полностью отключиться и мысленно унестись в никуда. Поезд тронулся, и тут же мне стало ясно, что воспарить над реальностью не удастся. По вагону без конца шастали какие-то коробейники, и за полчаса езды я потерял им счет. Были косноязычные газетчики ("Веселый поршень"— издание для мужчин, можно подержать, полистать и даже приобрести), продавцы мыла и мороженого, ряженые калеки, контролеры (ко мне не подошли), проповедники и пилигримы. Они так мне осточертели, что я готов был лишиться последнего уха — лишь бы не слышать их околесицу. "Может быть, зыркнуть?" — всерьез подумывал я. Тут в очередной раз простучало слева (я сидел возле раздвижных дверей), и краем глаза я зафиксировал наличие в вагоне двух безобразных размалеванных клоунов. Подобно огнедышащим драконам, они гнали впереди себя убийственную сивушную волну. Тот, что повыше ростом, стриженный под горшок, был при гармошке, а его апоплексический напарник угрожающе помахивал треснувшей балалайкой. Дылда резко поклонился, откинул упавшие на глаза соломенные волосы и заревел: "Граждане пассажиры! Извиняйте за очередное беспокойство! Мы — бедные инопланетяне, наш корабль потерпел аварию, и нам нужны средства на капитальный ремонт! Кто чем может — помогите, а мы за это исполним для вас композицию "Звездная братва"! "Гармонь расползлась, и гастролеры заблажили что-то столь же боевое-блатное, сколь и нескладное. Никто не обращал на них внимания, но многие просто делали вид, что не замечают, так как, стоило артистам откланяться и пойти с протянутой шляпой, в последнюю кое-что нет-нет, да и падало. А меня их концерт чрезвычайно возмутил — трудно сказать, чем конкретно. Вероятно, мне стало обидно, что вот же бродят иные уроды по жизни и не видят в том ничего зазорного, и даже довольны. Я завел моторчик, выехал из укрытия и пустился в погоню. Пока я ехал, в меня летели медяки и ветхие мелкие купюры.

Мне никак не удавалось обогнать разухабистую парочку и развернуться, из вагона в вагон повторялась одна картина: я, раздраженный, маюсь в тамбуре и жду, когда они соизволят двинуться дальше, а шуты гороховые между тем продолжают паясничать. Я видел их со спины: мерзавцы ломались и изгибались, топая сбитыми сапогами. Меня бесило в них решительно все; когда мы добрались до головного вагона, я чувствовал себя готовым на что угодно. Парочка вы-

катилась на перрон, я соскользнул следом. "Эй, постойте-ка!" — крикнул я звонким, гневным голосом. Скоморохи оглянулись и замедлили шаг. Вид у них был снисходительный(я сужу исключительно по видным мне ногам, небрежно раскоряченным). "Инопланетяне, да? — спросил я, подъезжая. — Тарелка разбилась?" "Да нет, целехонька, — насмешливо отозвался тот, что был пониже. — Желаете взглянуть?" "Очень желаю взглянуть", — сказал я в ответ и снял очки. Теперь я убивал сознательно, без тени сожаления и вполне, как я считал, свободно в смысле воли. И тут случилась едва ли не самая фантастическая вещь в моей жизни: никто не рухнул, оба стояли живые и невредимые. Лица их и вправду выражали насмешку. "То есть как это? — пробормотал я, не веря своим глазам. — Но это невозможно! Этого не может быть!" С физиономии дылды слетела улыбка. Он протяжно свистнул и шлепнул компаньона по заду, выбив облачко пыли. "Никак, нам поверили!" — изумился он и шагнул мне навстречу. Я вовремя заметил, что так и сижу без очков, а перрон отнюдь не безлюден — я поскорее усадил на нос свой траурный велосипед и

Граждане пассажиры! Извиняйте за очередное беспокойство! Мы — бедные инопланетяне, наш корабль потерпел аварию, и нам нужны средства на капитальный ремонт!

быстро предложил: "Нам просто необходимо отправиться в какое-нибудь укромное место и все обсудить. Я очень рассчитываю, что вы не будете против". Они не возражали, и несколькими минутами позже мы удобно расположились в очаровательной рощице — хотя мне, привыкшему к буйному генетическому разнообразию, она показалась слишком однородной.

"... Так вот и живем", — высокий с хрустом потянулся и жизнерадостно осклабился. "Да, — подхватил его товарищ (имен их, чересчур замысловатых, я не помню). — Публика здесь, правда, ужасно равнодушная — абсолютно никто не задумывается над нашими словами. Глаза пустые, ни следочка мысли... Но, заметьте, подают! А мы то там прошвырнемся, то здесь — глядишь, на жизнь и соберем. Ну, еще статейки посылаем — в "Аномалию", "Мегаполис-экспресс", "НЛО". Берут охотно".

Я плохо воспринимал их россказни, важнее прочего для меня было уяснить, почему они остались в живых. Этот вопрос обжигал мне язык, я задал его при первом же просвете в сплошном потоке их болтовни.

Поначалу они не могли взять в толк, о чем идет речь. Я в изнеможении растянулся на траве — неужели придется рассказывать все, начиная с рождения и даже раньше? Но чужие сыны — нет сомнений, что то были они — проявили живейший интерес к моей беде, и я приступил к изложению основных событий. Где-то в середине рассказа высокий хлопнул себя по лбу: "Э, да это же совсем просто! Вы попросту ломаете скорлупку, а в вашем мире это действие ведет к необратимым последствиям". Видя глупое выражение моего лица, он пояснил: "Ну, вся штука в том, что ваше божество, которому иногда — весьма проницательно — приписывают свойства Ничто, любит рядиться и рядить все разумное в материальные одежды. Вы когда-нибудь видели, как разбивается лампочка? Здесь что-то похожее: вы с вашим взглядом пробиваете брешь, и внутренний вакуум мгновенно заполняется то ли энергией, то ли уже материей. Мы, в отличие от вас, сделаны из другого теста. Наш главный любит наоборот: чтоб содержание было, а форма — нет. Мы двое... как бы это назвать... — дылда пощелкал в затруднении пальцами, — нечто, скажем, среднее между йогами и безнадежными наркоманами... нам, короче говоря, нравится обретать форму так же, как некоторые из ваших озабочены поисками сути. Но в нашем мире таких фокусников не жалуют, вот мы и свалили сюда. Здесь нам совсем не плохо, и мы подумываем, не остаться ли с вами насовсем". "Стало быть, у ваших нет никаких пустых скорлупок? — произнес я медленно, пытаясь переварить. — Нет скорлупок, формы... одно содержание. Но... тогда —

дет рад меня усыновить. "Не печалься! — они ударили меня по спине. — Мы, пожалуй, дадим тебе корабль. Нам он больше ни к чему, мы точно решили остаться. Ты можешь лететь на нем куда угодно и сколько угодно, хоть всю жизнь. Глядишь, и встретишь где-нибудь своих — кто знает! "

Я задумался и долго молчал, не торопясь с ответом. Внутренний голос нашептывал мне, что должно же найтись во Вселенной нечто, отличное от пустых форм и бесплотных сущностей. Я поднял глаза к небу и увидел там плод необычной игры природы: зыбкий, сверкающий круг света. "Что там за знамение? "— спросил я у пришельцев, показывая на небеса. Те пожали плечами. "У знамений тысячи толкований, — сказал высокий. — Так что выбирай себе любое". "В самом деле, — подумал я. — Почему я обязательно должен оказаться не прав?" А вслух я сказал им: "Лечу", и зашвырнул в крапиву темные очки. Меня перестало заботить, лопнет ли моими стараниями очередная пустышка, или опять подвернется какой-нибудь неоформленный гуманоид.

Доморощенные еретики отвели меня к своему ко-

...вы с вашим взглядом пробиваете брешь, и внутренний вакуум мгновенно заполняется то ли энергией, то ли уже материей.

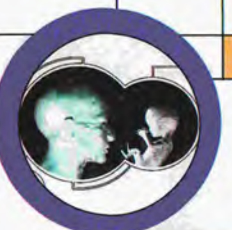
как же?" — я указал на них пальцем, потом для верности ткнул им в балалайку. "Мирская практика, — сказали они хором. — Аналог того, что у вас именуют практикой духовной. Вот, глядите", — с этими словами они сняли шляпы, сбросили парики, затем — сами головы, и под конец вовсе рассыпались: передо мной валялось рваное шмотье, и больше ничего. "Подождите, не исчезайте! — вскричал я. — У меня еще остались кое-какие вопросы". Разбросанные как попало штаны, сапоги и рубахи плавно взлетели, головы наделись на шеи. Я восхищенно отметил, что они поменялись местами. На плечах коротышки скалилась патлатая голова дылды, а шишковатый коротышкин череп со всеми своими мясными щекастыми излишествами блаженствовал на двухметровой высоте. "Видишь, как здорово? — обратился ко мне длинный гибрид. — У нас за такое заработаешь по онтосу. Дескать, и ересь, и неприличие, и даже есть статья в уголовном кодексе".

Мы задушевно беседовали еще около часа и немного выпили — что до меня, то я пил впервые в жизни, а они, похоже, занимались этим с самой высадки на Землю. Я слегка охмелел и стал жаловаться на одиночество: из их рассказов вытекало, что хоть они и чужие сыны, да мне не братья, и их папаша вряд ли бу-

раблю, спрятанному в овраге. Я поинтересовался, как им управлять, но маленький беспечно махнул рукой: "Там есть книжка, где все написано. Не тревожьтесь — справится каждый дурак". Они подхватили меня прямо с коляской и внесли в открывшийся проем. Панель за моей спиной опустилась: слишком, на мой взгляд, поспешно — возможно, в глубине души они жалели корабль и боялись передумать.

Я направил его в самый центр небесного круга и вылетел в черную ночь, словно цирковой лев сквозь пылающий обруч. Облеченный знаниями, которые ни капли мне не помогли в самом главном, я неохотно признавал, что вряд ли мое странствие увенчается успехом. Меня отовсюду прогнали, меня никто не хотел знать за то, что я по чьему-то капризу сочетал в себе и форму, и суть — чересчур ужасные, чтобы вынести их соседство. И все же, почти не сомневаясь в плачевном исходе, я продолжаю искать приключений на свою голову, гляжу в стекло иллюминатора и вижу все ту же пустоту. Ее маскирует лишь одно — мое прозрачное отражение.

Июнь-август 1997

С А. ПАВЛЕНКО

ТЕ, КТО СТРЕЛЯЕТ БЕЗ ПРОМАХА

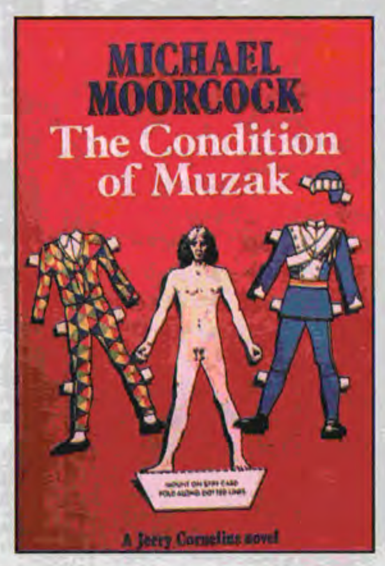

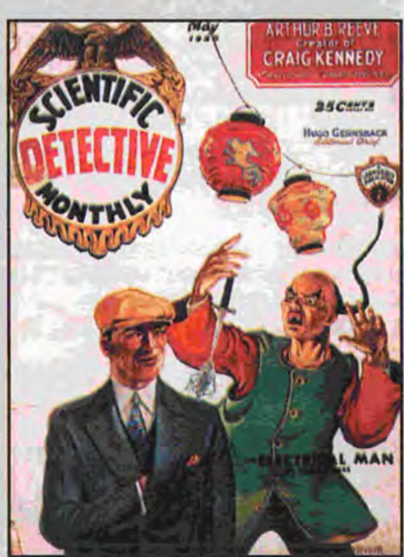
Мускулистый парень в мире научной фантастики — как дома. Он пришел сюда из сопредельных ментальных пространств hard boild detective story и вестерна, но был принят, как родной. Халтурщики от НФ сразу же полюбили его за немногословность и скорострельность.

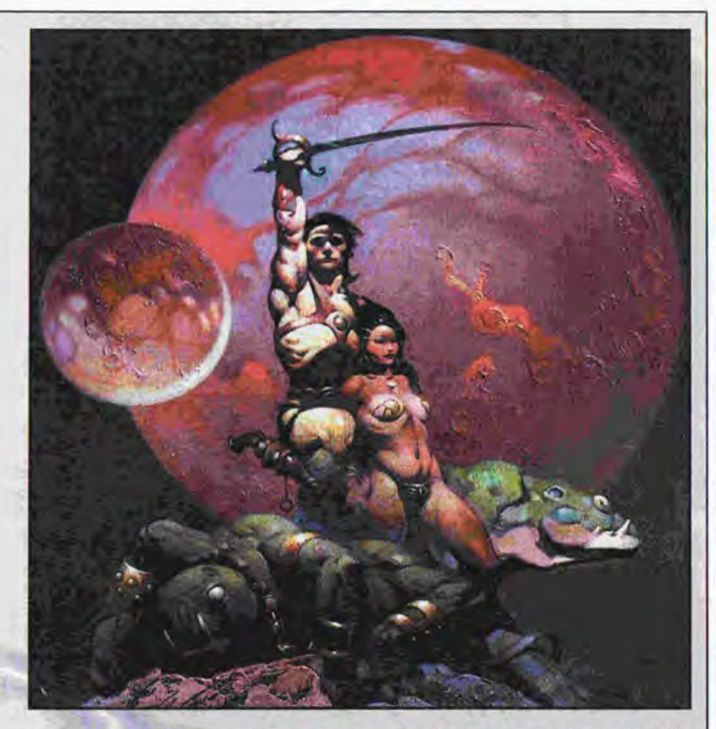
К тому же, рассказывая о его подвигах, можно не ломать головы над поиском оригинальных фантастических идей. Все клише давно заготовлены, проверены временем и отполированы до немыслимого совершенства.

Ну, с вестерном все ясно: “страна Мальборо” сериями порождает крепких парней в пылающих седлах. Все они молчаливы, слегка утомлены, вооружены и очень опасны. Прищурившись, как Клинт Иствуд, они ровно в полдень шагают по пыльным улицам безымянных поселков Дикого Запада, и их пальцы подрагивают в сантиметре от полированной рукоятки верного кольта. Good guys против bad boys — эта песня стара, как книги Брета Гарта. Заменив кольт на бластер и пересев с коня на звездолет (с усталой иронией его именуют не иначе, как “консервная банка”), честный ковбой, “хороший парень”, уже восемьдесят лет носится по страницам pulp fiction, и привокзальные киоски всех городов мира битком набиты дешевыми покетбуками с описанием его приключений.

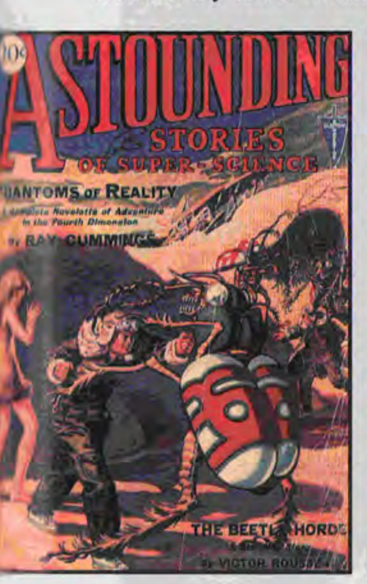
Одним из первых “парней” фантастики был неотразимый Джон Картер, с мечом в руках метавшийся по нейтральной территории между фэнтези и научной фантастикой и разивший зеленомордых многоруких марсиан прямо-таки десятками и сотнями. Как он попал на Марс? Э. Р. Берроуз даже не затруднился объяснить это. Ну, попал и попал. Главное, чтобы было интересно. Где-то совсем рядом с ним — чуть в сторону horror, но не очень далеко — геройствовал Коннор из Киммерии (Киммерия — это между Судаком и Коктебелем, там сейчас нудисты отдыхают), прозванный за свои подвиги Варваром и с 1982 года, после удачной экранизации книги Р. Говарда силами дзен-фашиста Дж. Миллиуса, получивший австрийский акцент Арнольда Шварценеггера. А собственно научную фантастику ковбой осваивал под псевдонимом Северо-Западного Смита, персонажа блестящих новелл. Наверное, нет на свете ни одного фантаста из “поколения дешевых журналов 30-40-х годов”, который не написал хотя бы одного рассказика с космоковбоем в качестве главного героя... Не удивительно, что в конце концов наступила реакция и читателей начало просто тошнить от приключений простых и суровых парней с лучеметами. Как противоядие была предложена пародия, вышучивающая героев космических трасс. Начал пародийную ли-

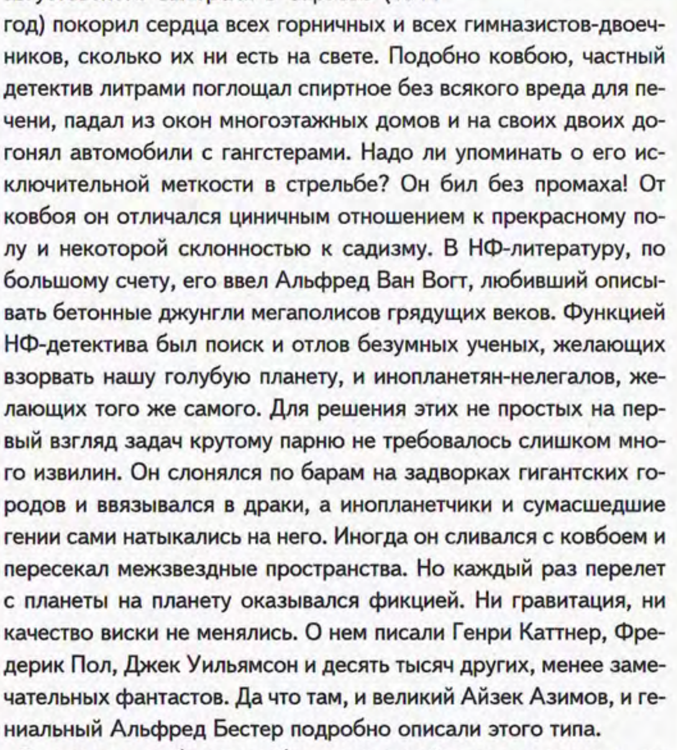

нию еще в сороковые годы сам Эд Гамильтон, король НФ-халтуры и автор канонического текста SF pulp fiction "Звездные Короли", но подлинной виртуозности достигли Гарри Гаррисон в "Звездорубах" (позже переименованных в "Билл — Герой Галактики") и Роберт Шекли в бесчисленных саркастических рассказах. Когда в шестидесятые годы поднялась "новая волна" и Англию "свело судорогой НФ", о стрелках в скафандрах забыли. На фоне "грязной войны" во Вьетнаме ни читатели, ни писатели не воспринимали всерьез мускулистого мачо с молниеносной реакцией. Лишь одинокий и романтичный Роберт Хайнлайн пел славу храбрым ребятам с нашей планеты... и сам стал объектом достаточно злых шуток со стороны молодых фантастов. Главный НФ-хулиган того времени Норман Спинред вбил (как ему казалось) крест в могилу звездного ковбоя романом "Люди в джунглях", где показал межгалактических авантюристов провокаторами и профессиональными предателями, а сексоман Филип Жозе Фармер в цикле о лорде Гандрите (известном также как Тарзан) поведал нам о навязчивом эротизме и половых извращениях простодушного на первый взгляд героя. Однако прошли годы, и старый знакомый в поношенном скафандре и с бластером наизготовку вновь возник на нашем пороге. Он вернулся в

ореоле постмодернистской невинности и сразу же возглавил списки бестселлеров. Но прежде чем говорить о современной версии мускулистого НФ-героя, мы должны совершить прыжок в прошлое, к самому началу истории НФ и отследить эволюцию "славного парня" в его "городской" модификации.

Младший брат ковбоя был порожден неуемной фантазией пресс-агентов детективного бюро Ната Пинкертона и еще до августовского выстрела в Сараево (1914 год) покорил сердца всех горничных и всех гимназистов-двоечников, сколько их ни есть на свете. Подобно ковбою, частный детектив литрами поглощал спиртное без всякого вреда для печени, падал из окон многоэтажных домов и на своих двоих догонял автомобили с гангстерами. Надо ли упоминать о его исключительной меткости в стрельбе? Он бил без промаха! От ковбоя он отличался циничным отношением к прекрасному полу и некоторой склонностью к садизму. В НФ-литературу, по большому счету, его ввел Альфред Ван Вогт, любивший описывать бетонные джунгли мегаполисов грядущих веков. Функцией НФ-детектива был поиск и отлов безумных ученых, желающих взорвать нашу голубую планету, и инопланетян-нелегалов, желающих того же самого. Для решения этих не простых на первый взгляд задач крутому парню не требовалось слишком много извилин. Он слонялся по барам на задворках гигантских городов и ввязывался в драки, а инопланетчики и сумасшедшие гении сами натыкались на него. Иногда он сливался с ковбоем и пересекал межзвездные пространства. Но каждый раз перелет с планеты на планету оказывался фикцией. Ни гравитация, ни качество виски не менялись. О нем писали Генри Каттнер, Фредерик Пол, Джек Уильямсон и десять тысяч других, менее замечательных фантастов. Да что там, и великий Айзек Азимов, и гениальный Альфред Бестер подробно описали этого типа.

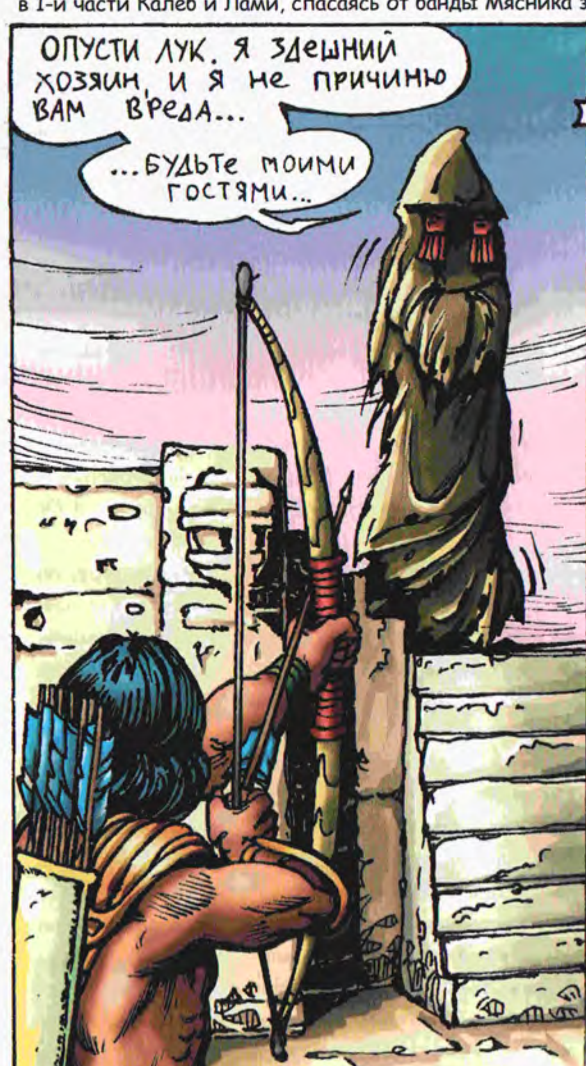
В отличие от брата-ковбоя, городской стрелок никогда не выходил из моды и изящно вписывался в любой поворот. Даже во времена всеобщего распада и "новой волны" он оставался в центре внимания — под именем Джерри Корнелиуса из лихих романов Майкла Муркока. Стоит ли удивляться его присутствию в современной НФ? Ян Бэнкс, Дж. Алек Эффинджер и Вернон Виндж (не говоря уж о киберпанках и примкнувшем к ним Руди Ракере) не дадут нам забыть его такое простое, такое англосаксонское лицо с крепкой челюстью, прямым победительным носом, и хорошо спрятанной в глубине голубых глаз декоративной усталостью. Ковбой-детектив по-прежнему бродит по Галактике, бессчетное число раз спасая человечество от происков насекомоподобных чужаков, но последнее время ему все чаще приходится иметь дело с ренегатами человеческой Звездной Империи, сепаратистами и фундаменталистами всех мастей. Это сложнее, и иногда после массового истребления населения целой планеты у него портится настроение — до следующего романа.

Они очень похожи, все эти белокурые бестии, парни с молниеносной реакцией. Они стреляют с бедра и говорят афоризмами. Они бессмертны и всегда возвращаются в романах-продолжениях. Они меняются в согласии с духом времени, хоть и незначительно. Ковбой постепенно мутировал в сверхвоина-дорсая из цикла Гордона Диксона — и сегодня его клонов надо разыскивать на страницах Орсона Скотта Карда, а его городской двойник, обретя хакерские навыки, постепенно погружается в виртуальный космос романов, которые еще только пишутся.

А. Липатов

Путешествие Калеба (Змеиный храм) часть 2

в 1-й части Калеб и Лами, спасаясь от банды Мясника забираются в горы, где неожиданно находят Теокучику (змеиный храм).

ЧЕГО-ТО В ЭТОМ РОДЕ Я И ОЖИДАЛ! ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ, ВО ИМЯ ВСЕХ БОГОВ?

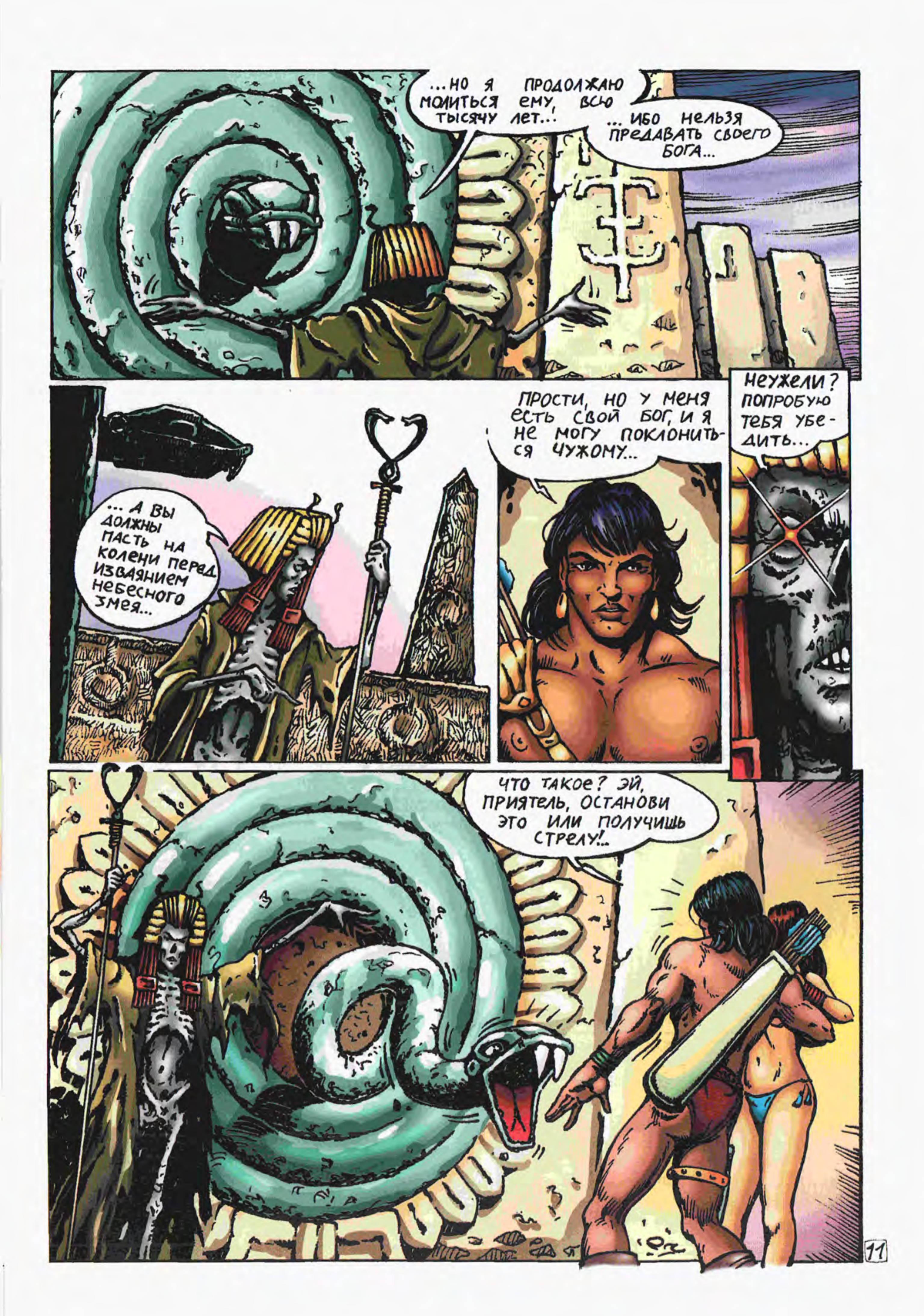

...УЖАСНОЕ ЗРЕЛИЩЕ, НЕ ТАК ЛИ? КЛЯНУСЬ, НЕ ХОТЕЛ ВАС ПУГАТЬ... ПЕРЕД ВАМИ ВСЁ, ЧТО ОСТАЛОСЬ ОТ ТЛАСКЕТХЛА, НЕСЧАСТНОГО ВЕРХОВНОГО ЖРЕЦА ТЕОКУЧИКИ. Я МЕРТВ УЖЕ МНОГО ВЕКОВ, НО ЛЕЖАЩЕЕ НА МНЕ ПРОКЛЯТИЕ НЕ ДАЁТ МОЕЙ ДУШЕ И МОЕМУ ПРАХУ ОБРЕСТИ ПОКОЙ...

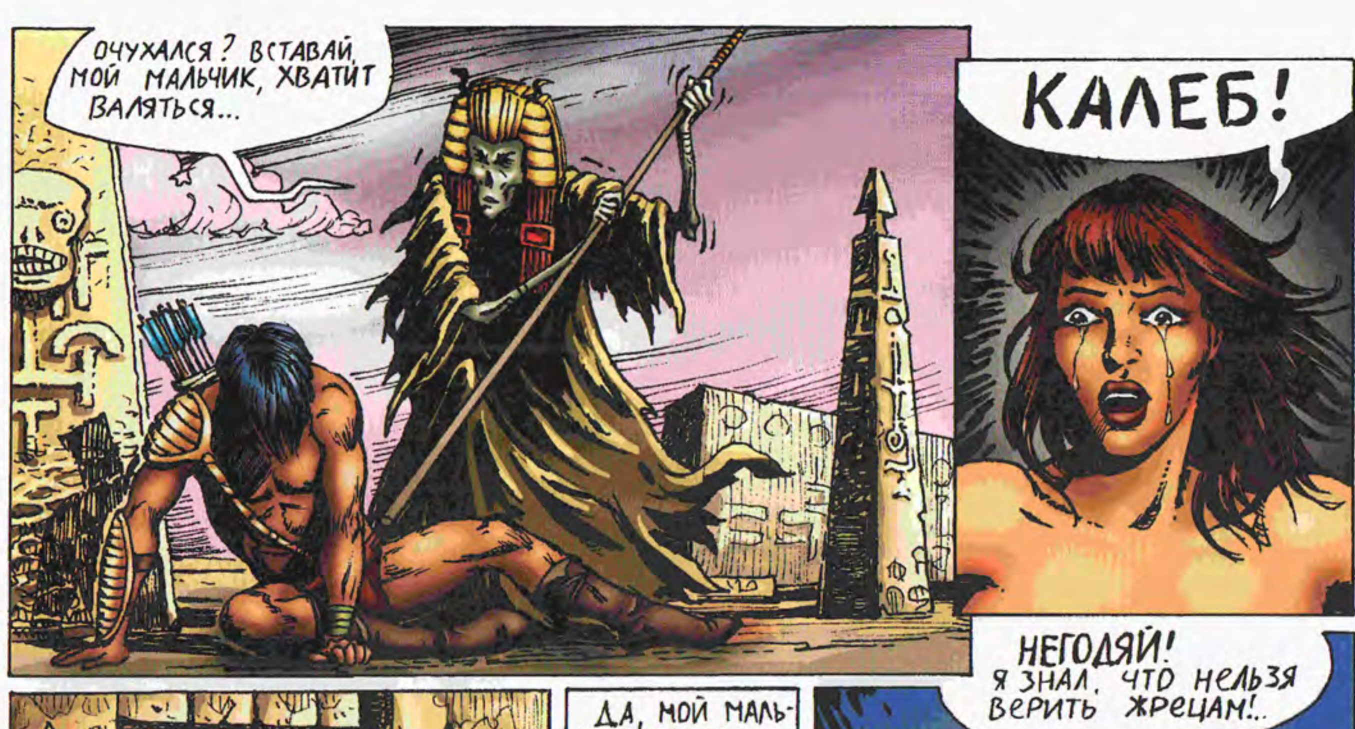
Я ХОТЕЛ ПРЕДЛОЖИТЬ ВАМ ПОМОЩЬ И УБЕЖИЩЕ, НО ЕСЛИ ВЫ ТАК МЕНЯ БОИТЕСЬ...

НЕ УХОДИ, Я НИЧЕГО НЕ БОЮСЬ!

Почему ты решил, что нам нужна помощь?
Это просто. Если вы находитесь здесь, вы или заблудились, или прячетесь от погони...
Входите, только оставьте здесь ящера. Это всё-таки храм...
Но, Калеб, он же настоящее чудовище...
Идем, Лами. Он не сможет причинить нам вреда...
... Когда-то здесь всё было по-другому... тысячу лет назад...
... Но случилось ужасное святотатство... кто-то похитил из храма главную святыню — чудесный Змеиный талисман... за это великий небесный змей покарал меня, своего верного слугу...
ALEXEY

...НО Я ПРОДОЛЖАЮ МОЛИТЬСЯ ЕМУ, ВСЮ ТЫСЯЧУ ЛЕТ...
...ИБО НЕЛЬЗЯ ПРЕДАВАТЬ СВОЕГО БОГА...
...А ВЫ ДОЛЖНЫ ПАСТЬ НА КОЛЕНИ ПЕРЕД ИЗВАЯНИЕМ НЕБЕСНОГО ЗМЕЯ...
ПРОСТИ, НО У МЕНЯ ЕСТЬ СВОЙ БОГ, И Я НЕ МОГУ ПОКЛОНИТЬСЯ ЧУЖОМУ...
НЕУЖЕЛИ? ПОПРОБУЮ ТЕБЯ УБЕДИТЬ...
ЧТО ТАКОЕ? ЭЙ, ПРИЯТЕЛЬ, ОСТАНОВИ ЭТО ИЛИ ПОЛУЧИШЬ СТРЕЛУ!..

О, НЕТ!.. ОЧНИСЬ, КАЛЕБ! И ЗАЧЕМ ТЫ ПОШЕЛ СЮДА...
...А ТЫ СМЕЛАЯ ДЕВУШКА... НЕ БОЙСЯ, ОН СКОРО ПРИДЁТ В СЕБЯ...
...А Я ПОКА ПОЗАБОЧУСЬ О ТОМ, ЧТОБЫ ОН НЕ ВЫКИНУЛ КАКУЮ-НИБУДЬ ГЛУПОСТЬ...

ОЧУХАЛСЯ? ВСТАВАЙ, МОЙ МАЛЬЧИК, ХВАТИТ ВАЛЯТЬСЯ...
КАЛЕБ!

КАЛЕБ, ОН СХВАТИЛ МЕНЯ!

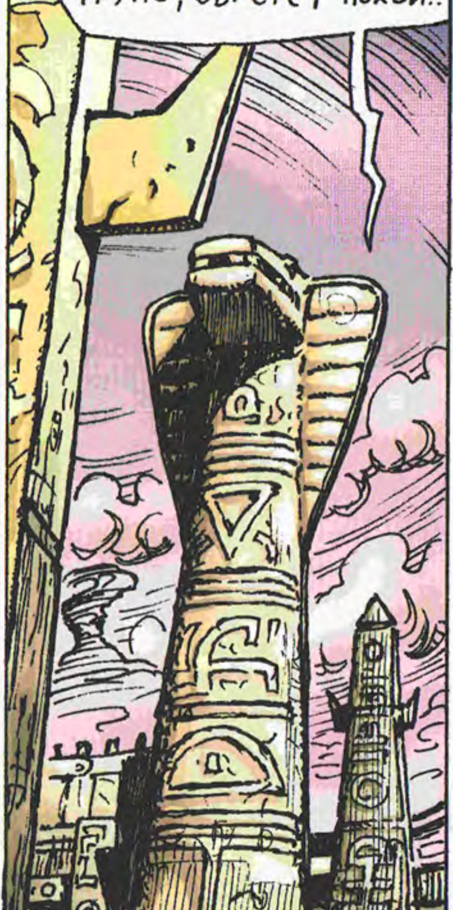

ДА, МОЙ МАЛЬЧИК, ВЫ В МОИХ РУКАХ... ЕСЛИ НЕ ХОЧЕШЬ, ЧТОБЫ ОНА ПОСТРАДАЛА, СЛУШАЙСЯ МЕНЯ...

НЕГОДЯЙ! Я ЗНАЛ, ЧТО НЕЛЬЗЯ ВЕРИТЬ ЖРЕЦАМ!..
ТОЛЬКО БЕЗ ГЛУПОСТЕЙ! ТЕБЕ МАЛО ОДНОГО ЗНАКОМСТВА С МОЕЙ КАМЕННОЙ ЗМЕЕЙ?

...ВОТ ТАК-ТО ЛУЧШЕ...
ТЫ ВЫПОЛНИШЬ ОДНО МОЕ ПОРУЧЕНИЕ. СДЕЛАЕШЬ ВСЕ КАК НАДО — Я ОТПУЩУ ДЕВУШКУ, И ДАЖЕ ЗАПЛАЧУ ТЕБЕ.
В ЭТОМ ХРАМЕ БОГАТАЯ СОКРОВИЩНИЦА...
ТЫ ЗАПЛАТИШЬ, УРОД, МОЖЕШЬ НЕ СОМНЕВАТЬСЯ...

сейчас, мой мальчик, ты отправишься в храм великого старца, чьи жрецы похитили Змеиный талисман, и вернёшь талисман в теокучику.

Может быть, тогда моя душа, тысячу лет запертая в этом высохшем трупе, обретёт покой..

Пирамида великого старца недалеко, я бы пошел сам, если бы мог выйти из теокучики...
Только учти, мой мальчик, если ты задержишься, твоя подруга просто умрёт, ибо здесь нет воды,..
К твоему ящеру это тоже относится...

Так я должен идти пешком?
Ни в коем случае! Я доставлю тебя прямо к подножию пирамиды. Тебе останется лишь взять талисман...

Еще один каменный зверь?
КРЫЛАТЫЙ каменный зверь!
Ты полетишь по воздуху, мой мальчик!

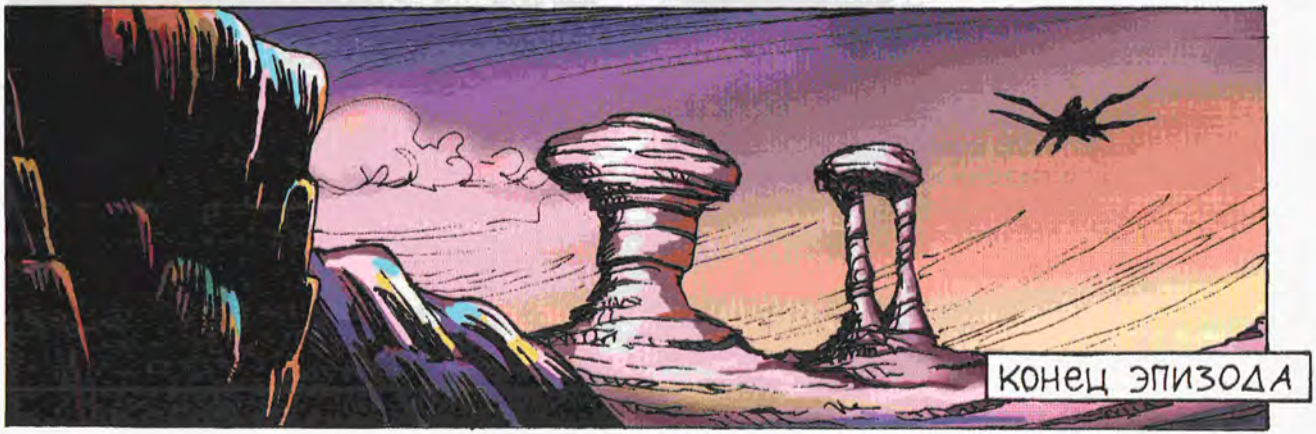

ГАРРРРРР
ВИДНО, ЗА ТЫСЯЧУ ЛЕТ ТВОИ МОЗГИ РАССЫПАЛИСЬ В ПРАХ! ЭТОТ ЗВЕРЬ ВЕСИТ БОЛЬШЕ, ЧЕМ...
ЗАТКНИСЬ! ОН ЛЕТАЕТ НЕ ХУЖЕ, ЧЕМ МОЯ ЗМЕЯ ПОЛЗАЕТ!
НЕ ОСТАВЛЯЙ МЕНЯ ЗДЕСЬ ОДНУ, КАЛЕБ!..
У НАС НЕТ ВЫБОРА, ЛАМИ... Я СКОРО ВЕРНУСЬ.
НЕ БОЙСЯ НИЧЕГО, МАЛЫШКА...
А КАК ВЫГЛЯДИТ ТАЛИСМАН?
ТЫ ЕГО УЗНАЕШЬ. СПЕШИ, ЕСЛИ НЕ ХОЧЕШЬ ВЕРНУТЬСЯ СЛИШКОМ ПОЗДНО...
... И МОЛИСЬ СВОЕМУ БОГУ, ЧТОБЫ ПИРАМИДА НЕ ОКАЗАЛАСЬ РАЗРУШЕННОЙ И НИКАКИЕ ВОРЫ НЕ ОПЕРЕДИЛИ ТЕБЯ...
© ALEXEY '96

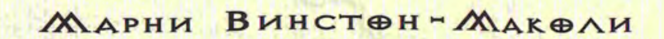
ВО ИМЯ ВСЕХ БОГОВ! ЭТОТ ЗВЕРЬ ЛЕТИТ, КАК ВЕТЕР, НО ЕСЛИ ОН ВСПОМНИТ, ЧТО СДЕЛАН ИЗ КАМНЯ...

...ТЫСЯЧУ ЛЕТ НЕ ВСТРЕЧАЛ ПОДОБНОГО ИДИОТА...

ОН ПОВЕРИЛ ВСЕМУ, ЧТО Я НАПЛЁЛ..

ЕСЛИ ЭТОТ УРОД ПРИЧИНИТ ЛАМИ ВРЕД, Я ИЗ ЖИВОГО ТРУПА ПРЕВРАЩУ ЕГО В МЕРТВЫЙ...

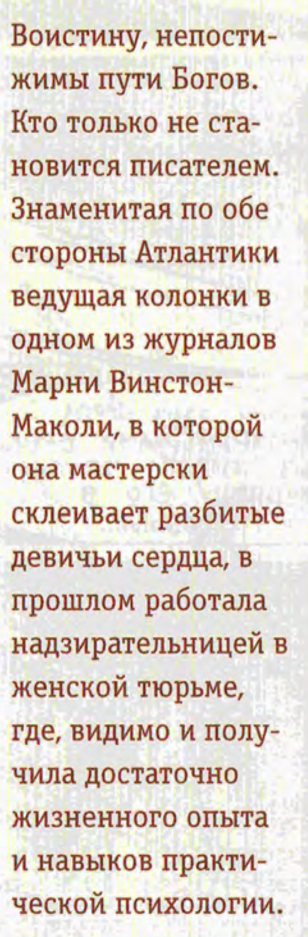

Марни Винстон-Маколи

ВЕЛИКОЛЕПНОЕ РЕШЕНИЕ

— Послушайте, может, сразу перейдем к делу? — почти с неприкрытым раздражением спросил Аллен Сеймур, с правого виска которого медленно поползли две капельки пота.

Иллюстрации: А. Велитов

Воистину, непостижимы пути Богов. Кто только не становится писателем. Знаменитая по обе стороны Атлантики ведущая колонки в одном из журналов Марни Винстон-Маколи, в которой она мастерски склеивает разбитые девичьи сердца, в прошлом работала надзирательницей в женской тюрьме, где, видимо и получила достаточно жизненного опыта и навыков практической психологии.

Он полез за платком, простонав про себя: "Проклятье. К тому времени, когда я доберусь до суда, я уже весь буду омерзительно потным". Он терпеть не мог потеть. Потливость придает тебе слабый вид, а слабость вредит бизнесу. Но больше всего Аллену не нравилось сидеть не с той стороны стола. На Сентер-Стрит Аллен Брюс Сеймур являлся, прежде всего, одним из наиболее высокооплачиваемых "киллеров" по семейным делам. При одной мысли об этом у него расправлялись плечи, и кровь быстрее текла в жилах. Здесь же, в частной подготовительной школе Св. Варфоломея, он ерзал в кресле, чувствуя себя неуютно.

— "Дело", мистер Сеймур, как я уже объясняла вашей супруге, — заметила директор школы доктор Уэйнрайт, тщательно подбирая слова, — заключается в поведении вашего сына Джерома.

Подняв брови, она медленно перевела взгляд на Марсию Сеймур, которая старалась скрыть беспокойство, чопорно сложив наманикюренные пальцы и плотно скрестив лодыжки. Лишь то, что она сидела на самом краешке сиденья, выдавало ее растущее волнение.

— Вы разъяснили своему супругу позицию школы, миссис Сеймур? — спросила плотная, седовласая школьная начальница, терпение которой начинало истощаться.

За тридцать лет работы сия просветительница усвоила, что сложности в общении с родителями в конечном итоге вредят ее бизнесу.

— О да. Да, конечно! — громко выпалила Марсия.

У нее в голове вертелась лишь одна мысль — о неблагодарном занятии подыскивать очередную "хорошую" частную школу для их десятилетнего Джерома. Даже непомерно щедрые дары уже ничего не гарантировали, разве что беседу в самый последний момент.

Напуганная такой перспективой, она поспешила продолжить.

— И мы сделаем все возможное... Верно, Аллен? — она бросила отчаянный взгляд на мужа. — Верно, Аллен?! — визгливо повторила она, стараясь спихнуть с себя невыносимое бремя.

— Верно, Марсия, — откликнулся Аллен на подсказку, стиснув зубы, чтобы хоть слегка сдержать чувства, вызываемые женой.

Все шло не так, как хотелось бы Аллену. Дерьмо! Неудивительно, что они так и остались учителями. Если бы я так вел свою практику, то до сих пор бы опечатывал дома для "Джекоби и Мейерса", подумал он, снова возвращаясь к неприятным мыслям.

Оставшееся время разговор шел по тому же руслу, что и в прочих подобных заведениях. Джером не слушает... не может сосредоточиться... дразнит и бьет одноклассников... платит за то, чтобы другие делали за него его работу.

— Платит другим? — вдруг оживился Аллен. Это что-то новенькое, мелькнула у него озорная мысль; его слегка удивило проявление предпринимательской жилки у сына.

— Да. Мы выяснили, что он платил Саймону Фертелю, чтобы тот делал его задания по математике и подносил мячи в спортзале.

— И сколько он платил? — возбужденно поинтересовался Аллен.

Марсия Сеймур, опираясь локтем, развернулась в кресле подальше от мужа и перевела взгляд на пятнышко отстающей розоватой краски на оконном карнизе.

Лицо доктора Уэйнрайт сначало выразило замешательство, затем на нем появилось скептическое выражение; тень улыбки промелькнула на губах Аллена.

— Кажется, центов двадцать пять.

Его улыбка становилась все заметней. Благоразумно проигнорировав это, утомленная руководительница продолжала свою речь.

Несмотря на охватившую ее панику, Марсия улавливала звучание знакомых слов: "гиперактивность", "аффективное расстройство", "неконтролируемое импульсивное поведение", "незрелость поступков".

— Итак, мистер и миссис Сеймур, мы вынуждены настаивать на том, чтобы вы предприняли какие-то меры по этому поводу. Причем, срочно, — сказала просветительница, выразительно снимая очки. — В конце концов, у нас четыре сотни других...

Слова сливались. Марсия Сеймур могла сосредоточиться лишь на одной ужасной, навязчивой мысли: Боже милосердный, только не еще одна школа. Все, что угодно, только не еще одна школа. Она испытывала все нарастающую дурноту, вспоминая вновь и вновь тестирование, заявления, приемные комиссии, взносы, отказы, объяснения для друзей.

Она бросила взгляд на Аллена. Она чувствовала, что его настроение уже переменилось, он был раздражен тем, что его планы на день были нарушены.

> Боже милосердный, только не еще одна школа. Все, что угодно, только не еще одна школа.

Несмотря на сдавливающую голову боль, она заметила, что директриса начала перебирать какие-то бумаги, намекая на окончание разговора. Она слышала, как та предложила им посетить класс Джерома, если они желают. Она нашла в себе силы говорить.

— Да, спасибо, спасибо, — произнесла Марсия, медленно поднимаясь, выбираясь из кабинета, словно неловкий ребенок, неуверенный в том, что прозвенел звонок и он и вправду может покинуть кабинет директрисы.

Следуя за ней по пятам, Аллен еле слышно прошептал "Дерьмо", когда они выходили из общего зала, украшенного яркими плакатами с надписью: "Мое семейное древо — 3-й класс".

— Как думаешь, Аллен, стоит зайти? — неуверенно спросила Марсия, заметившая нетерпение мужа.

— Знаешь, мы и так столько времени потеряли, — буркнул он, но тут же передумал. — Ладно, пошли! — и устремился вперед.

Они быстро зашагали по дугообразному коридору.

— Вот здесь, — сказала Марсия, указывая на дверь с надписью: "Пятиклассники школы Св. Варфоломея приветствуют вас".

Супруги уставились в большое стеклянное окно. Дети группами по четыре человека работали над диорамами из жизни индейцев. Все имели увлеченный вид. Почти все, кроме Джерома.

Сеймуры высмотрели своего старшего сына, одетого в новую модную рубашку и шляпу в стиле сафари; лицо его было столь же бесстрастно, как и восковые фигуры мадам Тюссо, с которыми они фотографировались прошлым летом. Он колотил снизу ногой по стоявшему перед ним столу — тому самому столу, на котором стояла работа всей группы.

— Может, как-нибудь в другой раз, — быстро произнес Аллен, утаскивая жену с места грядущей в пятом классе катастрофы.

— Хотелось бы думать, что они знают, как обращаться с десятилетним ребенком, — бросил Аллен, когда они стреми-

тельным шагом выходили из школы, пытаясь заслонить собственную беспомощность незамедлительным поиском виновных.

Добравшись до лимузина и сильно встряхнув головой, словно пытаясь отогнать демонов, смешавших его планы на день, Аллен повернулся к Марсии.

— Послушай, Мейз, займись этим, ладно? — торопливо сказал он, обратившись к ней ласковым именем, которым пользовался лишь в тех случаях, когда обращался с самыми щекотливыми просьбами.

Марсия только посмотрела на него.

Теперь пот свободно струился по его лицу. Преклонив колено, нарочито набожно сложив руки, он взмолился:

— Мейз, родная моя, сделай все, что нужно сделать. Ладно? Ладно! Но ради Бога, если я не доберусь до места через десять минут, то буду в полном пролете.

Запрыгнув в ожидавшую его машину, он высунул из окна голову и, словно только вспомнил, добавил:

— В пять у Донована, да, Мейз?

его младенцем, потом — делающим первые шаги ребенком. Но ей удалось вызвать в воображении лишь ряд неподвижных кадров, вроде серии рекламных фотографий фирмы "Сирс", которые она видела в журнале "Ти Ви Гайд". Марсия смутно помнила подвижного младенца. Который, к тому же, редко улыбался. Но и в этом она не была уверена, поскольку их с Алленом слишком часто не было рядом с ним в первые годы.

— Ох уж, эти первые годы, — вздохнула она с обычными для нее тоской и раскаянием.

Как раз тогда Аллен начал заниматься этим бизнесом.

Она никогда не забудет, как он расстроился, узнав о ее беременности. "Как ты могла такое сделать, особенно сейчас, когда только что начала заниматься аэробикой в оздоровительном клубе "Саттон-Саут!" — стенал Аллен. С Молли потом, когда все более-менее наладилось, было по-другому.

По совету матери, она не форсировала события, решив не спекулировать на ребенке, пока Аллен не привыкнет к его существованию. И после подначек со стороны коллег и, преж-

Марсия улавливала звучание знакомых слов: "гиперактивность", "аффективное расстройство"...

де всего, своих родителей, он, конечно, все-таки свыкся с этой мыслью.

— Но я всегда на первом месте, верно, Мейзи? — проворковал он ей на ушко в ту ночь, когда они, наконец, снова занялись любовью, а она тогда была уже на шестом месяце.

Марсия, у которой инстинкт самосохранения был развит лучше, чем интуиция, без особого труда поняла свое положение. Уже на следующее утро она наняла ту самую няню-гаитянку.

— Именно после ее ухода все пошло наперекосяк, — жалобно проскулила Марсия, ни к кому конкретно не обращаясь.

Поначалу жаловались мамаши других детей, которых Джером терроризировал, потом — торговцы, в магазинах которых он сбрасывал товары с полок, а теперь вот и в школах то же самое. Не раз дела шли так плохо, что Аллен заказывал месячные круизы для них двоих.

И все это на фоне нескончаемого потока невропатологов, психологов, психиатров. И нянь, конечно. Из Ирландии, с Багам, из Израиля, с Филиппин. "На следующей неделе наймем сумоистку из Японии за пару тысчонок", — говорил Аллен друзьям после ухода каждой няни.

— Почему я? — вопросила она, вознегодовав на несправедливость всего этого.

А как же насчет курсов матери и ребенка на 92-ой улице, которые она посещала?

— Я в том смысле, сколько мне еще придется вынести? — произнесла она, быстро пересекая Мэдисон.

— Только посмотрите на Молли, — стенала она.

Сделав это, он послал ей воздушный поцелуй и, не дожидаясь ответа, отчаянно замахал водителю, чтобы тот ехал.

— Спасибо, — угрюмо буркнула Марсия вслед тающему облаку выхлопных газов и достала из сумочки эластичную ленту.

Собрав светлые волосы в хвостик, она ощутила луч солнца на щеке, вспомнила, что сегодня первое октября, и заметила, что еще тепло. Марсия сняла кашемировый блейзер, решив прогулятся.

Ей надо было подумать.

Это один из трех-четырех идеальных нью-йоркских денечков, прекрасный день бабьего лета, тоскливо подумала она. Отличный день, чтобы поиграть в теннис с лучшей подругой Лидией, а потом пройтись до "Забара" и купить полфунта креветок и русского картофельного салата. Закрыв глаза, она, словно наяву, ощутила смесь запахов рыбы с приправами и ароматного кофе. Чудесный денек для прогулки по парку с Молли, светленькой четырехлетней девочкой, когда автобус привезет ее из детского сада к их дому рядом с Центральным парком.

До чего чудесный день... если бы не... Она вздохнула, ощутив приступ отчаяния, что всегда с ней бывало при мысли о сыне.

Не то чтобы Марсия не любила мальчика. Она переносила на него то же чувство долга, основанное на любви, с которым относилась ко всему, что принадлежало ей. Дело было в том, что с Джеромом все было... сложно, пожалуй.

Джером. Сдвинув брови, Марсия пыталась представить

Разве кто-нибудь не любит Молли? Даже Аллен очарован и называет ее “Папина Куколка”. Но разве можно не любить эту ангельскую улыбку, эти светлые кудряшки? Ведь если Марсия произвела на свет Молли, ее нельзя винить за Джерома, верно?

Ее размышления прервал вид музея Метрополитен. Как она жаждала войти туда и затеряться среди бесценных рембрандтов и тицианов.

— Только не сегодня, Мейзи, — с сарказмом пожурила она себя, воспользовавшись заветным обращением к ней Аллена, поскольку за его игривостью на улице сегодня утром она распознала холодный, недвусмысленный приказ “решить” проблему с Джеромом, и как можно скорее.

Еще одна такая встреча, как сегодня, и придется вспоминать слова матери, сказанные ей: “Хорошие кормильцы на дороге не валяются” или “Ты же не хочешь сказать, что муж приходит домой ради того, чтобы получить стресс?” Изречения, со всем тщанием вышитые на ткани ее бытия.

К сожалению, как она поняла примерно за пять лет замужества, и то, и другое — правда.

До чего чудесный день... если бы не... Она вздохнула, ощутив приступ отчаяния, что всегда с ней бывало при мысли о сыне.

Марсия настолько задумалась, что чуть не споткнулась о какой-то предмет на своем пути.

— Господи! Что это? — произнесла она, шагнув в сторону от препятствия. — Боже, это потрясающе!

Она наклонилась, чтобы поднять бордовый кейс крокодиловой кожи, поразившись при этом тому, что его еще никто не стащил, хотя лежал он на виду у всех на дорожке Центрального парка.

— А теперь посмотрим, что у нас там, — пробормотала она, украдкой оглядываясь.

Пришлось немного повозиться с цифровым замком, но ее усилия были вскоре вознаграждены, поскольку там были установлены всего-навсего три нуля. В портфеле лежало что-то вроде рекламной листовки.

Марсия быстро пробежалась глазами по печатному тексту, щурясь от яркого дневного света. Крупный шрифт тут же привлек ее внимание: “РОДИТЕЛИ! У ВАС ЕСТЬ ТРУДНОСТИ С ВАШИМ ПРОБЛЕМНЫМ РЕБЕНКОМ?” Марсия почувствовала, что у нее колотится сердце. Распахнув сумку, она полезла за очками.

РОДИТЕЛИ! У ВАС ЕСТЬ ТРУДНОСТИ С ВАШИМ ПРОБЛЕМНЫМ РЕБЕНКОМ? У ВАС НЕ ОСТАЕТСЯ ВРЕМЕНИ НИ НА ЧТО, КРОМЕ ВОЗНИ С ВАШИМ ЧАДОМ? ВАШ ОТПРЫСК ВЫВОДИТ ВАС ИЗ СЕБЯ?

Если ответ “ДА”,

У НАС ЕСТЬ ТО, ЧТО ВЫ ИЩЕТЕ (ДА, ИМЕННО ВЫ!)

Это

ВЕЛИКОЛЕПНОЕ РЕШЕНИЕ.

ЕСЛИ: вы сыты по горло разболтанностью вашего лоботряса (а мы знаем, что сыты!);

ЕСЛИ: ваш психиатр вызывает у вас дрожь (а мы знаем, что так оно и есть!);

ЕСЛИ: вам надоели сплошные неудачи (а мы знаем, что надоели!);

и

Вы желаете заказывать музыку (а мы знаем, что желаете!)

Приходите в контору “ВЕЛИКОЛЕПНОЕ РЕШЕНИЕ”, в трех кварталах к югу от озера Бельведер, Центральный парк, Нью-Йорк. Часы приема: полдень — 12:30, сегодня. Спросить: Барнабас Л. Жебаб, почетный Магистр социальных наук.

ВСЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ГАРАНТИРУЮТСЯ. ВСЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ГАРАНТИРУЮТСЯ. ВСЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ГАРАНТИРУЮТСЯ.

У Марсии в голове царила сумятица. Слова расплывались перед глазами. Наконец в поле зрения заплыли приемные часы.

Она молниеносно начала действовать.

— О Боже! Который час? Который час? — взвизгнула она, отчаянно пытаясь расстегнуть пуговицы на шелковом манжете, чуть не разорвав тонкую ткань, чтобы добраться до своего “Ролекса”.

— Двенадцать восемнадцать! Благодарю тебя, Господи, — выдохнула она, молясь, чтобы контора еще работала.

Схватив портфель, она помчалась через парк.

Завидев перед собой озеро, Марсия перешла с привычной трусцы на отчаянный галоп.

Впереди показался небольшой каркасный деревянный павильончик, типа тех, где продают орешки, воздушную кукурузу или дурацкие вымпелы с дешевыми пластиковыми куколками, привязанными на конце, свидетельствующие о проникновении отважного туриста в “Центральный парк, Нью-Йорк”. На покатой крыше была закреплена вывеска с жирной надписью “ВЕЛИКОЛЕПНОЕ РЕШЕНИЕ”.

Место выглядело пустынным и безмолвным, если не считать отдаленного визгливо-свистящего звука. Наверное, отголоски сирены полицейской машины или скорой помощи. Или какой-нибудь мерзкий автомобильный гудок.

Нерешительно приблизившись к двери, Марсия посмотрела на часы: 12:26. Она достала из сумочки расческу, зеркальце, губную помаду и, несмотря на дрожь в руках, отработанными движениями привела себя в порядок.

Стараясь вернуть себе самообладание, она торопливо постучала в деревянную дверь.

— Entrez! Entrez! Entrez!, милая дама, — громыхнул изнутри чей-то голос.

Марсия от неожиданности непроизвольно дернулась назад, потом медленно приоткрыла дверь и заглянула внутрь. В помещении не было ничего, кроме небольшого деревянного стула и резного старинного стола. За столом, аккуратно сложив перед собой руки, сидел высокий, весьма представительный мужчина, безукоризненно одетый и причесанный; столь обезоруживающе проницательного взгляда стальных глаз раньше ей видеть не доводилось. Но более всего Марсию обескураживал его возраст, точнее, неспособность определить года этой примечательной личности хотя бы с точностью до десятка. Они посмотрели в глаза друг другу. Его взгляд начисто лишал ее воли.

— О-о-откуда вы узнали, что я дама? — слабым голосом пробормотала она.

— Bravo, ma pauvre amie! Какая восприимчивость! — откликнулся он, а в глазах его заплясали насмешливые огоньки. Он наклонился над столом, вытянув руки вперед. — Честно говоря, поскольку нам известно, что мадам — это женщина, n'est-ce pas, нам вообще-то неизвестно, является ли мадам "дамой", не правда ли? Или, если вы являетесь "дамой", — он пристально посмотрел ей в глаза, — то насколько вы ею являетесь.

— Я... Я просто имела в виду..., — она запнулась, почти лишившись дара речи.

— Я точно знаю, что вы имели в виду, милая дама. Ну вот. Опять я начинаю. Видите ли, сюда всегда приходит именно жен-щи-на, la femme, мама-сан, мамочка, если вам угодно.

— Что ж, надеюсь, я не слишком поздно, — произнесла она, меняя тему, вовсе не уверенная, что ей стоило приходить. — Я имею в виду, сейчас... — она взглянула на часы, — 12:29, а на вашем листке указано, что вы закрываетесь в 12:30.

— Милая дама, вам следует научиться не быть столь поспешной в своих умозаключениях, on qui trop se h(te reste en chemin, nu mammala?

— Простите, но я не...

— ПРИем. ПРИ-ем. На моем листке написано ПРИ, ПРИ, как в "ПРИзвать", "ПРИветить ", "ПРИукрасить", "ПРИвести". Если кто-то хочет держать кого-то от себя подальше, он не скажет "прием", он скажет "нет приема", n'est-ce pas?

Эффектным движением он запрыгнул на стол и душевно заглянул ей в глаза. И снова ей показалось, что она слышит негромкий свистящий звук, но тут же отвлеклась, потому что он выхватил портфель у нее из рук.

— Ага, как вижу, вы вернули мой атташе-кейс. Mucos gracias. Видите ли, это подарок одного моего бывшего клиента — привлекательное создание, очень похожее на вас, — мечтательно произнес он.

Марсия стояла, чувствуя себя неловко, все еще не уверенная в правильности своих действий.

— Вы один тут всем занимаетесь? — робко спросила она.

Он разразился раскатистым смехом, а затем подскочил к ней и отсалютовал.

— Позвольте представиться. Меня зовут Барнабас Люсьен Жебаб. Зовите меня БЛ. Все мои девушки меня так зовут.

Взяв ее правую руку, он поднес ее к губам.

— А теперь снимите камень с души! — рявкнул он ей, кивнув в сторону тяжелого складного стула. Она испуганно села.

— Итак, расскажи, подружка, чем я могу тебе помочь? — В его глазах снова мелькнули озорные искорки. — Расскажи мне все, несчастная мамаша.

В его голосе вновь прорезались пафосные нотки.

— Ganza tsimmis. Всю свою ужасную histoire. И тогда, — добавил он заговорщическим тоном, — знаешь, что произойдет?

— Нет, — зачарованно прохрипела она и машинально повторила: — Что произойдет?

— Вместе, — произнес он вполголоса. — Вместе! — он драматически повысил голос, — мы отыщем... великолепное решение.

— Да-да. О Боже. Да, да, — откликнулась впавшая в оцепенение Марсия.

— А теперь, — сухо заметил он, открывая верхний ящик стола и доставая оттуда пачку печатных бланков, — с вашего позволения, пройдемся извилистыми тропами внутреннего мира и vaille que vaille малыша Джерома.

— Но откуда вы знаете его и...? — пролепетала Марсия.

Он прервал ее жестом поднятой руки.

— Дорогая sciocco, со столь прозрачным рассудком, как у вас, разве можно удержаться, чтобы не воспринимать голые факты?

Не имея желания запутывать эту тему логическими выкладками, Марсия лишь подивилась его чувствительности.

Пока она предавалась своим мыслям, он ожесточенно черкал что-то на одном из бланков, бормоча про себя:

— М-м-м, дата рождения, место, время, беременность и так далее, так далее, так да-ЛЕЕ! Готово!

— Однако, у меня еще несколько вопросов насчет Джеральда, — добавил он, удобно откидываясь в своем черном кожаном кресле, сложив кончики пальцев пирамидкой.

— Джерома, — поправила она.

— Ах, да. Толково. — Он размашисто написал: "Мать: отлич-ная ре-ак-ци-я".

Место выглядело пустынным и безмолвным, если не считать отдаленного визгливо-свистящего звука.

— Итак, — заговорил он. — Постоянно плачет и/или жалуется?

Кивок. Галочка.

— Перевозбужденный и/или безжизненный, невыразительный взгляд?

Кивок. Галочка.

— Обычно агрессивный и/или грубый?

Кивок. Галочка.

— Приступы раздражительности и/или значительные повреждения имущества, и/или жестокость по отношению к личности, чаще всего — членам семьи, более двух раз в день?

— Это он! — выпалила Марсия. — Это Джером! Вы можете мне помочь? Вы можете сделать то, что обещали в своем листке?

В отчаянии она вскочила и попыталась схватить его за лацканы.

— Calmez-vous, мадам. Возьмите себя в руки, — произнес он, слегка смущенный ее порывом. Поднявшись, он одернул пиджак и повернулся к ней.

— Конечно же, мы можем обо всем этом позаботиться, мой жалкий воробушек.

Он снова прошел за свой стол.

— Причем, легким движением руки, — сказал он, придав речи идеальный ирландский акцент. ль— Вот оно, милочка! — добавил он, чудесным образом извлекая откуда-то снизу холщовый мешочек средних размеров.

— Где? Что? — недоверчиво вопросила Марсия.

— Как что? То, что надо! Вуаля! Ваше идеальное решение!

Он рассыпал содержимое мешка по столу.

На первый взгляд, это были шоколадки разных размеров в форме медалек, завернутые в разноцветную яркую алюминиевую фольгу.

— Идеальное решение — конфетки к празднику? — недоуменно спросила она.

— Не обращайте внимания на конфетки. Это просто — немного подсластить существование.

Он хохотнул над собственным легкомыслием.

— Посмотрите внимательнее. Каждая конфетка, как видите, имеет отметку в виде числа, а те, в свою очередь, тоже имеют кодировку по цвету и размеру.

Нацепив очки, Марсия уже более серьезно разглядела конфетки. Она увидела, что на маленьких в красной фольге было выдавлено “100”; на синих, что побольше, — “250”; на золотых — “500”, и так далее.

— Не понимаю, — разочарованно произнесла Марсия.

— Ma pauvre жертва, я даю вам решение с тем, чтобы положить конец всем прочим решениям. За какие-то 700 долларов... нет, четырехпроцентная скидка за то, что пришли в пятницу, пусть будет 670... м-м-м... что за сумма... как насчет того, чтобы округлить до 666 долларов? — я даю вам СИСТЕМУ ФИШЕК БАРНАБАСА.

— Какую систему Барнабаса? — переспросила она, вытаращив глаза.

— Mon Dieu! ФИШКИ! ФИШКИ! Как в игре! — обиженно воскликнул БЛ.— Как бы там ни было, — пояснил он, — чтобы эффективно изменить поведение парнишки, достучаться до его сердца, до самого coglioni этой семьи, вы должны начать с фишек.

Сбитая с толку Марсия напряженно вытянула голову в его сторону.

— А теперь подумайте, моя милая (sino, — сказал он, приложив ладони к ее щекам. — Что именно, больше, чем все остальное, заставляет трепетать сердечко малыша Джеральда? Ваши объятия, ваша похвала? — спросил он с едва уловимой ноткой сарказма.

Она покачала головой.

— Деньги, может быть, — ответила она, нахмурившись.

— Вы и впрямь так думаете? А могу ли я поинтересоваться, как он использует эти деньги? Покупает игрушки, одежду, скромные подарки для вас, для сестренки, для себя, может быть?

— Не говорите глупости, — фыркнула она. — У Джерома есть все, что только можно представить. Мы, конечно, не хотим его баловать, но...

— Mais non, — перебил он, хихикнув. — А теперь вернемся к Дэну Разеру и шестичасовым новостям, — пробормотал он.

— Что?

— Не обращайте внимания, дорогая. Главное вот что: если он использует деньги не для того, чтобы покупать вещи, то что он тогда с ними делает?

— Ну, он любит иногда их доставать и пересчитывать. Наверное, просто собирает. Собственно говоря, с игрушечными деньгами он делает то же самое.

— Ага! Вот мы и выяснили кое-что. А как именно он использует игрушечные деньги?

— В основном, в играх.

— Играх, где есть ставки. По маленькой, peut-etre? — понимающе спросил он.

— Да! — взволнованно ответила Марсия. — Именно так!

Она вдруг вспомнила одержимую увлеченность Джерома компьютерной игрой в очко, в которую он мог играть до бесконечности — сначала набирал очки, затем терял, а потом платил самому себе игрушечными деньгами.

— Ага! Вот оно. Видите ли, у вашего сына то, что в нашем

деле называется комплекс un tyrannus ad nauseam, который сильно осложняется тяжелым случаем loco parentis, — сообщил он, покачивая головой и похмыкивая.

— Боже праведный! Это серьезно?

— Боюсь, что да. Но вполне излечимо. По правде говоря, я считаю своим долгом работать с семьями, вроде вашей.

— Итак, что будем делать? — спросила Марсия, исполненная желания начать.

— Вот тут-то в действие вступает "СИСТЕМА ФИШЕК БАРНАБАСА". Видите ли, мы, работники "Идеального решения", подготовлены по теории Diable a Quatre. Это по-французски, Марсия. Я всегда доверяю французскому в вопросах душевного здоровья, — веско добавил он. — Говоря простым языком, ваш сын, как сказали бы дети, "увлекается" властью. Необходимо, если вам угодно, взять это под контроль, удержать и выпустить. Фрейд и Эриксон, несомненно, назвали бы это анально-ретентивным поведением, — пробормотал он про себя.

— Как бы там ни было, если мы увяжем поведение малыша ной оберткой! Разве это не удовольствие!

— Знаете, в этом что-то есть. — Она вскочила с места, потом снова опустилась. — Да, но откуда мне знать, сколько фишек ему давать, а сколько он должен возвращать? Я имею в виду количество. Ведь они все разные.

Ее восторг постепенно сменялся беспокойством.

— Вот список, — резко ответил он, бросая ей на колени свернутую в трубочку компьютерную распечатку. — Там все, что вам нужно, ma petite bete, — добавил он, слегка ухмыляясь уголками губ.

Она развернула листок. В левой колонке был алфавитный список "хороших" поступков и стоимость каждого. Например, "Поведение, хорошее", а внизу расписывались отрезки времени и точное количество фишек, которыми это оплачивалось. Справа содержался такой же список "нарушений" с расценками каждого из них. Обе колонки были очень подробными.

— Бог ты мой, — озабоченно молвила Марсия. — Похоже, с этим немало надо потрудиться.

Джейсона, к его восторгу, с контролем, тогда мы и получим идеальное решение, — сказал он, и в стальных глазах его появилось радужное свечение, быстро погасшее, как только он заметил, что ее лицо приняло озадаченное выражение.

— Послушайте, — раздраженно прошипел он и отрывисто пояснил: — Будете давать ребенку эти штуки, когда он ведет себя хорошо, и отбирать, если он ведет себя плохо.

— Ах так, — протянула она, пока еще явно сбитая с толку.

— Понимаете, — решился Жебаб на еще одну героическую попытку, — за счет позволения малышу Джеки торговать собственным поведением, он сможет теперь делать собственный выбор, покупать свое счастье.

— Как в "Блуминдейле"! — вставила Марсия, которой понравилась эта подходящая аналогия.

— Как в "Блуминдейле", — покорно вздохнул он.

— Подумайте только, — продолжил он с вновь нарастающим пылом, — он сам может решать, когда быть противным или хорошим и стоит ли быть таким. Он сам может решать, насколько ценен для него собственный выбор. Мейз, милочка, он сам может определять, сберечь или потратить, копить, считать, планировать бюджет.

Глаза его сверкали, его захватил ритм собственной речи.

— А если Джейки не слушается — больше никаких нотаций, никаких выговоров, никаких шлепков, никаких психиатров. Ему придется лишь отдать несколько фишек, заработанных хорошим поведением. Кроме того, — добавил он, сопроводив свои слова энергичным жестом, — он даже может съесть шоколад, прежде чем расстаться с пронумерован-

— Не бойтесь, драгоценная моя. Список закодирован электронным образом в этих часиках.

Он извлек из кармана хромированные часы.

— Которые будет носить малыш Джеральдо, — добавил он, подавая ей часы на ремешке.

— Ничего особенного, — разочарованно заметила он. — Ничем не отличается от "Таймекса".

— О, вы ошибаетесь, Марсия Маркос, ошибаетесь. — Он взял у него часы и быстро что-то настроил. — Слушайте.

Марсия услышала свисток — тот же визгливый звук, что она слышала раньше, находясь снаружи.

— И что они делают? — с недоумением спросила она.

— Просто наденьте эту маленькую штучку, рыбонька моя, на маленькую ручонку вашего сыночка, и когда ему надо будет что-то сделать, прибор сработает. Если он ведет себя хорошо и достоин поощрения, вы услышите приятный мотивчик. Мы сочли вполне подходящей тему из "Брейди Банча".

И Жебаб тут же запел.

— "Это история... бум-бум... про одну милую даму... бум-бум-бум..." Короче говоря, идею вы поняли. А вот если он должен отдать фишки, тогда часики засвистят. В каждом случае, когда эта штуковина начнет звучать, поведение высветится на вашем листочке. Так что, моя poco perro perezoso, вам остается лишь выдавать эти фишки и забирать их обратно.

— Тогда ладно. С этим-то я справлюсь, — облегченно хихикнула она. — А вы уверены, что в списке содержатся все варианты поведения? — спросила она с сомнением в голосе.

— Милая моя, — резко ответил он, — даже мы, при всех наших возможностях не можем гарантировать, что учтены

все возможности. Кроме того, над маленьким артистом нужен хоть какой-то творческий контроль, не правда ли? Впрочем, часы настолько тонко настроены на подсознание субъекта, что сработают и со списком, и без списка. Ну вот, все решено, за исключением, конечно, чека и небольших наставлений — обращаться бережно и все такое прочее, — сказал он, сгребая фишки и подавая ей мешочек.

— Вы уверены, что это поможет... правда, уверены? — повторила Марсия, нашаривая в сумочке чековую книжку.

Она вновь испытала беспокойство.

— Мадам, я уверен так же, как и в том, что мы вдвоем находимся здесь, в этом великолепнейшем парке. Я уверен, как... и в том, что на небесах есть Господь и...

— И в мире все нормально, — вставила она, довольная собой.

— Да, Марсия Филлис Сеймур, — медленно проговорил он. — И в мире все нормально! — подтвердил он, и его ухмылка перешла в раскатистый смех.

— О Боже! Что здесь случилось? — взвизгнула Марсия, входя в квартиру.

— Моя ваза! — вскрикнула она, увидев разбитый на куски старинный хрустальный сосуд, купленный им Стернами во время поездки в Китай.

На ее вопли из спальни выскочила няня Дженива.

— Послушайте, мисси, — воскликнула она. Ее певучий карибский акцент приобрел визгливые оборонительные нотки. — Я стараюсь сдержать вашего сына, но он не хочет вести себя, как надо. Я говорю ему: "Ты что, таким собираешься расти, мистер?" А что он делает с малышкой Молли! Гоняет этого ангелочка и так шумит. Говорю вам, мисси, в таком ребенке сидит дьявол.

Все это она выпалила со скоростью пулемета, яростно тряся головой. Во время этой тирады сорокалетняя няня занималась делом — сметала веником осколки, фыркая при этом.

Не успела Марсия прийти в себя, как в комнату влетела Молли, к потному лбу которой прилипли кудряшки, а по щекам текли слезы.

— Мамочка! Мама! — малышка с визгом бросилась к матери.

— Что такое, солнышко? — спросила Марсия, обнимая дочь.

— Джером опять плохо себя ведет, — захныкала девочка. — Он не дал мне поиграть на видеоприставке и обозвал меня глупой малявкой. Ты же сказала, что я могу играть, когда захочу, правда, мама? Говорила ведь? А Джером должен давать мне играть, верно, мамочка? Все знают, что он просто здоровый балбес. Джером — балбес, — повторила она своим мелодичным голоском.

Марсия заметила, что Джером выглядывает из-за полуоткрытой двери своей комнаты и прислушивается.

— Успокойся, моя хорошая... Конечно, ты можешь играть, — подтвердила Марсия, поглаживая дочь по мокрой щеке, и добавила уже громче: — А еще я говорила, что хорошие мальчики не могут быть противными. Потому что хорошие мальчики знают, как им повезло, что у них есть хорошенькая младшая сестренка и родители, которые могут купить им приставку.

Теперь ее голос разносился по всем двенадцати комнатам.

— Верно, Дженива? — подмигнула она няне.

— Конечно, мисси, — подыграла Дженива.

— Так вот, если Джером нас не ценит, может, найдем себе кого-нибудь другого — какого-нибудь мальчика получше и возьмем его к себе. Верно, Молли? — заговорщическим тоном спросила она, глядя на улыбающуюся дочь.

— Балбес-балбес-балбес! — внесла свою лепту Молли и, довольная, приложила к губам большой палец.

Обе женщины услышали грохот: Джером распахнул свою дверь пошире и захлопнул ее.

Марсия подбежала к закрытой двери.

— Джером! Джером Бретт Сеймур, как ты смеешь захлопывать дверь передо мной! Открой сейчас же! — завопила она.

Из комнаты до нее донеслись звуки поворачивающегося ключа и грохот разбрасываемых и разбиваемых вещей.

— Джером! Ты меня слышишь? Считаю до трех, тебе лучше самому открыть, — пригрозила она. — Раз... Два... Два с половиной. Идешь? Два с четвертью...

— Я тебя ненавижу! — послышалось из-за двери, а потом наступила тишина.

Почувствовав свою беспомощность, Марсия сдалась.

— Заканчивай уборку, Дженива, — вздохнула она. — Хочу отдохнуть до встречи с мистером Сеймуром.

Сказав это, она устало дотянулась до коробки с таблетками и достала оттуда три "Адвила" и половинку маленькой синей таблетки "Валиума".

— Да, мисси, — кивнула Дженива, снова взяв веник.

Марсия взяла мешочек и медленно вытянула одну фишку в золотой обертке. Она с минуту держала фишку в руке, ощущая ее рельеф, ее успокаивающее воздействие, потом направилась в свою спальню.

— Да, Дженива, разбуди меня в четыре, хорошо? — устало вздохнула она. — Я встречаюсь с мистером Сеймуром в пять, — добавила она, имея в виду их регулярные "свидания", которые им присоветовал их бывший брачный консультант, чтобы устраивать разрядку среди тринадцатичасовых рабочих днях Аллена.

— Да, мисси, — ответила Дженива.

— Боже милостивый. Нужно святое чудо, чтобы успокоить этот дом, пробормотала няня, рассеянно покручивая небольшое золотое распятие на шее и одновременно прибирая оставшиеся осколки вазы.

Ресторан Донована был одним из местечек, открывшихся в Нь-Йорке за последние несколько лет. Имя владельца, бруклинского диск-жокея Боба Донована по прозвищу "Батарейка", быстро сделало его популярным.

Это место стало еще и вторым домом для Сеймуров.

С той поры, как Аллен устроил Бобу-Батарейке развод (кличка оказалась весьма уместной, как поспешил отметить "Уикли Инквизитор"), Сеймуры входили в число клиентов первого разряда и почти всегда сидели в секторе для почетных гостей (как писали в журнале "Готэм"), а сам Бобби хотя бы раз обязательно подходил к их столику для непременной беседы.

— Так дело, значит, было? — заметил Аллен, ковыряясь в своих "calamaras a la plancha", переводя взгляд то на зал, то

на вход.

— Да, именно так, — подтвердила Марсия и нетерпеливо спросила: — Что ты думаешь?

— Думаю, что тебя надули на семь сотен. Вот что я думаю. Эй, Карлос, — окликнул он метрдотеля, обслуживавшего другую пару.

— Что это такое? — гневно поинтересовался он, тыча ножом в нечто, похожее на внутренности, лежавшее на его тарелке.

— Вы сказали, что желаете попробовать что-нибудь новое, сэр, — чопорно ответил Карлос.

— За двадцать два бакса? Новое, да. Но не живое.

Фырканье в достаточной мере выражало его раздражение.

— Господи, куда сегодня Бобби подевался?

— Мистер Донован должен скоро подойти. Послать за ним, мистер Сеймур? — сухо поинтересовался мэтр.

— Уж будьте так добры, — ответил Аллен, уже не скрывая своих чувств, и пробормотал: — Чертов наглец...

— Аллен! — обратилась к нему Марсия, отчанно пытаясь сменить тему. — Так вот, насчет этой системы с фишками. Что ты думаешь? Должны же мы хоть что-то делать, а этот самый мистер Жебаб, похоже, понял проблемы Джерома. Так что ты думаешь? Я, например, считаю, что нам надо попробовать. Так что, попробуем? — спросила она, безуспешно пытаясь привлечь внимание мужа каждый раз, когда открывалась дверь.

— Хорошо, хорошо, — ответил Аллен, беспокойно переводя взгляд. — Все, что угодно, лишь бы ты не потащила меня опять в эту чертову школу. Ты знаешь, что сегодня я чуть не опоздал? Хочу поговорить с Бобом насчет этого.

Он нервничал, и от этого к нему вернулся акцент уроженца северо-восточного Бронкса.

— Насчет Джерома? — спросила озадаченная Марсия.

Он закатил глаза.

— Бог ты мой, Марсия! Не будь дурой! Насчет этого проклятого мэтра и этого чертова осьминога за двадцать два бакса! — рявкнул он, ткнув в тарелку и скрипнув зубами.

Уже на следующий день Марсия на полном серьезе начала то, что впоследствии стало известно как "Операция Д. Ф." ("Джером: фишки").

За завтраком она разъяснила детали "операции".

Медленно и тщательно подбирая слова, Марсия объяснила систему, достала часы, листок и мешочек блестящих фишек с тиснеными цифрами. Даже на Аллена, казалось, множество разноцветных монеток и электронное кодирование произвели впечатление.

— Ой, мамочка, какие блестящие конфетки! Можно мне немножко? — пискнула Молли, подпрыгивая на месте.

— Мама уже объяснила, что это особые конфетки, которые называются фишками, и они для того, чтобы сделать Джерома хорошим мальчиком, — утихомирила ее Марсия.

Угрюмый и молчаливый Джером сидел, опершись на руку.

— Да, конечно, — были его единственные слова; однако, в его взгляде, во всех иных случаях отсутствующем, можно было заметить слабый проблеск интереса.

— Так вот, сейчас мама наденет тебе эти часики, — уговаривала Марсия, неловко взяв его вялую руку, чтобы закрепить браслет.

Как только защелкнулась застежка, послышались звуки электронной музыки. Все семейство прислушалось к неожиданным звукам.

— Это "Брейди Банч"! — завопил Джером, вскакивая с места и поднося часы к уху. — Я знаю мотив по "Ночному Нику"! — добавил он, имея в виду круглосуточный кабельный детский канал.

Он вдруг заинтересовался и стал прислушиваться.

— Смотри, он все больше возбуждается, — пожаловался Аллен.

Джером только посмотрел на него.

— Вот это я как раз и пытаюсь тебе объяснить, — сказала Марсия Аллену. — Видишь, действует. А теперь посмотримка на список, — пробормотала она, взяв очки.

— Ага! Вот оно! Смотрите. Под строчкой "ДЕЛАЕТ ТО, ЧТО ЕМУ ГОВОРЯТ": до десяти секунд — 550 очков, — гордо объявила Марсия всем собравшимся.

— Вот они! — радостно сказала она, церемонно вручая сыну первую награду — одну синюю и три красные фишки.

— То есть каждый раз, когда я что-то сделаю правильно, я буду их получать? — недоверчиво спросил Джером.

— Так нам сказали, — заметил Аллен, решивший после всего увиденного тоже поучаствовать.

— Я тоже такую хочу! Дайте мне тоже одну! Хочу часы с музыкой, хочу денежки с конфетками! — завопила Молли, потянувшись к руке брата.

— Отвали, козявка! — взвизгнул Джером, стукнув ее кулаком по голове.

— Как ты..., — начал было Аллен.

И тут все притихли, услышав пронзительный свист, исходивший из часов.

Марсия сверилась со списком.

— Это обойдется тебе в 250 баллов, — только и вымолвила она.

— Правда? — недоверчиво спросил Джером, с тревогой глядя на отца.

— Думаю, что так, — пожал плечами Аллен, покачав головой.

— И мне даже можно съесть шоколад, что внутри? — не унимался Джером, разворачивая синюю фишку с цифрой

— Вы сказали, что желаете попробовать что-нибудь новое, сэр. — За двадцать два бакса? Новое, да. Но не живое.

250, аккуратно отложив обертку в сторону и засовывая содержимое в рот.

Марсия кивнула в знак согласия.

Он медленно, с задумчивым видом поднялся из-за стола — в глазах у него забегали искорки — и медленно пошел в свою комнату.

Они услышали звук закрывающейся двери.

— Это может сработать, — поспешно сказала Марсия, покраснев. Исполнившись надежды, она молилась про себя: "Прошу, пусть это поможет".

— Эй, Дженива, — неожиданно для себя окликнула она няню, занятую мытьем посуды. — Принеси мне, пожалуйста, дорогая, фотографию из ящика стола в гостиной. Помнишь, в золоченой рамке, где Аллен, Молли и я рядом с гусем, которого подстрелил мистер Сеймур во время похода? А за нами, кажется, стоит Джером. Ну помнишь. Та самая, которую все время портил Джером, потому что она ему страшно не нравилась.

— Да, мисси, — сказала Дженива, покачивая головой.

— Так вот, достань и сотри с нее пыль, хорошо, дорогая? — решительно сказала Марсия. — И вот еще что, Дженива...

— Да, мисси? — обеспокоенно откликнулась няня.

— Если ты не перестанешь вертеть свою цепочку, то можешь поломать это маленькое распятие, которое ты так любишь, а мы не хотели бы, чтобы такое произошло, верно? — уверенно произнесла Марсия, в голосе которой звучала скорее бравада, чем убежденность.

Следующие несколько дней оказались для Сеймуров чем-то вроде кошмарного катания на американских горках. Джером, которого заинтриговало происходящее, играл в новую игру, словно это было бесконечной игрой в "очко" с самим собой. Он приходил домой, делал уроки, зарабатывал несколько фишек, а потом начинал спускать выигрыш, придумывая для Сеймуров всякие мелкие пакости. Мальчика это слегка забавляло — бесцельно двигать стопки фишек туда-сюда, туда-сюда. Бесцельно, если не считать того, что Марсия постоянно отвлекалась и бегала на звуки свистков и казавшегося бесконечным "Брейди Банча", в то время как сын сноровисто забрасывал в рот содержимое одной цветной фишки за другой.

— Он обнаглел еще больше, Марсия! — заявил Аллен, свирепо глянув на Джерома, который прятался у себя в комнате и напряженно подслушивал сквозь щелку в двери.

— Ты слышала, что сказал этот нахальный щенок, когда я его спросил, почему он стоял, как пень, во время игры сегодня утром? — взорвался Аллен. — Просто стоял, ни на что не обращая внимания, когда мяч чуть не попал в его дурацкую башку! И ты, конечно, знаешь, кто за этим наблюдал, ведь знаешь, Марсия? Всего-навсего отец малыша Брента Бестермена, вот кто! Всего лишь судья Сэмюэл Брент Бестермен из Верховного суда штата, округ Нью-Йорк, вот кто! И что ответил твой сыночек за обедом, когда я ему сказал, что не хочу больше видеть такое позорище? "Пле-вать я хо-тел", сказал он. Потом он небрежно бросает 450 этих твоих фишек-фигишек, и был таков. Отличная работа, Марш. У меня в семье два истинных победителя. Тупица и Вещунья, — бросил он с сарказмом.

— Послушай, — отчаянно заторопилась Марсия. — Прошла всего лишь неделя, а завтра мы едем в Хэмптон смотреть летние домики, а ты знаешь, как Джерому нравится Хэмптон — там лодка, Сара и все прочее. Ты же знаешь, она — его единственный друг... и...

— "Пле-вать я хо-тел", — завопил Аллен, передразнивая сына. — Если хочешь продолжать это надувательство с шоколадками, дело твое, но с меня хватит. Он не поедет. Слышала? Мне надоело жить в этой дорогущей квартире, где всегда сплошной бедлам, а прислуга приходит и уходит, как на Центральном вокзале; надоели эти школы, где воротят носы, словно что-то нехорошее унюхали, то есть — нас; надоело выбрасывать по пятнадцать кусков за сезон, чтобы мой летний отдых испортил этот десятилетний поганец. Лагерь. Вот куда он поедет! Летний лагерь. На десять недель. На двенадцать, если найдем такой. Где никогда не слышали про Лонг-Айленд. А потом еще и школа-интернат. И чтоб он там и в праздники, и в каникулы оставался! Пора нам, Сеймурам — тебе, мне и Молли — начинать нормальную жизнь! — бушевал Аллен.

Джером, притаившийся у двери, потихоньку ее закрыл. Он очень долго сидел, опустив голову. Ему показалось, будто он слышит почти неслышный свист. На этот раз он исходил не из часов. Откуда-то снаружи, издалека. Потом свист постепенно перешел в смех. Мальчик медленно поднялся и подошел к зеркалу. Напряженно вглядевшись, он вдруг сообразил, откуда шел звук. Оказалось, откуда-то из глубин его самого. Маленькие пятнышки света, что плясали в уголках его глаз, стали ярче, отбрасывая тени на его лицо. И тогда он понял...

— Послушай, когда я не прав, я так и говорю, верно, Мейз? А я был не прав, — напыщенно произнес Аллен, разламывая круассан пополам. — Невозможно поверить, Джуди, что это тот же самый ребенок, особенно, после первой недели.

— Ты не шутишь, Эл? — спросил муж Джуди, Ховард, откусывая от морковки своего ребенка. — Эта затея с фишками и вправду помогает? Может, попробуем на нашей Дженнифер, а, дорогая? — обратился он к жене.

— Ой, да не смеши, — откликнулась Рона Сайгель, сидев-

шая слева от него. — Ведь твоя Дженнифер — такая куколка, прямо как мой Джейсон... или Молли Сеймур. Верно, Стюарт?

Она повернулась к своему супругу.

Был канун Хеллоуина. Прошло ровно тридцать дней с начала "Операции Д. Ф.", и сейчас у Сеймуров были в гостях две семейные пары, с которыми они подружились, поселившись в этом доме.

— Я хочу сказать, посмотрите только, как он вел себя сегодня. Не видно и не слышно. Теперь такое в порядке вещей, — сказала Марсия, вновь зажигая погасшую свечу. — Это похоже на настоящее чудо.

— И это маленькое "чудо" сидит прямо здесь, — заметил Аллен, кивком показав в сторону жены. — Блондинка с маленьким... но страшно хорошеньким носиком, — добавил он, поддразнивая ее.

Зардевшись, Марсия быстро сменила тему.

— Да, а еще школа... — начала она.

— Марсии на днях звонила эта склочница, Уэйнрайт... — вмешался Аллен.

— В том-то и штука, — сказала Марсия. — Мы тоже так думали. Думаю, началось все в воскресенье, когда мы выехали в Хэмптон, чтобы присмотреть домик на берегу. Джером казался каким-то не таким. Он спросил, можно ли ему погулять по пляжу, пока мы совершали обход с агентом — он сказал, что ему нужно кое-что сделать. В общем, потом мы его нашли — и вы не поверите, — он собирал стекло и прочую дрянь и бросал все это в мусорные баки! Сказал, что по этому опасно ходить и кто-нибудь может пораниться летом. Разве это не потрясающе? И это при том, что мы даже не собирались его туда брать!

— Вы бы слышали эти часы, которые играют, как бешеные, — сказал Аллен. — Один только "Брейди Банч" и слышно! По-моему, за тот вечер он насчитал себе фишек тысячи на полторы. И с тех пор он вот такой и есть.

— Должно быть, у него этих фишек хватит закормить лошадь, — заметил Стюарт.

— Ты знаешь, что говорят о дареных лошадях, — съязвила Рона.

— Да, а помните ту фотографию в золоченой рамке, где

— И она просто не могла нахвалиться, и знаете, кем? — закончила Марсия. — Только помой посуду, принеси чай и можешь идти, Дженива! — крикнула она на кухню. — Как бы там ни было...

— В общем, она подлизывалась к Марсии, как могла — подхватил Аллен и с ухмылкой передразнил тонким голоском: — "Мы никогда не видели такого улучшения. И так быстро!"

— И что ты ей сказала, Марсия? — спросил Стюарт.

— А что с ней говорить! — снова вмешался Аллен. — Я выписал ей пожертвование на тысячу баксов! — сообщил он, раскурив трубку.

Мужчины рассмеялись.

— Так вот, — продолжала Марсия, — если бы никто не видел, как Джером приходит, мы бы и не знали, что он здесь. Он возвращается домой из школы, делает уроки и сразу идет к себе в комнату. А там часами спокойно занимается... чем угодно. Ни слова за обедом, помогает убирать посуду, а потом — снова к себе. И все время мы слышим из его часиков эту миленькую мелодию.

— И что, даже не приходит за своими конфетками или фишками? — поинтересовался Ховард.

— О нет. Уже после первой недели он просто положил все в шкаф у себя в комнате. Настоял на том, что сам будет вести учет и собирать деньги, — пояснил Аллен.

— Мало того, он даже придумывает свои награды за поступки, которых нет в списке, — добавила Марсия.

— Ничего себе, — присвистнул Ховард. — Кстати, когда все переменилось? Первую неделю мне казалось, что это чистой воды надувательство.

мы во время похода? — торопливо вмешалась Марсия.

— Ту, которую Джером все время швырял в стену? — спросила Джуди.

— А также в дверь и в потолок, — с сарказмом добавила Рона.

— Та самая. Ни за что не догадаетесь, где она сейчас, — выпалила Марсия и, выдержав приличную паузу, сообщила: — Она стоит прямо на столе у Джерома, у него в комнате!

— Невероятно, — сказала Джуди.

— Да, — мечтательно подтвердила Марсия, наливая чай и передавая полные чашки. — Я чувствую, что это еще не все большие перемены, что ждут Аллена, Молли и меня.

— И вы это заслужили, — объявил Ховард.

— Аминь, — откликнулись все хором.

— Но знаете, — озадаченно сказала Марсия, — доктор Уэйнрайт заметила, что Джером так и не улыбается.

— Да будет тебе, Мейз. С чего бы ему не улыбаться? — уверенно заметил Аллен.

— Верно? — задал он риторический вопрос.

— Чертовски верно! — сам же ответил он, и откинулся в кресле, попыхивая трубочкой, в высшей степени удовлетворенный.

Сидя за столом в своей комнате, где он занимался подсчетами, Джером по беспорядочным звукам понял, что гости собираются уходить. До него доносились восклицания, перемежавшиеся заверениями о дальнейших встречах, в то время как дверь то открывалась, то закрывалась.

Хорошо, подумал он. Через минуту уйдут.

Он услышал начальные звуки знакомой мелодии, исходившие от его запястья.

— Ну-ка, посмотрим, задумчиво произнес он, доставая лист с таблицей. — Вот оно, — сказал он, отыскав высветившийся текст. — "УЖИН С ГОСТЯМИ: НЕ МЕШАЛ" Еще тысяча двести.

Он ощутил нарастающее предвкушение.

— Может, достаточно! — произнес он, пытаясь сдержать волнение, пока не выполнит то, что нужно.

Он аккуратно извлек фишки из шкафа, положил нужное количество в потайное отделение в правой половине ящика и наконец старательно вывел "1200" в теперь уже заполненном гросс-бухе.

Марсия вынесла на кухню последние чашки и блюдца.

— Пусть Дженива завтра их помоет, милая, — сказал Аллен, следуя за ней.

Как обычно, прискакала Молли за соком на ночь.

— Мамуля, папуля. Дайте попить. Хочу пить.

Он медленно открыл правый ящик стола и вынул одну за другой яркие фишки. Когда он закончил, они были педантично разложены на столе аккуратными стопками от самых крупных до мелких.

— Конечно, Папина Куколка, — сказал Аллен, поднимая ее. — А потом мы все зайдем и посмотрим на Джерома, прежде чем идти спать, — добавил Аллен, пребывавший в благодушном настроении. — Наверное, за сегодняшнее поведение он насчитал себе большую премию.

— Обязательно зайдем. Я ему обещала, — сказала Марсия, зевнув. — Минутку. Слышишь?

Марсия вытянула голову.

— Что? — спросил Аллен.

— Этот свистящий звук. Он становится громче.

— М-м-м... А ты чайник не ставила?

— Вряд ли, — ответила Марсия, включая на кухне свет, чтобы проверить. — Нет, тут ничего, — Она подала Молли бумажный стаканчик с соком. — Должно быть, автосигнализация или еще что, — заметила она, снова выключая свет и потянувшись, в то время как звук становился все настойчивее.

— Наверное. Ну ладно, пойдем. В конце концов, мои бесценные Мейз и Папина Куколка, уже поздно, и думаю, нам надо все-таки посмотреть, что там Джером заработал, — сказал Аллен.

Он обнял загорелые, покатые плечи жены, водрузил Молли себе на спину, и все они двинулись по длинному коридору.

Джером слышал, что они приближаются.

Он аккуратно положил ручку. Он дважды проверил цифры.

Теперь достаточно. Он в этом уверен.

После недель планирования, накопления его время, наконец, наступило.

После всех этих лет...

Он медленно открыл правый ящик стола и вынул одну за другой яркие фишки.

Когда он закончил, они были педантично разложены на столе аккуратными стопками от самых крупных до мелких. Джером начал разворачивать их по очереди, машинально засовывая в рот один за другим куски шоколада.

Он наслаждался насыщенным, горьковато-сладким вкусом, страстно ощупывая золоченую рамку — рамку со снимком трех смеющихся Сеймуров, мертвого гуся, дымящегося ружья... и Джерома.

Они приблизились, они уже почти пришли.

Он слышал их шутки, хихиканье, все эти интимные звуки счастливой семьи, и дверная ручка стала поворачиваться.

Одним росчерком карандаша он очистил кредитную колонку своего гросс-буха.

Безжалостно глядя на застывшие в рамке изображения, он медленно поднял ружье на колени.

Самым тщательным образом Джером зарядил магазин третьим, последним патроном. При этом на его губах впервые заиграла легкая, веселая улыбка.

Перевод: Владимир Малахов

ПРОЛОГ:
КАРИБСКОЕ МОРЕ ВРЕМЁН РАСЦВЕТА ПИРАТСТВА.
ИЗВЕСТНОМУ МОРСКОМУ РАЗБОЙНИКУ АДМИРАЛУ КРАКЕНУ УДАЁТСЯ СОБРАТЬ ПОД СВОИМ КОМАНДОВАНИЕМ ЛУЧШИХ ПИРАТСКИХ КАПИТАНОВ.
ЕГО ФЛОТ НАСЧИТЫВАЕТ СОТНИ КОРАБЛЕЙ, КРЕПОСТЬ НА ЕГО ОСТРОВЕ НЕПРИСТУПНА. ЕГО ЛЮДИ ГРАБЯТ СУДА ВСЕХ СТРАН, БЕЗ РАЗБОРА.
ВОЗМУЩЁННОЕ БЕСЧИНСТВАМИ КРАКЕНА, АНГЛИЙСКОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО ПОСЫЛАЕТ В ВЕСТ-ИНДИЮ СВОЕГО ЛУЧШЕГО СПЕЦИАЛИСТА ПО БОРЬБЕ С ПИРАТСТВОМ - КАПИТАНА ДЖЕКА ЧЕЙНА, ПО ПРОЗВИЩУ ЦЕПНОЙ ПЁС.
СОЗНАВАЯ ВСЮ СЛОЖНОСТЬ ПОБЕДЫ НАД ПИРАТАМИ В ОТКРЫТОМ БОЮ, ЧЕЙН ИЗБИРАЕТ ДРУГОЙ ПУТЬ.
В ДЕНЬ, КОГДА ВСЯ ПИРАТСКАЯ АРМАДА СОБРАЛАСЬ У БЕРЕГОВ ОСТРОВА КРАКЕНА, ПРОГРЕМЕЛ ЧУДОВИЩНЫЙ ВЗРЫВ.
ПОДКУПЛЕННЫЙ ЦЕПНЫМ ПСОМ ПРЕДАТЕЛЬ ПОДЖЁГ ПОРОХОВЫЕ СКЛАДЫ...
О.КРАКЕНА
БАБАХ!!
ПИРАТСКОЙ АРМАДЕ И ЭКОЛОГИИ ОСТРОВА БЫЛ НАНЕСЁН НЕВОСПОЛНИМЫЙ УРОН. ИЗ ВСЕХ ПИРАТСКИХ ОФИЦЕРОВ, ПО ОФИЦИАЛЬНОЙ ВЕРСИИ, ВЫЖИЛО ЛИШЬ ТРОЕ.
ДАНЯ© '00г.

ВСКОРЕ ИХ ПУТИ СОШЛИСЬ В МАЛЕНЬКОМ ГОРОДКЕ НАВАССА (СМ. ПЕРВУЮ ЧАСТЬ.)
Таня Камагуэй бывш. капитан "Кроноса"
Израэль Хенс канонир с "Октопуса"
РАТУША
ГЛАВНАЯ ПЛОЩАДЬ.
Четверг капитан "Твоей Смерти"
Люди четверга
Часть вторая:
Тугая петля.
ВЛАСТЬЮ, ДАННОЙ МНЕ КАК МЭРУ ГОРОДА НАВАССЫ, Я ПРИГОВАРИВАЮ...
...К СМЕРТНОЙ КАЗНИ ЧЕРЕЗ ПОВЕШЕНИЕ...
ПИРАТСКОГО КАПИТАНА ТАНЮ КАМАГУЭЙ, И ЕЁ ДЕСЯТЕРЫХ СООБЩНИКОВ,
ПО ОБВИНЕНИЮ В :
1. ПИРАТСТВЕ, 2. ПРОВОЗЕ КОНТРАБАНДЫ
4. ШПИОНАЖЕ,
ЧЕРТ ! КАЖЕТСЯ, ОНИ НАУЧИЛИСЬ ВЕШАТЬ ЛЮДОЕДОВ !

ЧТО, СТАРЫЙ ПОХОТЛИВЫЙ КАНОНИР, ОПЯТЬ ПОДГЛЯДЫВАЕШЬ ЗА ДЕВЧОНКАМИ ?
6. РАСТЛЕНИЕ МАЛОЛЕТНИХ,

ПРИВЕТ, ТАНЯ. ДАВНЕНЬКО НЕ ВИДЕЛИСЬ. ПОХОЖЕ, ПРИДЁТСЯ СДЕЛАТЬ ТЕБЕ СКИДКУ НА ПОВЕШЕНИЕ КАК ПОСТОЯННОМУ КЛИЕНТУ.
10. НЕОДНОКРАТНЫЕ ПОБЕГИ ИЗ-ПОД СТРАЖИ,
НЕ ТО ЧТОБЫ МНЕ НЕ НРАВИЛИСЬ ТВОИ ШУТКИ, ПАПАША КАБОШ, НО ЧТО-ТО СЕГОДНЯ Я НЕ В НАСТРОЕНИИ ИХ СЛУШАТЬ. МОЖЕТ РАСКАЖЕШЬ МНЕ ИХ ЗАВТРА ?

СТАРЫЙ ДРУГ ! ЧЕТВЕРГ ! Я ЗНАЛ, РЕБЯТА, ЧТО ИМ ВАС НЕ ПРИКОНЧИТЬ ! КАК ВЫ ЗДЕСЬ ОЧУТИЛИСЬ ?
СЛУЧАЙНО, СТАРИНА. СЛУЧАЙНО.
ТЫ-ТО ЧЕГО ЗДЕСЬ ДЕЛАЕШЬ ?

Я БЫЛ НА ЯМАЙКЕ, НА СТРЕЛЬБИЩАХ. А КОГДА ВЕРНУЛСЯ... Я ДУМАЛ ВСЕМ НАШИМ КРАНТЕЦ ! НУ Я В НАВАССУ. ДУМАЮ, МАЛО ЛИ...

СЕГОДНЯ
17 декабря
НА ГЛАВНОЙ ПЛОЩАДИ
СОСТОИТСЯ КАЗНЬ
ПИРАТСКОГО КАПИТАНА И ЛЮДОЕДА
ТАНИ КАМАГУЭЙ!
ВХОД:
ВЗРОСЛЫМ:
•3ПЕССО
ДЕТЯМ И ЖЕНЩИНАМ
•2ПЕССО
ПИРАТАМ:
БЕСПЛАТНО
Я ТОГДА НА ПЛОЩАДЬ ! НЕ БРОСАТЬ ЖЕ НАШИХ ! НА МЕСТЕ, ДУМАЮ, РАЗБЕРУСЬ, ЧТО К ЧЕМУ... МЫ ВЕДЬ ИХ ВЫТАЩИМ, ПРАВДА ?

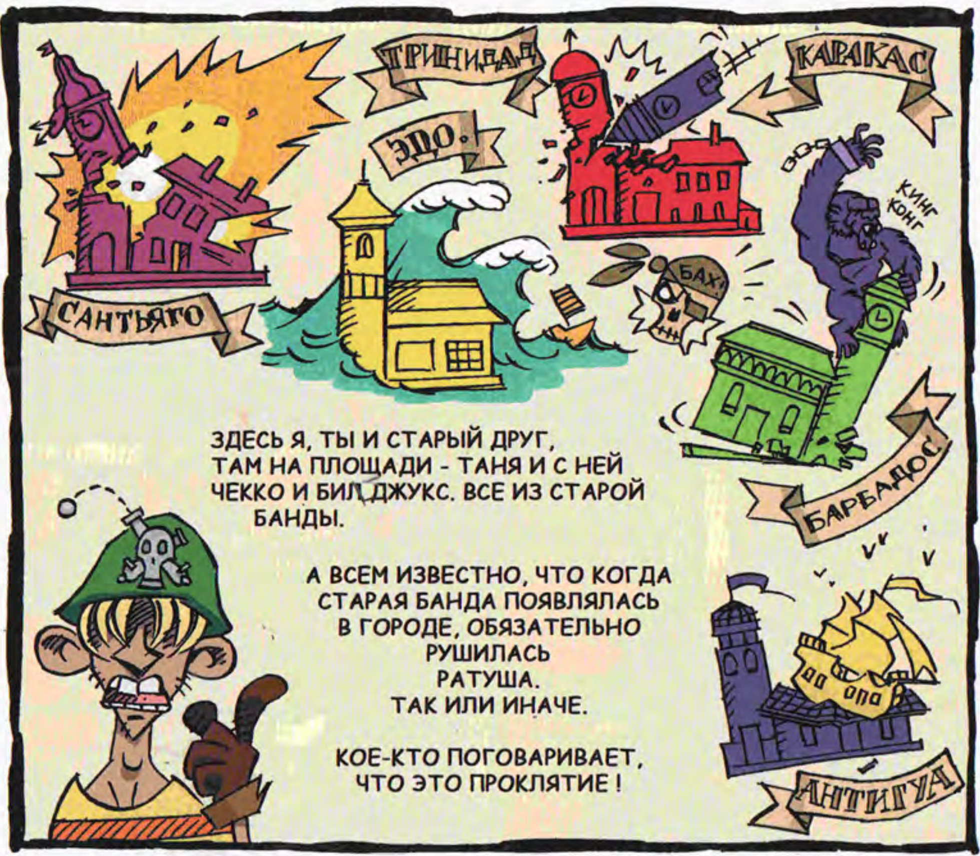

ВО-О-ОН ТА. ВИДИШЬ ПАРНЯ РЯДОМ С ЭШАФОТОМ. ЭТО ПЛАЦЕБО ПУСТЫШКА. ОН, ПРЕДАТЕЛЬ, И ПОДВЗОРВАЛ СКЛАДЫ !
ПОПРОБУЕМ... А ЕЩЁ МНЕ СТРАШНО ИНТЕРЕСНО, КАКАЯ СВОЛОЧЬ ПЫТАЛАСЬ НАС ВЗОРВАТЬ.

ПУСТЫШКА, ИУДА ЧЁРТОВ ! ДАЙ МНЕ ТОЛЬКО ДО ТЕБЯ ДОБРАТЬСЯ !!!
НЕ ДУМАЮ ЧТО, ТЕБЕ ПРЕДОСТАВИТСЯ ТАКАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ.
Я ОТ ТЕБЯ ЖИВОГО БУДУ ПО КУСКУ ОТКУСЫВАТЬ, ТЩАТЕЛЬНО ПЕРЕЖЁВЫВАТЬ, И В ВЫГРЕБНУЮ ЯМУ ВЫПЛЁВЫВАТЬ !!!
ЕЩЁ БЫ. ПЕТЛЯ НА ШЕЕ ПОМЕШАЕТ ТЕБЕ ГЛОТАТЬ.
14. КАНИБАЛИЗМ В ОСОБО ИЗВРАЩЁННОЙ ФОРМЕ,

РАЗВЛЕКАЕШСЯ, ПЛАЦЕБО ?
ЧЕЙН ?!
ЛУЧШЕ ТЕБЕ УБРАТЬСЯ ИЗ ГОРОДА, ПУСТЫШКА. ПРЕДАТЕЛЕЙ НИКТО НЕ ЛЮБИТ.

МЫ СЧИТАЛИ ТЕБЯ ЧЕСТНЫМ ПРОТИВНИКОМ, ЦЕПНОЙ ПЁС, НО ПОХОЖЕ ТЕБЕ БОЛЬШЕ ПО СЕРДЦУ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ УСЛУГАМИ ПРЕДАТЕЛЕЙ !
ВЫ, ПИРАТЫ, ГРАБИТЕ И УБИВАЕТЕ. НЕ ВАМ ДАВАТЬ МНЕ УРОКИ ЧЕСТИ ! ЧТОБЫ ОЧИСТИТЬ ОТ ВАС МОРЯ Я ПРИМУ ПОМОЩЬ И ОТ САТАНЫ !

ОПА ! ЦЕПНОЙ ПЁС ! ТЕПЕРЬ ВСЕ ГОСТИ В СБОРЕ НАЧНЁМ ВЕЧЕРИНКУ !
НЕТ ! НЕ СЕЙЧАС ! РАТУША СЛИШКОМ БЛИЗКО !

ТРИНИДАД
КАРАКАС
ЭДО
САНТЬЯГО
КИНГ КОНГ
БАХ!
БАРБАДОС
АНТИГУА
ЗДЕСЬ Я, ТЫ И СТАРЫЙ ДРУГ, ТАМ НА ПЛОЩАДИ - ТАНЯ И С НЕЙ ЧЕККО И БИЛ ДЖУКС. ВСЕ ИЗ СТАРОЙ БАНДЫ.
А ВСЕМ ИЗВЕСТНО, ЧТО КОГДА СТАРАЯ БАНДА ПОЯВЛЯЛАСЬ В ГОРОДЕ, ОБЯЗАТЕЛЬНО РУШИЛАСЬ РАТУША. ТАК ИЛИ ИНАЧЕ.
КОЕ-КТО ПОГОВАРИВАЕТ, ЧТО ЭТО ПРОКЛЯТИЕ !

Я В КУРСЕ, ТАК ЧТО ЗАТКНИСЬ.
ДА, НО...
МОЖЕТ, ПОЙДЁШЬ И ВЕЖЛИВО ИХ ПОПРОСИШЬ ПЕРЕНЕСТИ КАЗНЬ ПОДАЛЬШЕ ОТ РАТУШИ ?
НЕТ, НО...

...А ВТОРОЙ, ТОТ, ЧТО ХОДИТ С ЛЕТАЮЩИМ ЧЕРЕПОМ, ТОТ ЗА СЕКУНДУ ИЗРУБИЛ В КУСКИ ВСЁ ЧЕТВЁРТОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ! ОНИ И ОРУЖИЕ НЕ УСПЕЛИ ДОСТАТЬ !
ЭТО ЧЕТВЕРГ, ХЕНС И СТАРЫЙ ДРУГ. ТАК ОНИ ВЫЖИЛИ ! ПАРШИВАЯ НОВОСТЬ.
ПИРАТЫ ! ОНИ ХОТЯТ ЗАХВАТИТЬ ГОРОД ?!

НЕТ. СЕЙЧАС У НИХ НА ЭТО НЕ ХВАТИТ СИЛ. А ВОТ УБИТЬ МЕНЯ ИЛИ ПЛАЦЕБО И ОСВОБОДИТЬ СВОИХ МОГУТ ПОПЫТАТЬСЯ. ОТСТУПАТЬ ДОЛЖНЫ БУДУТ К ПОРТУ, ТАК ЧТО НАПАДУТ С ВОСТОКА.
О, БОЖЕ !

ЭЙ ВЫ, НЕДОТЁПЫ ! СЛЫХАЛИ ЧТО СКАЗАЛ КАПИТАН ?! ВСЕ В ВОСТОЧНУЮ ЧАСТЬ ГОРОДА !!!

ВОТ КУДА УХОДЯТ ДЕНЬГИ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКОВ !

ЗАТО НЕ НАДО ПРИДУМЫВАТЬ ПЛАН ДЕЙСТВИЙ.

ЭТИХ РЕБЯТ КОГДА-НИБУДЬ ПОГУБИТ ИХ ОТЧАЯННАЯ ХРАБРОСТЬ.

В ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ:

Два лица Тани К.

ХОЛЬМ ВАН ЗАЙЧИК. ДЕЛО ЖАДНОГО ВАРВАРА. АЗБУКА

ТВЕРДЫЙ ПЕРЕПЛЕТ, 288 СТР., 2000 Г.
ISBN 5-267-00375-1,
ТИРАЖ: 15000 ЭКЗ.

Фамилия достопочтенного автора воскрешает в памяти работу митьковской сестренки Оленьки Флорентской, изображающей зайчика в разрезе. Внутренности зверя подозрительно смахивают на самогонный аппарат; из комментария зритель выясняет, что организм зайчика вырабатывает алкоголь.

Осталось определить, что вырабатывает организм ван Зайчика? Не алкоголь, это совершенно точно. Возможно, один из сортов улуньского чая; возможно - какой-нибудь евразийский кумыс нового поколения. Дегустатором станет читатель; в случае уклонения от исполнения священного долга он будет подвергнут принудительному зайчикованию по методу все тех же Митьков-Флоренских.

Резюме. Одной славной литературной мистификацией стало в нашей с вами жизни больше. Следовательно - но пасаран.

СИГИЗМУНД КРЖИЖАНОВСКИЙ. СКАЗКИ ДЛЯ ВУНДЕРКИНДОВ. ГУДЬЯЛ – ПРЕСС

ТВЕРДЫЙ ПЕРЕПЛЕТ, 560 СТР., 2000 Г.
СЕРИЯ: ЛАБИРИНТ; АВТОРСКИЙ СБОРНИК
ISBN 5-8026-0071-3, ТИРАЖ: 10000 ЭКЗ.

У каждого свой страх - плохонький, да свой. Вот, например, Гоголь боялся быть заживо захороненным. Этот страх был для него столь мучителен, что он неоднократно отдавал письменные поручения друзьям хоронить только тогда, когда появятся явные признаки смерти. Есть и у меня маленькая фобийка - суффикс уничижительный не случаен - сродни гоголевской. Страх, что некоторые роскошные культурно-искусственные происшествия (тексты, к примеру, или иные какие явные проявления трепетного духа человечьего) будут погребены заживо: в столе, в погребе, в кладовой, на искалеченной небрежным обращением дискете. Страх дурацкий, конечно. Не следует суетиться, воображая себя единственным, "кто понимает", сеятелем Р.Д.В. и вообще "рукой судьбы". Она, судьба, и без моей помощи разберется. В конце концов, кто сказал, что шедевры создаются для публики и нуждаются в успехе? Однако всякий раз, когда издательская "служба спасения" извлекает из небытия очередной "погребенный заживо" шедевр, я радуюсь. Честно говоря, я попросту счастлив бываю в таких случаях.

Сигизмунда Кржижановского, конечно же, успели многоголосо окрестить "русским Борхесом" - сколько их у нас уже, Борхесов-то? Подумать страшно. Манера навешивать подобные ярлыки на неизвестных широкой аудитории авторов сродни уловкам полуподпольных портных времен "советской угрозы", которые шили замечательные "самопальные" шмутки с "фирменными" пуговицами и этикетками, увеличивающими стоимость произведения портновского искусства втрое, если не вчетверо.

Что ж, это работает, да. Однако обидно. Хоть в "Клуб убийц букв" вступай.

Впрочем, пустое. Негромкая посмертная слава Сигизмунда Кржижановского, когда-то построившего "Мост через Стикс" - шанс для нас, читателей. Не для всех, конечно, а лишь для "удивительных детей", которым, собственно, и предназначены фантастические "сказки". Сорок лет рукописи мертвого сказочника пылились в архивах; но иногда смерть отменяется. Или откладывается на потом. На послезавтра, скажем.

P.S. А тем, кто придет после меня, советую называть Сигизмунда Кржижановского "русским Касаресом". Оно ближе к истине, да и оригиналами прослыть можно без особых усилий.

ТАТЬЯНА ТОЛСТАЯ. КЫСЬ. ИНОСТРАНКА

М.: ПОДКОВА, ИНОСТРАНКА, 2000. - 384 С.;
ТИРАЖ 10 000 ЭКЗ.

"Кысь" - это такой "Мэд Макс", только лучше.

Поэтому никого не слушайте. О романе Татьяны Толстой "Кысь" до сих пор не написали только очень ленивые рецензенты, вроде меня. Прочие высказались и неоднократно (могу их понять: повод - из ряда вон выходящий, книга - гениальная).

Но... Но.

Не давайте им себя запугать. Прочитав добрую дюжину рецензий, я решил, что "Кысь" - книга чрезвычайно сложная для восприятия; лежа на диване с миской засахаренной клюквы ее не одолеешь, только тяжелый труд на семантических рудниках поможет героическому читателю взять эту вершину. Готовился к чтению, как к экзамену; в книжный магазин шел - как на войну, где пленных не берут.

Какая ерунда, право! Я давно так не веселился. Оказалось, что "Кысь" - чтение легкое, приятное, более того, уморительно смешное. И вообще, это просто очень хорошая фантастика. Классическая, между прочим, антиутопия: все благополучно мутировали и изрядно одичали; жить, соответственно, стало гораздо веселее. Так весело, что и словами не описать - разве что, словами самой Татьяны Толстой.

Я же говорю: "Кысь" - это такой "Мэд Макс", только лучше. Это вообще один из самых лучших текстов, какие мне, безнадежно запойному читателю, когда-либо доводилось испепелять усталыми очами. Так-то.

УЭДА АКИНАРИ. ЛУНА В ТУМАНЕ. КРИСТАЛЛ

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ НОВЕЛЛЫ / ПЕР. С ЯП. З. РАХИМА И А. СТРУГАЦКОГО; СОСТ. И ОБЩ. РЕД. Р. В. ГРИЩЕНКОВА; ПРЕДИСЛ. В. Н. МАРКОВОЙ; ПРИМ. А. СТРУГАЦКОГО. - СПБ.: КРИСТАЛЛ, 2000 ("БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ВОСТОЧНАЯ СЕРИЯ"). - 256 С., ИЛ.; ТИРАЖ 10 000 ЭКЗ.; ISBN 5-306-00030-4.

Почему всякий доблестный любитель фантастики должен иметь в своей библиотеке "Луну в тумане"?

Не только потому, что Аркадий Стругацкий - один из переводчиков; этот факт, как раз, можно было бы игнорировать: мало ли, чем занимается на досуге любимый писатель.

Однако прочитать "Луну в тумане" совершенно необходимо. Представления представителей иной культуры (и иной эпохи) о фантастическом сами по себе - та еще фантастика. К тому же, очарование японской прозы вызывает привыкание - как кофеин, никотин и прочие легкие наркотики. В отличие от прочего дурмана, японская проза - наркотик не только легкий, но и экологически чистый. Да и законом не запрещен, что само по себе удивительно.

03:10:14 AM

ВЕДЬМА ИЗ БЛЭР 2 КНИГА ТЕНЕЙ.
(BOOK OF SHADOWS: BLAIR WITCH 2)

Официальный сайт фильма: http://www.blairwitch.com/

К продолжению понравившейся книги/фильма я всегда отношусь с некоторой опаской... Ведь, поди ж, запортят в погоне за длинным баксом то хорошее, что было в первой части, поскольку удержаться на уровне очень трудно: простое повторение приемов оригинала уже не интересно, а изменение стиля часто чужеродно. Как нам недавно объяснили, "Ведьма из Блэр - Курсовая с того света" была первой частью трилогии... Не думаю, что авторы фильма сами об этом догадывались, снимая первую часть, но, так уж получилось: КПД окупаемости превысил все возможные ожидания, от продолжения было не отвертеться, тем более что финал первого фильма остался предусмотрительно открытым. Но что самое интересное, фильм первый был не только кассовым, культовым и пр. пр. модные словечки, но и качественным. До планки, отделяющей долби-кич от искусства не пришлось судорожно дотягиваться, по всей видимости, можно уже говорить, что то самое кино вошло в историю своей принципиальной новизной. А ведь как просто оказалось: не надо тратить десятки миллионов на чучела злобных чудищ, чтобы зритель пошел на страшилку... Зрителю страшно от намека на страх, от страха в глазах героев, от повседневности страха, от того, что он (зритель), не видит, чего боятся - не показывают ему мультяшного какодемона, сделанного с использованием новейших достижений компьютерных технологий - боятся приходится того, что сам себе навоображал, а собственный страх страшнее чужого...

Так вот, как ни странно, второй фильм ничуть не уступает первому. Пусть туда вбухано уже немаленькое количество миллионов, пусть герои вовсю пользуются оцифровкой изображений ведьмы на компьютере, - фантастической банальщины и спекуляции удачно разыгранной темы не получилось. То есть от спекуляции на тему уйти было нельзя - таки продолжение. Но когда герои заявленного игровым, без дураков, фильма приторговывают через и-нет майками "Blairwitch hunt", деревянными человечками, а когда становится страшно, утешают друг друга тем, что Ведьма - лишь кино, гениальный маркетинг, не более... ловишь себя на мысли, что крыша едет не только у них, но и у тебя.

А вообще... Вообще, фильм получился очень точно выписанным и сыгранным, отчего и боишься больше. Кино скорее не о Ведьме, а, как это ни странно, про то, о чем мы время от времени все так любим думать: станет ли реальностью то, во что ты веришь, и где вообще та самая "реальность". История молодых ребят, хотевших казаться крутыми, из второй части, так же, как из первой, логически завершена, история Ведьмы - нет... Ну, в третьей-то нам расскажут ВСЮ правду. :)

НЕУЯЗВИМЫЙ
(UNBREAKABLE)

Официальный сайт фильма: http://studio.go.com/movies/unbreakable/intro.html

Инди... тьфу, индоамериканец Найт М. Шьямалан продолжает радовать нашего и американского зрителя адаптацией тем индийского кинематографа в голливудском контексте. И это, правильно, господа-товарищи. На самом деле культура поп-корна и дешевых комиксов ничуть не менее крута, чем культура кино про то, как брат потерял сестру своего отца, женившегося на родной тетушке, с которой у того самого брата (не путать с Братом-2) несчастная любовь. Ну, сами посудите, и тут и там - понарошечные драки, невзаправдашние страсти, Ужасные Злодеи и Смелые Спасители Мира... А ежели надоедливую народную мелодику индийского кино заменить на кодаковские спецэффекты, сделать качественный звук, а на роль Спасителя пригласить чуть грустного, но такого родного всем нам Брюса Уиллиса... К авторской концепции, пожалуй, не придраться: схавают. Если пива с чипсами перед сеансом закупят - точно схавают. До конца не уйдут, а в конце мы им подкинем маленькую неожиданность - пусть размышляют про глубину и иносказательность - с пива разное померещится... Одно плохо: нет "Несчастного Случая", а они такую песенку про "я - Бэтмен" забабахали...

Официальный сайт фильма:
http://www.amazon.com/exec/obidos/subst/video/misc/dreamworks/whatliesbeneath/wl-home.html (да, как ни странно, на Амазоне...)

ЧТО СКРЫВАЕТ ЛОЖЬ
(WHAT LIES BENEATH)

Ну вот парадокс. Снимает Земекис очередной фильм про то, как Нехорошо Изменять Жене и что с этого Страшная Месть бывает. Лениво так играет престарелый Гаррисон Форд, хотя блистательная Мишель Пфайфер партнера чуток скрашивает. А все вместе смотрится... И помнишь ведь, что таки живые подводные мертвецы встречались тебе уже в мериканьськом кино не одну сотню раз, кровь в ванной замечательно обыграл еще Хичкок в "Психо", а Форд в роли Фредди Крюгера, это... как бы и ну, как априличнее выразиться... однако.... Однако хороший такой штамп получился, крепкий, выдержанный, даже труднопереводимое иностранное слово саспенс так и крутится в голове, тягает нервные окончания мускулов пальцев, которые, в свою очередь, таки набили его, как видите в текст. Он самый ... саспенс - вроде все как всегда, а интересно. Молодец, Земекис!

ВНИМАНИЕ!!!
В рубрике «Новости на грани Ф» скрывается небольшой подвох. Одна (но только одна!) из новостей — фальшивка, остальные — как бы фантастично они не звучали — самые настоящие. Первым трем читателям, которые вычислят фальшивую новость и пришлют правильный ответ (в анкете есть специальное поле для ответа) будет вручен специальный **Ф-ПРИЗ!!!**

ЖЕНЩИНА, КОТОРАЯ REMOTE

Какими качествами должна обладать женщина, чтобы мужчина влюбился в нее и с трепетом ожидал каждого следующего разговора? Как показывает японский опыт, она лишь должна уметь сказать мужчине, что он слишком много думает о себе. Более 30.000 японцев уже подписались на сервис под названием Love By Mail для того, чтобы заниматься флиртом по электронной почте. К их услугам девушки четырех типов - барменши, стюардессы, секретарши и учительницы. Выбрав собеседницу, вы начинаете игру в "электронные свидания" - из которой, как сказано выше, тысячи подсевших на нее японцев не могут выбраться до сих пор. Ведь девушки на том конце провода очень привередливы! Только вы начнете говорить о спорте или о бизнесе, или попытаетесь отделаться банальными комплиментами, как тут же можете получить от ворот поворот. В то же время внимательные, нежные партнеры награждаются не менее нежными ответами. В чем же, собственно, новшество этого "секса по телефону"? - спросите вы. А в том, что сервис Love By Mail разработала компания Bandai, получившая всемирную известность благодаря своей игрушке "Тамагучи". Да-да, это тот самый брелок-яйцо, который вечно кричит "покорми меня"! Ну что, теперь вам ясно, с кем флиртуют через Интернет 30.000 Іяпонцев многие месяцы напролет?

СЕРДЦЕ, ТЕБЕ НЕ ХОЧЕТСЯ ПОКОЯ

Британец Роберт Мосс из Дриффилда (Йоркшир) недавно пришел в Музей науки в Лондоне и выставил на витрину свое собственное сердце. 61-летний мужчина, заполучивший новое сердце благодаря трансплантации, надеется, что его отработанная часть тела, находясь на выставке, будет напоминать посетителям о всех тех, кому нужны донорские органы. Мистер Мосс оставил свое сердце в стеклянной банке с формальдегидом, рядом с другими биомеханическими экспонатами в новом крыле музея - Wellcome Wing. "Я рад отдать музею свое сердце. Теперь у него будет то, чего сам я за свою жизнь так и не смог получить - постоянный лондонский адрес. Однако я не буду писать ему - оно все равно вряд ли ответит", - заявил Мосс. Впрочем, не исключено, что даже если бы он написал своему сердцу, почтальон все равно отнес бы письмо не по адресу. В том же зале музея напротив сердца мистера Мосса в такой же банке формальдегида выставлено сердце генетически модифицированной свиньи, и если не читать таблички, два сердца очень легко спутать.

МАКОВАЯ РОСИНКА

Давно известно, что растения могут быть настоящими фабриками по производству самых разнообразных веществ, от вакцин до пластика. Но как добыть эти вещества из растений? Хорошо, когда нужное вещество терпит высушивание, а затем выделяется во время заваривания кипятком, как в случае чая или кофе. Но бывают вещества и посложнее, которые выделить не так-то просто. Опять же, не всегда выгодно губить растение, а потом выращивать его с самого начала заново. Генетики из Rutgers University (Нью-Джерси) под руководством Ильи Раскина придумали оригинальный способ - они научили растения выделять нужные протеины в виде капель росы. По ночам, когда листья растений теряют много жидкости из-за испарения, внутреннее давление выталкивает на поверхность листьев немного межклеточной жидкости. Группа Раскина модифицировала растения таким образом, чтобы в их межклеточную жидкость входило три "чужих" протеина, среди которых - светящийся зеленый протеин, заимствованный у медузы (он часто используется генетиками в качестве индикатора). Как и предполагалось, растения стали выделять "светящуюся росу" через листья. По словам специалистов, метод Раскина очень впечатляет: в росе с одного растения оказывается столько протеина, сколько другие ученые получают, "выжимая" целое растение. Теперь понятно, почему эльфы и другие мифические существа питаются росой?

МАФИЯ: ПОСЛЕДНИЙ ОПЛОТ МОРАЛИ

В последнее время в мире все шире развивается индустрия "порноновостей", то есть теленовостей, сопровождаемых стриптизом, а то и групповым сексом. Одним из пионеров этого привлекательного жанра стала программа "Голая Правда" на одном из российских телеканалов, а также сайт www.nakednews.com. Однако, далеко не все поддерживают такие шоу. Ко всеобщему удивлению, в Италии против таких новостей выступает сицилийская мафия. Представители Эммануэллос и Ринзивиллос, двух враждующих кланов сицилийского портового города Джела, чье противоборство принесло четырех покойников за один только месяц, очень злятся, когда видят "голые новости" на местном канале Video Golfo. Томас Бусцетта, бывший лидер мафии, так комментирует ситуацию: "Для мафии женщина священна. Ее место дома, где она должна гладить одежду мужа - а вовсе не в телестудии, где она снимает свою". Если так пойдет и дальше, кровавая мафия станет вскоре последним оплотом нравственности в Италии, обогнав по чистоте своих рядов даже католическую церковь!

МАРСИАНСКИЕ ХРОНИКИ

На конференции Ames Research Center в NASA, посвященной возможности терраформирования Марса, доктор молекулярной биологии Джулиан Хискокс предложил метод освоения ближних к Земле планет с помощью генной инженерии. Проект предполагает заселение Марса бактериями, способными перерабатывать скальные грунты планеты, выделяя при этом углекислый газ. Этот процесс приведет к глобальному потеплению и увлажнению планеты и сделает ее пригодной для жизни. "Надо взять бактерию, которая обитает на Земле в условиях, наиболее приближенных к марсианским, и поиграть немного в Дарвина", - сказал Хискокс участникам конференции. Для этого эксперимента ученые намерены взять бактерии, обитающие в Антарктике при крайне низких температурах. Генетики собираются выращивать клетки в экстремальных условиях и отбирать те, которые проявят хорошую выживаемость. Затем бактериям планируют привить стойкость к химически агрессивным средам, засухе, радиации, а также способность производить протеины, поглощающие ультрафиолет. Такие протеины будут не только защищать клетки, но и снабжать их энергией. Правда, некоторые уже высказывают опасения, что "камнеядные" бактерии могут вырваться из-под контроля и начать пожирать что попало. И не только на Марсе.

ПИНЦЕТ! СКАЛЬПЕЛЬ! ДОМКРАТ!

Есть такая очень полезная наука - "бионика". Она изучает различные механизмы живой природы, чтобы затем применять их в технике. Однако, похоже, что в нашем техноцентрированном мире становится модной совсем противоположная тенденция обучения. Детские кардиохирурги Лондона, оказывается, учатся командной работе у механиков "Формулы-1". По их мнению, слаженность действий механиков во время пит-стопа, когда те меняют "резину" на болидах, может пригодиться при передаче детей из операционной в отделение интенсивной терапии. В такие моменты реаниматологи должны буквально за считанные секунды получить всю информацию о состоянии здоровья маленького пациента и приступить к его лечению. По словам хирурга Мартина Эллиота, после знакомства с приемами механиков они обнаружили несколько моментов в процедуре передачи больного, которые были совершенно лишними. Остается надеяться, что "совершенно лишними" не станут такие вещи, как укладывание больного на носилки. А то ведь знаете, как передвигают автомобильные покрышки - их просто катят по земле!

ЛЕТЯТ ПЕРЕЛЕТНЫЕ ПТИЦЫ

Из ресторана в Шотландии пропал пингвин по имени Перки, и обеспокоенные хозяева поместили в местную газету объявление о пропаже и фотографию. Каково же было их удивление, когда через несколько дней они получили от своего питомца письмо по электронной почте. В письме говорилось: "Я на несколько дней отправился в Антарктику, чтобы повидать маму и папу. Не беспокойтесь, я, конечно, к вам вернусь. Желаю всем счастливого Рождества и до скорой встречи". Кроме письма пингвин прислал свои фотографии.

ВОЛОС ДОЛГИЙ - УМ СПОКОЙНЫЙ

Помните старую шутку: "Почему умный, когда думает, чешет лоб, а дурак - затылок?". Оказывается, не только чесание помогает сдвинуть размышление с "мертвой точки". В журнале Nature опубликованы результаты эксперимента финских нейропсихологов, изучавших влияние звуковых раздражителей на процесс принятия решений. Как выяснилось, существенное влияние на этот процесс оказывают те колебания, которые находятся за границей восприятия человеческого уха (менее 20 герц). Однако мозг все равно "слышит" эти колебания, используя в качестве антенны череп. Но восприимчивость черепа можно "заглушить" - и роль такой глушилки чаще всего выполняют волосы. Причем более мягкие, то есть светлые, и более длинные волосы изолируют мозг лучше, чем короткие и темные. Правда, финские ученые особо подчеркивают - видимо, чтобы не обидеть соотечественников-блондинов - что волосы являются лишь "одним из факторов", влияющих на скорость принятия решений. Естественно, что куда более важны сами умственные способности человека, а также темперамент. Но все же, при прочих равных, вступают в силу низкочастотные шумы (которых, кстати, довольно много) и "волосяная глушилка", которая изолирует от них мозг. Так что если ваша подруга-брюнетка в ходе экспериментов с красителями сделала свои волосы мягкими и шелковистыми, вам придется привыкнуть, что теперь она будет думать "со скоростью блондинки". С другой стороны, если она подстриглась наголо, берегитесь!

НАВЕДЕННАЯ ГАЛЛЮЦИНАЦИЯ

На прошедшей в Лос-Анджелесе выставке Comdex Fall 2000 компания Dimensional Media представила проекторы, позволяющие создавать свободно висящие в пространстве трехмерные изображения, которые можно видеть без очков с разных сторон. Реальный объект (банка колы, к примеру) находится внутри постамента, однако проектор создает иллюзию, что он висит в воздухе над постаментом. Как работает этот "объемный перископ" - большой секрет. Сообщается лишь, что это система "линз и зеркал" - нет никаких лазеров и прочих наворотов. Dimensional Media обещает, что проекции можно будет транслировать в будки на другом конце планеты, а также транслировать тем же путем 3D-видеофильмы. Кроме того, с фантомами DM можно общаться через систему Digital Touch: вокруг проецируемого объекта создается сетка инфракрасных лучей, посредством которых можно определить местоположение частей взаимодействующего с проекцией объекта. Представьте себе "фантомную клавиатуру", которую нельзя ни разбить, ни залить кофе - она просто висит в воздухе, а вы просто делаете над ней эдакое бесконтактное каратэ. В общем, настает время реальных глюков.

"МАТРИЦА" ГДЕ-ТО РЯДОМ

Биохимики из Мичиганского университета создали топливный элемент, работающий на бактериях. Бактерии разлагают глюкозу, получая аденозинтрифосфорную кислоту (АТФ) - универсальное энергетическое топливо для клетки. В ходе этого процесса возникает поток электронов, приводящий в действие все системы клетки. Биохимики внедрили в наружную мембрану бактерий молекулы, отвлекающие на себя часть потока электронов. Топливный элемент, горючим для которого служит раствор глюкозы, вырабатывает напряжение 0,6 вольта при токе до 17 миллиампер. Ученые планируют довести технологию до промышленного уровня и применять такие батарейки в мобильных телефонах. Тем временем в одном из университетов Израиля разрабатывается способ отвлекать подобным же образом часть энергии от клеток человека. И видимо, вскоре люди смогут питать собственной энергией носимое на себе оборудование. "Матрица" все-таки поимеет тебя, Нео!

БАЮ-БАЙТ

Психолог Стив Эванс из Эбергэвенни, южный Уэльс, создал электронную колыбельную машину, которая, как он утверждает, может за несколько секунд успокоить плачущего ребенка. Нужно лишь предварительно давать ребенку слушать песенки этой машины, пока он еще в утробе, по 20 минут в день. Изучив колыбельные всех стран и народов, Эванс обнаружил в них некий общий ритмический паттерн, напоминающий высокочастотную составляющую звука бьющегося сердца. "Ухо зародыша слышит лишь в определенном диапазоне. Поэтому, когда раздаются удары сердца матери, он слышит не "бум-бум", а некий эквивалент колыбельной". Колыбельная машина Babycalm уже вызвала интерес во всем мире, и будет продаваться с января по цене 149 фунтов.

ХОЧЕШЬ АНЕКДОТ? ПЯТЬ ВОЛЬТ!

Американским врачам удалось идентифицировать участок головного мозга, отвечающий за чувство юмора. По словам автора открытия, Дина Шибаты из медицинской школы университета Рочестера, он расположен в нижних отделах лобной доли. После инсультов, локализованных в этом районе, человек может быть начисто лишен способности понимать шутки. Ученые обследовали 13 человек, каждый из которых прошел четыре различных теста. В ходе эксперимента добровольцев смешили и изучали изменения, происходившие в их мозгу. Активность в различных отделах мозга регистрировалась при помощи магнитно-резонансной томографии. По словам авторов исследования, в будущем такая методика может быть использована психиатрами для оценки тяжести депрессии, при которой пациенты часто теряют чувство юмора. Не исключено также, что вскоре вместо слова "анекдот" мы будем употреблять слово "электрод", так как получается, что рассказывание анекдотов можно заменить банальной стимуляцией отдельного участка мозга.

ВЫДЕЛЕНКА СРЕДИ ВЫДЕЛЕНИЙ

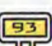
Компания CityNet Communications готова к началу масштабной операции по развертыванию километров оптоволокна в 33 городах США. При этом не будет повреждено ни метра асфальтового покрытия. Все это благодаря нетрадиционной технологии прокладки: волокно будет проложено в... канализации. Для этого CityNet приобрела у шведской компании Ka-Te Holding 53 робота по $750.000 каждый. Именно эти роботы и будут лазить по канализации, прокладывая трубки для кабелей. Общая стоимость работ при использовании этого метода должна снизится вдвое. Идея и в правду гениальная! Ведь канализация - это готовая инфраструктура, которая имеет "гнездо" в каждом доме. И если уж на то пошло, сами "гнезда" даже оборудованы удобными домашними терминалами-стульчаками, где все мы любим посидеть время от времени. Так что если из вашего унитаза вдруг вылезет робот и предложит подключиться - не удивляйтесь, просто спросите цену. В Австралии, кстати, уже делают национальную интерактивную карту общественных туалетов.

ПРЕЗИДЕНТ - ЭТО ТОТ, КТО БОЛЬШЕ ВСЕХ ЛЖЕТ

Миниатюрный детектор лжи Handy Truster, который может встраиваться в мобильный телефон или даже телевизор, начала продавать южнокорейская фирма 911 Computer. В приборе, разработанном в израильском военном институте, используется анализ паттернов голоса, который позволяет определить, лжет ли человек, который с вами разговаривает. На экране прибора изображена иконка в виде яблока - и каждый раз, когда прибор засекает ложь, откусывается кусочек от яблока. Вы можете использовать прибор в разговоре со своим любимым, чтобы проверить, действительно ли он задержался на работе. А возможны и более серьезные последствия. Один дотошный журналист из The Time купил программу Truster, запустил ее на своем компьютере и стал анализировать выступления Гора и Буша. Как выяснилось, во время трех встреч-дебатов Буш соврал 57 раз, а Гор - 23 раза. Представьте, что было бы, если бы соответствующий софт поступил в широкую продажу до выборов!

По материалам: New Scientist, BBC, Ananova, Nature, Wired, Lenta.Ru, DZ-Online, Компьютерра, Аккумулятор Новостей

Так уж получилось, что Фантом #3 задержался в пути из-за происков недружелюбных пришельцев. В результате, ваши письма с ответами не упели прийти в срок, так что назвать победителя прошлого тура мы еще не можем. И фальшивую новость из #3, пока не объявляем. Зато у вас появился дополнительный месяц на правильный ответ.

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Несколько раз в жизни мне приходилось выступать со сцены. Отвратительное ощущение, доложу я тебе. Стоишь, в глаза тебе светят прожектора, зала не видно, и такое ощущение, что все давно ушли по своим делам, а ты говоришь в пустоту... Б-р-р-р.
Так вот, издавать журнал — это приблизительно то же самое. Ты не видишь меня, а я тебя. Поэтому, когда я получаю от тебя письма, я понимаю — все, что мы делаем, кому-то нужно и интересно. Ура! Когда наш почмейстер, Александр Героич, приносит новую пачку писем, мы всей редакцией бросаем свои дела и идем в кофейню напротив, где и читаем по очереди письма вслух. Пожалуй, накопилось достаточно материала, чтобы отвести страничку под ПЕРЕПИСКУ.

Бичева Ольга

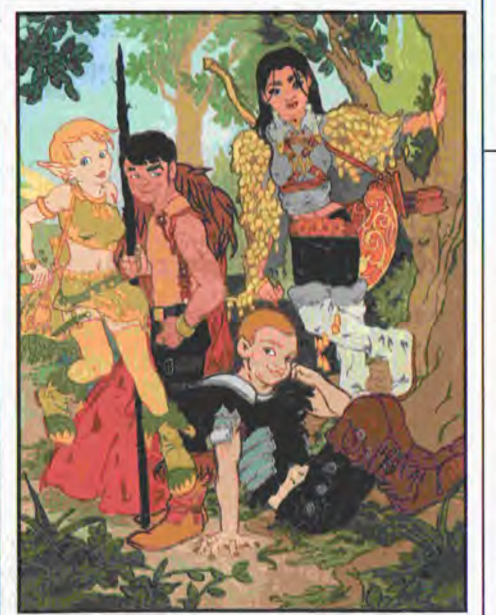
Денис Cosmo из Подольска советует мне отъехать километров эдак на 20-30 (или больше) от МКАД, чтобы убедиться, что никаких техногенных перемен там не происходит.

Попробовал. Удалившись на 20 километров, я все еще находился в промзоне. Еще через 20 начался лес, но деревья в нем перемежались телеграфными столбами и непонятными механическими сооружениями, впрочем, сильно ржавыми. Тогда я решил, что нужно увеличить порядок скачка и прыгнул сразу на несколько тысяч километров. Что бы вы думали? Я оказался точно в такой же промзоне, но уже другого государства. Резюме — мест, не затронутых техногенными изменениями за МКАД не обнаружено.

Юдин Денис

Другой Денис, из Калининграда, утверждает: *"Фантастика — это не только то, что придумывает человек, но еще то, к чему он стремится реализовать. Это мои слова и об этих словах я буду утверждать всем."*

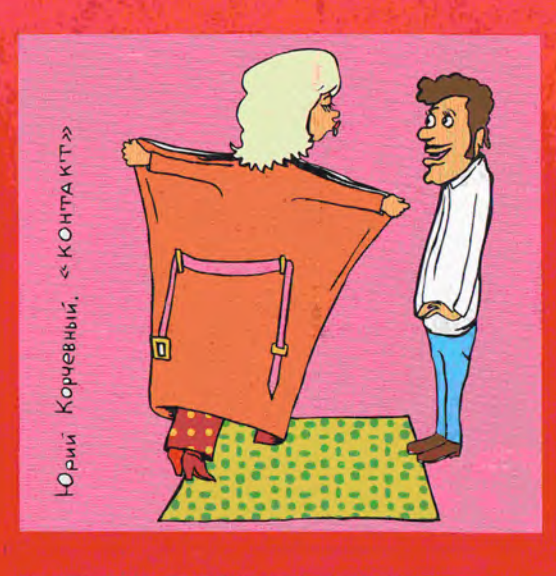
Денис, дорогой, я совершенно согласен с тобой по сути, но наш литредактор не совсем согласна с формой изложения... (Впрочем, не расстраивайся, она ко всем придирается.)

Бичева Ольга

А вот наш читатель из города Россошь, пожелавший выступить под псевдонимом А. Клетнев, считает, что для полного совершенства Фантому не хватает одного — мы еще не напечатали ни одного его (Клетнева) рассказа. Прочтение прилагающегося рассказа доставило нам столько удовольствия, что мы решили немедленно опубликовать хотя бы отрывок-другой. Вот: *"Из похожих на пасти ужасных чудищ, люков транспортов исторгались бурлящие, словно бешено несущиеся вперед речные потоки, все новые и новые полчища монстров. Рогатые, клыкастые, когтистые, с горящими безудержной злобой фасеточными глазами, уродцы с душераздирающим воинственным кличем, подобным реву разъяренного быка, вливались в ряды войск, неуклонно теснящих сплоченные, редеющие с каждой минутой отряды людей"*. И вот: *"С побелевшего лица радиста на генерала смотрели не мигая широко раскрытые от дикого, безмерного ужаса глаза, готовые вот-вот лопнуть"*. Поздравляем с публикацией.

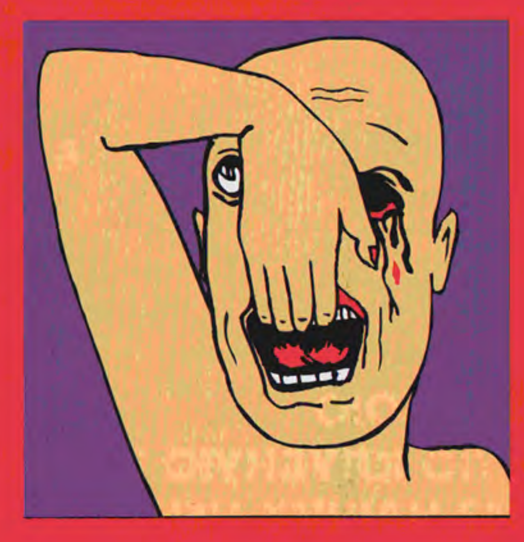
Кроме того, продолжается конкурс рисунков на фантастические и фэнтезийные темы. Мы уже получили несколько картинок, лучшие из которых вы увидите здесь. Одна просьба, если вы высылаете нам ксероксы своих работ, то не ленитесь их хотя бы раскрашивать.

Фантом

Юрий Корчевный. «КОНТАКТ»

Эй, это не все!

Что с ним?

Непонятно, почему этот Землянин не захотел войти в контакт с нашей цивилизацией?
Выбрось их всех из головы, расслабься и читай «ФАНТОМ»
ФАНТОМ

ЧИТАЙТЕ В ЯНВАРЕ

